370
П15

ПАМЯТИ

КОНСТАНТИНА ДМИТРІЕВИЧА

УШИНСКАГО

ПО СЛУЧАЮ 25-ТИЛѢТІЯ СО ДНЯ КОНЧИНЫ К. Д. УШИНСКАГО

(21-го декабря 1870 г.—21-го декабря 1895 г.)

370
П15

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія Высочайше утвер. Товарищества „Общественная Польза“,

Большая Подъяческая № 39

1896

Весь сборъ съ изданія поступаетъ на сельскія читальни.

К. Ушинскій

Милостивый Государь,

Николай Александровичъ.

Вы, вѣроятно, недоумѣваете, почему я такъ долго не отвѣчалъ на послѣднее письмо ваше. Но если бъ Вы знали что со мной случилось, то меня поняли бы это. Возвратившись изъ Крыма, въ деревню къ себѣ, в самый день моего пріѣзда я едва не засталъ похоронъ моего старшаго сына, мальчика 18-ти лѣтъ, который за три дня до того, будучи на охотѣ, ранилъ себя смертельно. — Скоро послѣ того я получилъ письмо Ваше и недѣли черезъ двѣ написалъ на него отвѣтъ, но отвѣтъ этотъ былъ таковъ, что я хорошо сдѣлалъ, что не

посланіе отъ Васъ. вы бы увидали
у меня только, какъ мало через
уже лѣтъ сломанный подъ тяжелыми и не-
удачными ударами судьбы. Теперь
разомъ немножко затишье, и я могу
уже [illegible], [illegible] позволить
мнѣ [illegible], [illegible] разбитаго здо-
ровья, заняться своими обычными
дѣлами.

Мы наконецъ совсѣмъ покинули
Петербургъ и переселились въ Кіевъ,
гдѣ я тогда устроилъ [illegible]
[illegible]; мы имѣемъ купить домъ, гдѣ
уже и пристроить семью мою. Что
же касается собственно до меня, то
я въ будущемъ же мѣсяцѣ уѣду на
зимовку въ Крымъ; направляюсь въ
Севастополь.

Само собою понятно, что весь
[illegible] моя [illegible] [illegible]
мною [illegible] въ эту зиму хоть
какое нибудь [illegible] третій

томъ, моей „Антропологіи", кото-
рой въ манускриптѣ уже готовъ. Въ первыхъ же словахъ этого тома вы найдете и разрѣшеніе показавшемуся вамъ противорѣчію. Человѣкъ не потому совершенъ, что обладаетъ разсудкомъ, имѣющимся и у животныхъ, а потому что обладаетъ <u>самосознаніемъ</u>, т. е. способностью наблюдать свои собственныя душевныя явленія, чего нѣтъ у животныхъ. — Эта то способность даетъ человѣку даръ слова, свободу воли, [illegible] и способность къ самоусовершенствованію — къ прогрессу!

Къ прогрессу! Но Боже мой, неужели пришлось мнѣ на склонѣ моей жизни усумниться въ прогрессѣ?! Гдѣ же путь прогресса, когда въ настоящую минуту образованнѣйшія націи міра грызутся, какъ дикіе волки?! Неужели образованіе такъ [illegible] для человѣка, что онъ радъ ра[illegible], когда ему удается ввергнуть

чу его статистическихъ условій и, подъ бла-
говидными предлогами патріотизма и вели-
кихъ стремленій, разнуздавъ всѣ свои дикіе,
животные страсти. Неужели нуж-
но было только для того, чтобы раздуть
коллективное самолюбіе племенъ и дать
поводъ для проявленія самыхъ звѣрскихъ
[illegible]. Все это способно подорвать вѣру
въ образованіе и въ науку. А медоточивые
пастырскіе рѣчи, благословляющіе име-
немъ Христа грабежъ, огонь, пожаръ,
убійство, блудъ, пьянство, месть, изуверство
— все это есть [illegible] на земли!

Извините за [illegible]

отъ [illegible] моихъ очень [illegible]

Преданный

К. Ушинскій

27 Сент. 1870

Кіевъ

ПАМЯТИ К. Д. УШИНСКАГО.

923

ПАМЯТИ

КОНСТАНТИНА ДМИТРІЕВИЧА

УШИНСКАГО

ПО СЛУЧАЮ 25-ТИЛѢТІЯ СО ДНЯ КОНЧИНЫ К. Д. УШИНСКАГО.

(21-го декабря 1870 г.—21-го декабря 1895 г.)

19 т.

Весь сборъ съ изданія поступаетъ на сельскія читальни.

370
П15

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія Высочайше утвер. Товарищества „Общественная Польза“,
Большая Подъяческая № 39.
1896

СОДЕРЖАНІЕ.

	стр.
Къ читателямъ.	I—II.
Чествованіе памяти К. Д. Ушинскаго. . .	1— 6
I. Рѣчь священника *Василія Маренина* . . .	7— 10
II. Рѣчь директора Педагогическаго Музея, генералъ-маіора *А. Н. Макарова*	11— 14
III. Значеніе чествованія К. Д. Ушинскаго, его заслуги и труды, *М. Л. Песковскаго* . . .	15— 40
IV. Ушинскій объ общественныхъ и антропологическихъ основахъ воспитанія. *П. Ф. Каптерева*	41— 56
V. Голосъ изъ семьи, *Е. Я. Корсаковой*. . . .	57— 66
VI. Дѣятельность К. Д. Ушинскаго въ Смольномъ институтѣ (По личнымъ воспоминаніямъ автора), *Д. Д. Семенова*.	67—104
VII. Педагогическія идеи К. Д. Ушинскаго, *Д. Д. Семенова*	105—134
Приложеніе къ статьѣ Д. Д. Семенова: «Дѣятельность К. Д. Ушинскаго въ Смольномъ институтѣ» — *о Программѣ педагогики, составленной Ушинскимъ*	135—150

стр.

VIII. О народности въ воспитаніи по Ушинскому, *Л. Н. Модзалевскаго* . . . . . 151—162
Приложенія къ статьѣ Л. Н. Модзалевскаго :
а) *Первое*—«Замѣтки К. Д. Ушинскаго, относящіяся къ чистотѣ русскаго языка». . . 163—164
б) *Второе*—«Прощальная рѣчь Л. Н. Модзалевскаго, сказанная на товарищескомъ обѣдѣ въ честь К. Д. Ушинскаго, въ сентябрѣ 1864 года» . . . . . 165—168
IX. Мысли К. Д. Ушинскаго о воспитательно-образовательномъ значеніи родной природы и родного слова, *Ю. Ю. Цвѣтковскаго* . . 169—182
X. Значеніе К. Д. Ушинскаго для народныхъ учителей и школъ, *В. Я. Аврамова* . . . 183—198
XI. К. Д. Ушинскій какъ редакторъ «Журнала Мин. Нар. Просвѣщенія», *Я. Г. Гуревича* . 199—206

Премія въ память К. Д. Ушинскаго, учрежденная его семьею . . . . . 207—212

Къ читателямъ.

Литература о Константинѣ Дмитріевичѣ Ушинскомъ, его жизни, дѣятельности и сочиненіяхъ, въ общей сложности, довольно обширна. Но, вообще говоря, она до послѣдняго времени остается разбросанною; кромѣ того, въ отдѣльныхъ своихъ частяхъ эта литература не представляетъ чего-нибудь цѣльнаго, законченнаго, а имѣетъ болѣе или менѣе отрывочный характеръ. Вслѣдствіе этого, лицу, пожелавшему разносторонне познакомиться съ жизнью и разнообразною дѣятельностью К. Д. Ушинскаго, необходимо обращаться къ цѣлому ряду сочиненій о немъ и самостоятельно, такъ или иначе, сводить ихъ въ одно цѣлое.

Предлагаемая книга можетъ до нѣкоторой степени способствовать пополненію этого, столь существеннаго, пробѣла въ общей литературѣ объ Ушинскомъ. Заключая въ себѣ мнѣнія и отзывы десяти отдѣльныхъ лицъ объ Ушинскомъ, эта книга, при довольно скромномъ ея объемѣ, тѣмъ не менѣе охватываетъ всѣ главнѣйшія черты изъ жизни и дѣятельности К. Д Ушинскаго, значеніе

оставленныхъ имъ трудовъ и разнообразіе общественныхъ его заслугъ въ прошломъ и настоящемъ.

Къ нынѣшнему изданію приложены: 1) портретъ К. Д. Ушинскаго; 2) факсимильное письмо покойнаго (въ извлеченіи) къ барону Н. А. Корфу, извѣстному дѣятелю по народному образованію; и 3) надгробный памятникъ Ушинскаго въ Выдубецкомъ монастырѣ, подъ Кіевомъ, въ живописной мѣстности, на высокомъ берегу Днѣпра.

По желанію авторовъ всѣхъ произведеній, напечатанныхъ въ этой книгѣ, равно какъ и семьи покойнаго К. Д. Ушинскаго, издавшей на свой счетъ предлагаемую книгу, весь сборъ, имѣющій поступить какъ съ нынѣшняго, такъ и съ послѣдующихъ изданій, предположено полностью обратить на сельскія библіотеки и читальни. Объ этомъ будетъ своевременно оповѣщаться во всеобщее свѣдѣніе посредствомъ газетныхъ извѣщеній.

ЧЕСТВОВАНІЕ ПАМЯТИ

Константина Дмитріевича Ушинскаго.

Долго памятны будутъ русскому обществу чествованія 20-го и 22-го декабря 1895 года, по случаю двадцатипятилѣтія со дня смерти *Константина Дмитріевича Ушинскаго*.

Еще за нѣсколько дней до годовщины, газеты оповѣстили, что петербургское городское общественное управленіе, въ виду несомнѣнныхъ заслугъ Ушинскаго, по книгамъ котораго учились милліоны русскихъ дѣтей, и на педагогическихъ идеяхъ котораго воспитались тысячи русскихъ народныхъ учителей и учительницъ,—признало необходимымъ: 1) учредить въ память К. Д. Ушинскаго стипендіи въ земской учительской школѣ и на высшихъ женскихъ и педагогическихъ курсахъ, съ назначеніемъ на этотъ предметъ общей суммы до 1,000 рублей въ годъ, и 2) въ

случаѣ удовлетворенія возбужденнаго думою ходатайства о разрѣшеніи помѣщать на училищныхъ квартирахъ и зданіяхъ доски съ именами лицъ, памяти которыхъ посвящаются училища, наименовать училищами «въ память К. Д. Ушинскаго» всѣ городскія начальныя училища, имѣющія быть открытыми въ 1896 — 97 учебномъ году.

Днемъ смерти Ушинскаго необходимо считать 21-ое декабря, такъ какъ несомнѣнно, что онъ скончался именно въ первую половину ночи съ 21-го на 22-ое декабря. Вечеромъ 20-го декабря, въ помѣщеніи «С.-Петербургскаго общественнаго собранія педагоговъ» состоялось чествованіе памяти К. Д. Ушинскаго, на которое собралось довольно много публики. Торжество открылось рѣчью Д. Д. Семенова о значеніи Ушинскаго вообще и о преобразованіи имъ учебно-воспитательнаго дѣла въ Смольномъ институтѣ. Какъ этой рѣчи, такъ и слѣдовавшей за нею рѣчи Л. Н. Модзалевскаго особенный интересъ придавало то обстоятельство, что оба оратора были не только сослуживцами К. Д. Ушинскаго по Смольному институту, но вмѣстѣ съ тѣмъ непосредственными участниками и помощниками этого талантливаго и энергическаго иниціатора въ указанномъ преобразованіи, послужившемъ началомъ новой эры воспитанія въ духѣ человѣчности и глубокаго уваженія личности. Наконецъ, Ю. Ю. Цвѣтковскій напомнилъ о благотворномъ нравственномъ вліяніи Ушинскаго въ свое время на молодежь и разъяснилъ его значеніе въ дѣлѣ реформированія военныхъ корпусовъ, которые были превращены друзьями и учениками реформатора-педагога изъ узко-военныхъ школъ въ общеобразовательныя заведенія, давшія намъ героевъ во время войны съ турками 1877 — 78 годовъ.

Нѣтъ надобности входить здѣсь въ подробное изложеніе указанныхъ рѣчей, такъ какъ названныя лица были дѣятельными участниками и въ послѣдующемъ чествованіи, а потому ихъ взгляды и сужденія найдутъ мѣсто въ дальнѣйшемъ описаніи чествованія 22-го декабря. Въ заключеніе замѣтимъ лишь, что описываемый вечеръ въ собраніи педагоговъ закончился многолюднымъ ужиномъ, носившимъ задушевно-семейный характеръ; въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, буквально не прерывалась самая оживленная бесѣда объ Ушинскомъ, свидѣтельствовавшая сама собою, какое искреннее и глубокое чувство объединяло людей, пришедшихъ помянуть его. Тѣмъ не менѣе описанный вечеръ былъ лишь предвѣстникомъ болѣе внушительнаго чествованія 22-го декабря.

Нужно вообще замѣтить, что въ средѣ столичныхъ педагоговъ уже около года бродила мысль о необходимости публичнаго, торжественнаго чествованія памяти К. Д. Ушинскаго, по случаю 25-лѣтія со дня его смерти. Мысль эта высказывалась разными лицами и по разнымъ поводамъ такъ многократно и съ такою настойчивостью, что, по всей вѣроятности, это именно и послужило импульсомъ для всѣхъ чествованій Ушинскаго, состоявшихся, или только предполагавшихся, какъ въ Петербургѣ, такъ и далеко за его предѣлами. Заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что группѣ столичныхъ педагоговъ удалось создать именно «публичное» и «торжественное» чествованіе—по опредѣленной программѣ. Съ этою цѣлію, въ теченіе почти мѣсяца, въ гимназіи Маріи Николаевны Стоюниной, каждое воскресенье устраивались совѣщанія, на которыхъ была разработана программа этого вечера, а за тѣмъ—распре-

дѣлены и темы докладовъ между 8-ью лицами: г-ми В. Я. Аврамовымъ, Я. Г. Гуревичемъ, П. Ф. Каптеревымъ, г-жею Е. Я. Корсаковой, г-ми Л. Н. Модзалевскимъ, М. Л. Песковскимъ, Д. Д. Семеновымъ и Ю. Ю. Цвѣтковскимъ. Тамъ же были выслушаны, обсуждены, согласованы между собою и самые доклады.

Эту работу частнаго кружка лицъ, когда она была уже закончена, охотно принялъ подъ свое покровительство Педагогическій Музей военно-учебныхъ заведеній, или точнѣе—его Учебно-воспитательный Комитетъ со своими отдѣлами. Благодаря этому, частный починъ получилъ значеніе дѣла общественнаго.

Состоявшееся 22-го декабря публичное чествованіе памяти К. Д. Ушинскаго, по православному обычаю, началось панихидою, отслуженною, по желанію значительнаго числа педагоговъ, въ Казанскомъ соборѣ, во второмъ часу дня. На этой панихидѣ священникъ Василій Ивановичъ Маренинъ сказалъ прекрасную рѣчь, которая и приведена полностію нѣсколько ниже. Вечеромъ же, 22-го декабря, въ торжественномъ, публичномъ засѣданіи Учебно-воспитательнаго Комитета и его отдѣловъ, при громадномъ стеченіи публики, переполнявшей обширный залъ Музея, были доложены поименованными выше лицами всѣ восемь сообщеній, посвященныхъ памяти К. Д. Ушинскаго и помѣщенныхъ ниже въ послѣдовательномъ порядкѣ ихъ чтенія.

Каждое сообщеніе, начиная со вступительной рѣчи г. предсѣдателя Комитета, директора Педагогическаго Музея, генералъ-маіора Аполлона Николаевича Макарова, сопровождалось дружными, а въ большинствѣ случаевъ даже и

бурными, аплодисментами всей громадной аудиторіи, переполненной, можно сказать, просвѣщеннѣйшими представителями столицы. Не смотря на то, что сообщенія растянулись съ 8½ ч. вечера за полночь, съ однимъ лишь перерывомъ не болѣе 20-ти минутъ,—публика оставалась на своихъ мѣстахъ, продолжая относиться къ чередовавшимся сообщеніямъ съ неослабѣвающимъ вниманіемъ и сочувствіемъ. Наконецъ, когда въ первомъ часу ночи сошелъ съ каѳедры послѣдній лекторъ, — публика все-таки медлила расходиться. Большинство присутствовавшихъ, вставъ со своихъ мѣстъ, одушевленно кричало: «Спасибо вамъ! Всѣмъ спасибо!» И, въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, дружно раздавались въ залѣ такіе возгласы многочисленныхъ слушателей, благодарившихъ виновниковъ этого торжества, т. е. директора Педагогическаго Музея и участниковъ чествованія.

Чѣмъ собственно обусловливалось такое серьезное, глубокосочувственное отношеніе публики къ этому торжеству,—объ этомъ каждый желающій можетъ составить себѣ опредѣленное понятіе, обратившись къ послѣдующему содержанію этой книги, посвященной увѣковѣченію столь знаменательнаго чествованія въ память нашего незабвеннаго педагога-писателя К. Д. Ушинскаго.

Охарактеризованное въ общихъ чертахъ торжество, конечно-же, не единственное въ своемъ родѣ, тѣмъ не менѣе оно замѣтно выдѣляется изъ ряда другихъ торжествъ подобнаго рода. Присутствовавшіе на немъ такъ явственно ощущали не простое только возбужденіе, какъ это обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, но именно подъемъ духа, такого рода воодушевленіе, когда образуется изуми-

тельное единеніе мыслей и чувствъ при какомъ бы то ни было значительномъ сборищѣ людей, самыхъ разнообразныхъ общественныхъ положеній, взглядовъ, направленій и проч.

Такіе моменты имѣютъ драгоцѣннѣйшее воспитательное общественное значеніе. А потому, помимо даже великой памяти К. Д. Ушинскаго, уже и характеръ чествованія самъ по себѣ требуетъ такой именно книги, какъ предлагаемая.

I.

Рѣчь священника Василія Маренина,

сказанная въ Казанскомъ соборѣ 22 декабря 1895 года

на панихидѣ по К. Д. Ушинскомъ.

Во исполненіе апостольской заповѣди: «молиться другъ за друга» (Іаков. V гл. 16 ст.), собрались мы помолиться объ упокоеніи раба Божія Константина. Сошлись здѣсь, предъ алтаремъ Господнимъ, въ той мысли, что не можетъ быть выше и совершеннѣе на землѣ выраженія братскаго чувства, какъ въ молитвѣ.

Эта потребность молитвы за усопшаго вытекаетъ изъ присущаго всякому человѣку сознанія, что предъ лицемъ Господнимъ всякій трудъ человѣка, всякое біеніе его сердца, по человѣческой немощи, не чуждо ошибокъ, увлеченій, не чуждо грѣха. Присуще также человѣку желаніе искать въ

дѣятельности усопшаго собрата какого-нибудь утѣшенія себѣ, изъ котораго можно было-бы сплести вѣнокъ ему, какъ дань благодарности за его трудъ, понесенный отъ любящаго сердца.

Мы вспоминаемъ о педагогѣ, трудившемся всю свою жизнь надъ воспитаніемъ юношества, надъ этимъ великимъ, отвѣтственнымъ и святымъ дѣломъ; говорю «*святымъ*» потому, что завѣтъ Господа: «блюдите да не презрите единаго отъ малыхъ сихъ» (Мѳ. 18, 10). Эти слова относятся именно къ педагогамъ, потому что чистыя дѣтскія души, послѣ любящихъ объятій родительскихъ, поступаютъ въ руки педагоговъ, школьныхъ учителей — и на плечи послѣднихъ ложится отвѣтственное дѣло приготовленія изъ этихъ дѣтей добрыхъ сыновъ церкви и государства.

А потому съ полнымъ правомъ можно сказать: честь тому педагогу, который съумѣетъ согрѣть сердца малыхъ сихъ въ школѣ, съумѣетъ привязать ихъ къ себѣ. Честь тому педагогу, который будетъ владѣть этими сердцами, любовію прикуетъ къ себѣ эти чистыя сердца и души, при умѣньи передать то, что самъ знаетъ, что ему самому служило доброю пищею. Честь тому педагогу, который раскроетъ предъ дѣтьми не «книгу бездушную», надъ которою нерѣдко надрываются и слезами омываются свѣтлые дѣтскіе глазки, а *Книгу Господню*, книгу Его твореній, Его міра, украшеннаго всею лѣпотою отъ руки Создателя. Честь тому педагогу, который съумѣетъ заставить по-

любить на всю жизнь, до часа смертнаго, эту *живую книгу*, и читать въ ней, и понимать, и видѣть присносущную силу Господа и Его Божество (Рим. гл. 1, ст. 20)...

Таковъ былъ усопшій рабъ Божій Константинъ. Въ нѣмомъ благоговѣніи предъ природою, воспитываясь, по его словамъ, на лонѣ ея, въ ея обширной и совершеннѣйшей школѣ, руками этого могучаго учителя,—онъ былъ глубоко убѣжденъ, что природа и ея красоты, данныя ей Богомъ, лучшій учитель изъ всѣхъ учителей для всякаго дитяти, и это убѣжденіе онъ воплотилъ въ своей книгѣ, которую лишне даже называть, потому что ея заглавіе въ сердцѣ у каждаго изъ насъ, если только это сердце — русское сердце.

Имя Ушинскаго и его «Родного Слова» срослись съ дѣтскими годами всего нашего юношества, полюбились ему. Въ названной книгѣ дитя съ замирающимъ отъ радости сердцемъ встрѣчалось со всѣми дорогими ему предметами: роднымъ полемъ, селами, домомъ его, роднымъ городомъ и проч., и проч. Подъ вліяніемъ этой книги, передъ дѣтьми вновь и вновь встаетъ весь ихъ *дѣтскій міръ*, со всѣмъ его обаяніемъ.

Не мнѣ говорить здѣсь о другихъ заслугахъ усопшаго предъ отечественною педагогикою. Самъ по себѣ этотъ трудъ, подъятый усопшимъ на пользу дѣтей во исполненіе заповѣди Господа: «блюдите да не презрите единаго отъ малыхъ сихъ», есть та благоуханная предъ Господомъ жерт-

ва, въ которой духъ его получитъ отъ Создателя своего умилостивленіе и прощеніе множества грѣховъ, ибо «нѣсть человѣкъ, иже живъ будетъ и не согрѣшитъ, аще и единъ день житія его на земли»...

И мы вѣруемъ, что Господь Милосердный, обѣщавшій воздать всякому, кто ближнему своему подастъ «единую чашу студеной воды», проститъ рабу Своему Константину его вольныя и невольныя прегрѣшенія и воздастъ ему по Своему праведному Суду.

II.

Рѣчь директора Педагогическаго Музея, ген.-маіора А. Н. Макарова.

Какъ было уже замѣчено выше, при открытіи торжественнаго засѣданія Учебно-воспитательнаго Комитета Педагогическаго Музея военно-учебныхъ заведеній и всѣхъ его отдѣловъ, 22-го декабря 1895 года, предсѣдатель комитета, генералъ-маіоръ Аполлонъ Николаевичъ Макаровъ, произнесъ рѣчь, которую мы и приводимъ здѣсь цѣликомъ:

«Мм. г-ни и г-ри!

«Открывая настоящее собраніе, считаю долгомъ высказать, что иниціатива устройства его принадлежитъ М. Н. Стоюниной и тѣмъ лицамъ, которыя съ разныхъ сторонъ охарактеризуютъ предъ вами дѣятельность покойнаго Константина Дмитріевича и уяснятъ значеніе ея для русской школы и семьи. Предложеніе устроить здѣсь чествованіе памяти покойнаго Ушинскаго было принято Педагогическимъ Музеемъ съ полнымъ сочувствіемъ — въ виду

того значенія, какое имѣлъ онъ для военно-учебныхъ заведеній.

«Въ половинѣ 60-хъ годовъ, въ вѣдомствѣ военно-учебныхъ заведеній шла усиленная преобразовательная работа. Для ея выполненія, во вновь создаваемыя военныя гимназіи привлекались люди, правда, имѣвшіе уже извѣстный образовательный цензъ, но не вооруженные еще достаточною педагогическою подготовкою: ее замѣняло въ нихъ одно только желаніе учиться дѣлу, къ которому они были призваны. Въ это же время въ педагогической литературѣ получаетъ господствующее положеніе покойный Ушинскій: появляется рядъ его педагогическихъ статей, часть которыхъ печаталась въ «Педагогическомъ Сборникѣ», издававшемся уже тогда при Главномъ Управленіи военно-учебныхъ заведеній, а затѣмъ — и классическое сочиненіе Ушинскаго: «Человѣкъ — какъ предметъ воспитанія». Предисловіе къ этому послѣднему сочиненію начиналось такими словами:

«Искусство воспитанія имѣетъ ту особенность, что почти всѣмъ оно кажется дѣломъ знакомымъ и понятнымъ, а инымъ даже — дѣломъ легкимъ, — и тѣмъ понятнѣе и легче кажется оно, чѣмъ менѣе человѣкъ съ нимъ знакомъ, теоретически или практически. Почти всѣ признаютъ, что воспитаніе требуетъ *терпѣнія;* нѣкоторые думаютъ, что для него нужны *врожденная способность* и *умѣнье*, т. е. навыкъ; но весьма немногіе пришли къ убѣжденію, что, кромѣ терпѣнія, врожденной способности и навыка, необходимы еще и спеціальныя *знанія*, хотя многочисленныя педагогическія блужданія наши и могли бы всѣхъ убѣдить въ этомъ».

«Эти мысли и дальнѣйшее развитіе ихъ въ предисловіи, о которомъ я упомянулъ, производили въ то время глубокое впечатлѣніе на всѣхъ, кто признавалъ необходимость сколько нибудь сознательнаго отношенія къ дѣлу воспитанія и обученія. Среди воспитателей и преподавателей военно-учебныхъ заведеній трудно было встрѣтить такого, который не читалъ бы Ушинскаго, который у него не почерналъ бы знаній, необходимыхъ для педагогической дѣятельности, который къ его сочиненіямъ не обращался бы за разъясненіемъ своихъ недоумѣній и сомнѣній, который не видѣлъ бы въ Ушинскомъ своего великаго учителя!..

«Я не смѣю долго утруждать вниманіе почтеннаго собранія, такъ какъ сегодняшніе доклады освѣтятъ значеніе Ушинскаго полнѣе и цѣлостнѣе, чѣмъ могъ бы это сдѣлать я: мнѣ представлялось только умѣстнымъ напомнить о времени 30 лѣтъ тому назадъ для того, чтобы имѣть полное основаніе повторить, что чествованіе памяти Ушинскаго въ этой аудиторіи дорого Педагогическому Музею, какъ учрежденію вѣдомства военно-учебныхъ заведеній, вліяніе на устройство которыхъ несомнѣнно имѣлъ покойный Константинъ Дмитріевичъ.

«Сверхъ того, это вліяніе сказалось также еще и въ выработкѣ общеобразовательнаго курса реальнаго характера, и въ томъ значеніи, какое въ вѣдомствѣ военно-учебныхъ заведеній занялъ воспитатель, и въ томъ стремленіи къ сближенію съ семьями воспитанниковъ, какое установилось въ общеобразовательныхъ военно-учебныхъ заведеніяхъ, короче — въ томъ устройствѣ нашихъ общеобразовательныхъ интернатовъ, какое въ основныхъ, существен-

ныхъ чертахъ своихъ остается неизмѣннымъ до настоящаго времени».

Послѣ этой рѣчи предсѣдателя Комитета, одинъ за другимъ послѣдовали восемь докладовъ, въ томъ именно порядкѣ, какъ они изложены ниже. Кромѣ сообщенія Д. Д. Семенова на торжественномъ засѣданіи Учебно-воспитательнаго Комитета, ниже приведено также и другое его сообщеніе, сдѣланное имъ на вечерѣ 20-го декабря, въ «С.-Петербургскомъ общественномъ собраніи педагоговъ».

III.

Значеніе чествованія К. Д. Ушинскаго,

ЕГО ЗАСЛУГИ И ТРУДЫ.

«По дѣламъ ихъ узнаете ихъ».

Такими именно словами, мм. г-ни и г-ри, долженъ я начать рѣчь въ память незабвеннаго *Константина Дмитріевича Ушинскаго*. Ничто иное, какъ именно его *«дѣла»* собрали насъ сюда и заставляютъ въ одинъ тактъ биться сегодня сотни тысячъ русскихъ сердецъ, согрѣтыхъ горячею и глубокою признательностью къ памяти Ушинскаго.

Исполнилась четверть вѣка со дня кончины этого знаменитѣйшаго изъ русскихъ педагоговъ, неизмѣнно остающагося однимъ изъ самыхъ популярныхъ русскихъ дѣятелей во всѣхъ слояхъ населенія, такъ какъ по талантливымъ его книгамъ, въ теченіе уже 35-ти лѣтъ, неизмѣнно продолжаютъ учиться все новыя и новыя поколѣнія...

Въ высшей степени дорого и важно, что четвертивѣковая годовщина смерти этого славнаго русскаго дѣятеля ознаменована нынѣшнимъ чествованіемъ. Это «дорого» и

«важно» потому уже, что, въ силу какого-то недоразумѣнія, подобнаго рода чествованія довольно рѣдко выпадаютъ на долю даже и наиболѣе выдающихся и заслуженныхъ русскихъ педагогическихъ дѣятелей.

Считается общеизвѣстнымъ, даже избитымъ правиломъ, что заслуги на пользу общую необходимо не только признавать, но именно—еще и *чествовать* ихъ,—что такое чествованіе обязательно даже не столько ради памяти заслуженныхъ дѣятелей, сколько—для самого-же общества, какъ одно изъ главнѣйшихъ средствъ для воспитанія и его самого, и тѣмъ болѣе подростающихъ его поколѣній. Эти послѣднія, постепенно смѣняя другъ друга, такъ сильно нуждаются для руководства въ достойныхъ подражанія примѣрахъ и образцахъ. И горе тому народу, который не умѣетъ цѣнить такихъ примѣровъ, не дорожитъ ими!.. Между тѣмъ, фактъ общеизвѣстный, что до послѣдняго времени въ общей дѣятельности государства оставалась обширнѣйшая область, на которую какъ-бы даже вовсе не распространялось правило въ отношеніи открытаго чествованія общественныхъ заслугъ ея дѣятелей. Область эта — *педагогическая*. Несмотря даже на то, что именно эту область, по значенію ея дѣятельности, можно назвать одною изъ самыхъ важныхъ, а то и прямо-таки—*главенствующею*,— до сихъ поръ почти вовсе еще не было у насъ въ обычаѣ подобающаго общественнаго чествованія памяти заслуженнѣйшихъ нашихъ педагогическихъ дѣятелей, которые, однако, продолжаютъ оставленными ими трудами служить на пользу образованія и воспитанія новыхъ и новыхъ подростающихъ поколѣній, а, слѣдовательно — продолжаютъ безпрерывно служить на пользу по-

слѣдовательнаго созиданія русской *гражданственности* и *государственности*, культуры, прогресса и цивилизаціи, или иначе—всяческаго преуспѣянія внутренней жизни родины во всѣхъ отношеніяхъ.

Въ ряду такихъ заслуженныхъ нашихъ педагогическихъ дѣятелей безусловно первое мѣсто принадлежитъ Константину Дмитріевичу Ушинскому, великая и славная память котораго по справедливости чествуется сегодня всею образованною Россіею. Онъ имѣетъ всеобщее, повсемѣстное и притомъ неувядающее вліяніе, какъ одинъ изъ самыхъ компетентныхъ и даровитыхъ провозвѣстниковъ такихъ началъ воспитанія и обученія, которыя и до сихъ поръ еще остаются одинаково и неизмѣнно важными и необходимыми: для подростающихъ поколѣній и взрослыхъ, учениковъ и учителей, родителей и ихъ дѣтей, лицъ, только еще начинающихъ изучать великое дѣло воспитанія и обученія, и тѣхъ, которыя до самыхъ сокровенныхъ глубинъ изучили уже по нѣсколько системъ воспитанія. Являясь удачнымъ, талантливымъ истолкователемъ и популяризаторомъ въ отношеніи всего вообще учебно-воспитательнаго дѣла, Ушинскій, кромѣ того, оказалъ еще поистинѣ неоцѣненныя услуги семьѣ и школѣ, давъ имъ рядъ своихъ книгъ, облегчившихъ первоначальное обученіе какъ для учащихся, такъ и для учащихъ,—книгъ, обратившихъ эту ступень обученія изъ «*горькаго*»—въ *сладкое*, такъ что явилась наконецъ возможность неподдѣльно-искренняго, дружественнаго, любовнаго отношенія между учащимися-дѣтьми и лицами, занимающимися ихъ воспитаніемъ.

Въ виду такихъ громадныхъ заслугъ Ушинскаго на пользу общую, нельзя не порадоваться нынѣшнему чество-

ванію памяти этого достойнѣйшаго и заслуженнѣйшаго изъ русскихъ педагоговъ. Столь продолжительный уже недочетъ въ такомъ чествованіи въ отношеніи Ушинскаго можно было-бы, пожалуй, назвать даже и *неблагодарностью*. Наоборотъ-же, самый фактъ чествованія, являясь естественною данью признательности и уваженія къ памяти Ушинскаго, вмѣстѣ съ тѣмъ производитъ еще болѣе отрадное впечатлѣніе въ томъ отношеніи, что можетъ служить наглядным показателемъ извѣстной степени созрѣванія и роста русскаго общественнаго сознанія въ педагогическомъ отношеніи. И это—опять-таки прямой-же и непосредственный результатъ благотворнаго вліянія именно Ушинскаго.

Такое серьезное и исключительное по важности значеніе его дѣятельности во всемъ обиходѣ внутренней нашей жизни само собою уже обязываетъ насъ, прежде всего, возстановить въ памяти нравственный обликъ этого достойнѣйшаго изъ русскихъ людей.

Безспорно, именно К. Д. Ушинскому принадлежитъ честь, такъ сказать, *открытія* у насъ того, что называется «педагогическою областью». Ушинскій-же первый занимался и разработкою этой «области». Говоримъ объ *открытіи* и *разработкѣ* потому, что именно до конца 50-хъ годовъ, т. е. до момента выступленія на педагогическое поприще Ушинскаго, серьезно говоря, въ русскомъ обществѣ не проявлялось сколько-нибудь замѣтнаго интереса къ учебно-воспитательному дѣлу, а тѣмъ болѣе—сознательности.

Чему и какъ нужно учить подростающія поколѣнія? Можно-ли воспитывать, не обучая, и слѣдуетъ-ли обучать,

не воспитывая? Въ чемъ основная задача и цѣль воспитанія? — Эти и имъ подобные вопросы впервые получили въ нашей печати компетентное истолкованіе отъ Ушинскаго, — и стали, наконецъ, интересовать русское общество.

Ушинскій, обладая обширною и разностороннею научною подготовкою, ставящею его на одномъ уровнѣ съ знаменитѣйшими изъ западно-европейскихъ педагоговъ, оставался совершенно самобытнымъ, т. е. типично-русскимъ педагогомъ въ своихъ сужденіяхъ и взглядахъ на учебно-воспитательное дѣло вообще и школьное дѣло въ частности. Ушинскій, это — яркій русскій *самородокъ*, давшій намъ здоровыя основы воспитанія и обученія. Замѣчательно, что въ ту пору, когда выступалъ Ушинскій на педагогическое поприще, его голосъ за *національное* воспитаніе былъ почти одинокъ. Въ настоящее-же время движеніе въ пользу непремѣнно національнаго воспитанія составляетъ буквально повсемѣстное и самое характерное явленіе въ педагогической области.

Вообще-же, Ушинскій — замѣчательно своеобразная личность. Характерно отмѣченный отъ природы педагогическимъ дарованіемъ, онъ, по всему ходу своей жизни, представляетъ очень много особенностей, типично выдѣляющихъ его среди другихъ. А потому его жизнь и дѣятельность полны назидательности.

Черезъ всю его жизнь ярко проходитъ одна черта: ему до всего приходилось добиваться самому. Начало этому было положено еще на школьной скамьѣ. О той порѣ, когда учился Ушинскій, по справедливости можно сказать, что тогда «*не хорошо учили, но хорошо учились*». Учить даже и невозможно было «хорошо», потому что не

имѣлось необходимыхъ для этого средствъ, какъ-то: ни учебныхъ руководствъ и пособій, ни соотвѣтствующихъ дидактическихъ пріемовъ и проч. Учились-же «хорошо» потому, что, какъ ни плохъ былъ въ общемъ составъ преподавателей, все-же находилось одинъ-два человѣка въ заведеніи, которымъ удавалось благотворно вліять на учащихся, вызывая въ нихъ стремленіе къ самоусовершенствованію.

Особенно-же благопріятны были въ этомъ отношеніи университетскіе его годы, совпавшіе съ началомъ 40-хъ годовъ, т. е. съ временемъ перваго пробужденія политическаго сознанія въ передовой части русскаго общества, а потому—и съ временемъ коренного переворота въ нашей литературѣ. Въ ту именно пору зародилась «новѣйшая русская литература», которая, вмѣсто прежнихъ метафизическихъ потемокъ и романтическихъ мечтаній, занялась вопросами о народѣ, народномъ благѣ и народныхъ идеалахъ, такъ что со страницъ безличной, безсодержательной прежде русской печати пахнуло, наконецъ, здоровымъ реализмомъ, отраженіемъ потребностей и нуждъ русской жизни.

Съ истиннымъ благоговѣніемъ вспоминалъ Ушинскій всегда объ университетскихъ годахъ, какъ о лучшей порѣ въ своей жизни, какъ о моментѣ духовнаго своего рожденія. Да и было что вспоминать, было за что хранить признательность. Московскій университетъ въ ту пору переживалъ, можно сказать, самый блестящій періодъ въ своей исторіи. Послѣ измѣненія университетскаго устава въ 30-хъ годахъ, составъ профессоровъ Московскаго университета, при энергическомъ содѣйствіи мѣстнаго попечителя учебнаго округа, графа С. Г. Строганова, былъ

почти совершенно обновленъ, если не считать нѣсколькихъ старичковъ-профессоровъ, привыкшихъ читать по печатнымъ книгамъ, которымъ позволили дотянуть до пенсіи. Большая-же часть профессоровъ были люди молодые, воспитанники бывшаго профессорскаго института, недавно возвратившіеся изъ заграницы (преимущественно изъ Германіи) съ большимъ запасомъ знаній и прочною философскою закваской, съ горячею преданностью наукѣ и твердою вѣрой, что счастье на землѣ можетъ водворить лишь такой универсальный двигатель, какъ наука.

Въ блестящемъ составѣ профессоровъ Московскаго университета той поры звѣздами первой величины были: Грановскій, профессоръ исторіи, и П. Г. Рѣдкинъ, профессоръ энциклопедіи, законовѣдѣнія и государственнаго права. На ихъ лекціи стекались обыкновенно студенты всѣхъ факультетовъ, не исключая даже математическаго и медицинскаго, гдѣ учащіеся наиболѣе бываютъ увлечены своею спеціальностью.

Грановскій и Рѣдкинъ очень удачно пополняли другъ друга. Первый, отличавшійся большимъ мастерствомъ чтенія, дѣйствовалъ преимущественно на чувство слушателей, вызывая въ нихъ живой интересъ къ исторіи, но не пробуждая однако особенно усиленной работы ума. Второй-же, наоборотъ, не отличался особеннымъ лекторскимъ дарованіемъ, но увлекалъ слушателей обширностью и глубиною эрудиціи, неумолимою логикой. Слушаніе его лекцій вызывало усиленную работу мысли.

Лекціи П. Г. Рѣдкина, кромѣ того, имѣли въ то время очень важное значеніе и съ точки зрѣнія общаго университетскаго образованія. Большую часть своего курса онъ

посвящалъ критическому очерку исторіи философіи, безъ знанія которой, понятно, университетское образованіе не можетъ имѣть должной глубины, не можетъ быть научно въ полномъ смыслѣ слова. Такая постановка преподаванія была тѣмъ болѣе кстати, что въ университетѣ въ то время вовсе не преподавалось философіи; даже логика и психологія, неудачно пристегнутыя къ курсу богословія, слишкомъ поверхностно преподавались законоучителемъ. Такимъ образомъ лекціи Рѣдкина были для студентовъ единственнымъ средствомъ расширить и обобщить свое міровоззрѣніе на философскихъ основаніяхъ. Помимо Грановскаго и Рѣдкина, большою популярностью среди студентовъ пользовались также лекціи Чивилева, оффиціально считавшагося профессоромъ статистики, но преподававшаго однако политическую экономію, и лекціи профессора Крылова—по римскому праву.

Принявъ во вниманіе общее движеніе въ Россіи и пробужденіе русской общественной мысли, не трудно понять, какъ сильно долженъ былъ завладѣвать молодежью университетъ, особенно-же при такомъ удачномъ подборѣ профессоровъ, какъ въ Московскомъ университетѣ. Вообще говоря, юношество, переступая въ то время порогъ университета, всецѣло и беззавѣтно отдавалось чистымъ интересамъ науки, съ тѣмъ благороднымъ, возвышеннымъ идеализмомъ, который такъ выгодно отличаетъ эпоху 40-хъ годовъ отъ всего послѣдующаго времени.

Такое благотворное, истинно научное вліяніе университета очень характерно отразилось на юномъ Ушинскомъ. Своеобразная система самообразованія, которую онъ продѣлалъ надъ собою въ гимназіи, гимнастика ума, къ ко-

торой онъ пріучилъ себя,—оказались какъ нельзя болѣе полезными во время университетскаго курса. И съ первыхъ же прослушанныхъ имъ лекцій, послѣ первыхъ дней пребыванія въ университетѣ, онъ развернулся во всю ширь своей богато и разносторонне одаренной природы.

Какъ юноша хорошо развитой, онъ свободно, безъ всякаго затрудненія, слушалъ лекціи по всѣмъ предметамъ избраннаго имъ факультета. Обладая обширною памятью, онъ легко усвоивалъ не только основную мысль лекцій, но и всѣ главнѣйшія частности. Это на первыхъ же порахъ рѣзко выдвинуло Ушинскаго и сдѣлало его до нѣкоторой степени предметомъ удивленія со стороны товарищей.

Къ лекціямъ Ушинскій относился съ большимъ увлеченіемъ. Онъ сразу почуялъ въ нихъ разумные, доказательные, научные отвѣты на всѣ тѣ затаенные вопросы, которые давно уже тѣснились въ его юношескомъ умѣ, угнетали его духъ, настойчиво требуя разрѣшенія. Никогда не оставаясь въ роли пассивнаго слушателя, Ушинскій обыкновенно выходилъ изъ аудиторіи съ массою новыхъ ощущеній, удовлетворенный или неудовлетворенный прослушаннымъ, съ новыми вопросами и мѣткими замѣчаніями по поводу прослушаннаго. Нерѣдко послѣ лекцій по тому или другому предмету ему случалось развивать своимъ товарищамъ цѣлую теорію, которой имъ не удалось усвоить въ профессорскомъ изложеніи.

Это естественно сдѣлало его центромъ кружка товарищей, такъ же горячо интересовавшихся наукой, какъ и онъ. Въ этой средѣ онъ пользовался большою любовью не только за умъ, остроту, прямой, открытый характеръ,

но и какъ идеально хорошій товарищъ. Придерживаясь преимущественно бѣдной среды товарищей, какъ наиболѣе преданныхъ интересамъ науки, онъ охотно дѣлился съ ними не только своими познаніями, но и послѣднимъ рублемъ, послѣдней трубкою табаку.

Въ то время не было развито изданіе профессорскихъ лекцій, въ видѣ литографированныхъ записокъ. Вслѣдствіе этого, хотя университетскій курсъ въ общемъ былъ меньше нынѣшняго, но студентамъ несравненно больше, чѣмъ теперь, приходилось самостоятельно работать. Благодаря этому, подъемъ научнаго интереса въ студенческой средѣ былъ очень высокъ. Это само собою порождало потребность въ живомъ обмѣнѣ мыслями по вопросамъ политическимъ, литературнымъ, нравственнымъ, философскимъ, историческимъ, и проч. Поэтому сплоченность, солидарность студенческой среды была очень велика.

Въ Москвѣ въ ту пору образовалось даже нѣчто въ родѣ студенческаго клуба. Это — небольшой трактиръ «Великобританія», находившійся по близости университета. Благодаря главнымъ образомъ вліянію Бѣлинскаго, а также и нѣкоторыхъ другихъ крупнѣйшихъ литературныхъ дѣятелей того времени, этотъ эмбріонъ клуба получилъ, можно сказать, историко-литературное значеніе умственнаго центра московскаго студенчества 40-хъ годовъ. Студентъ Ушинскій былъ очень замѣтною величиною въ этой общестуденческой семьѣ. Его мѣткія замѣчанія обо всемъ, что волновало учащуюся молодежь, облетали нерѣдко весь университетъ. Со свойственною ему прямотою и рѣзкостью, Ушинскій одинаково порицалъ и тѣхъ профессоровъ, и тѣхъ студентовъ, которые въ чемъ-либо отклонялись отъ

высокихъ нравственныхъ идеаловъ, вдохновлявшихъ тогда университетскую молодежь.

Вообще Ушинскій выгодно выдѣлялся въ студенческой средѣ самостоятельностью, независимостью своихъ воззрѣній, смѣлостью открыто высказывать мнѣнія, идущія въ разрѣзъ съ господствующими взглядами. Такъ, напримѣръ, въ противность весьма распространенному въ то время поклоненію передъ Наполеономъ I и Вольтеромъ, Ушинскій не стѣснялся порицать того и другого. Будучи убѣжденнымъ приверженцемъ свободы, видя въ ней величайшее благо для человѣчества, Ушинскій порицалъ Наполеона I за его посягательство на политическую свободу, Вольтера же—за его вторженіе въ область свободы совѣсти. Такое воззрѣніе на этихъ двухъ великихъ историческихъ дѣятелей Ушинскій сохранилъ во всю свою жизнь.

Съ особенною благодарностью вспоминалъ Ушинскій о П. Г. Рѣдкинѣ и Грановскомъ, подъ вліяніемъ талантливыхъ лекцій которыхъ онъ увлекся философіей и исторіей, весьма солидно изученными имъ на студенческой скамьѣ.

Ушинскому, въ бытность его студентомъ, приходилось работать очень много. Помимо увлеченія наукою и добросовѣстнаго отношенія къ университетскимъ занятіямъ, ему нужно было еще бороться съ нуждою. Въ теченіе почти всего университетскаго курса онъ вынужденъ былъ давать частные уроки. Состояніе его родителей съ каждымъ годомъ падало; деньги высылали изъ дому неисправно и, въ общемъ, ихъ было недостаточно даже для самаго скромнаго существованія въ университетѣ.

Трудовое, независимое существованіе прибавило энергіи юному Ушинскому и служило прекрасной школой для

воспитанія въ немъ твердой воли. Борьба-же съ нуждою нисколько не ослабила его розоваго поэтическаго настроенія. Серьезно занимаясь наукою, онъ не забросилъ и художественной литературы. Рука-объ-руку съ наукою шло основательное чтеніе любимыхъ его русскихъ и иностранныхъ писателей, какъ-то: Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Гете, Гофмана, Жана-Поля Рихтера и нѣкоторыхъ другихъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Ушинскій страстно увлекался также и театромъ, посѣщеніе котораго считалъ даже обязательнымъ для себя. Изъ своего скромнаго студенческаго бюджета онъ ежемѣсячно отдѣлялъ извѣстную сумму на театръ, причемъ конечно ему могли быть доступны только самыя верхнія мѣста.

Московскій театръ того времени привлекалъ къ себѣ всеобщее вниманіе. Это была пора полнаго расцвѣта талантовъ такихъ даровитыхъ артистовъ, какъ Мочаловъ и Щепкинъ, приводившихъ своею правдивою, обдуманною, прочувствованною игрою въ благоговѣйный трепетъ зрителей.

Поступивъ въ III классъ гимназіи на 12-мъ году жизни, Ушинскій блестяще окончилъ университетъ къ 20-ти годамъ, т. е. въ томъ возрастѣ, въ которомъ такому значительному количеству молодыхъ людей едва-едва приходится добиваться «аттестата зрѣлости». Несмотря на юношескій возрастъ Ушинскаго, юридическій факультетъ Московскаго университета такъ блестяще аттестовалъ своего «второго кандидата» въ смыслѣ умственной и нравственной зрѣлости, что бывшій въ то время попечителемъ московскаго учебнаго округа графъ С. Г. Строгановъ не задумался пригласить Ушинскаго на профессорскую каѳедру

въ Ярославскій Демидовскій лицей. Черезъ два года по окончаніи университетскаго курса, т. е. имѣя отъ роду лишь около двадцати двухъ лѣтъ, Ушинскій занялъ въ лицеѣ, преобразовывавшемся тогда въ высшее камеральное училище, каѳедру по энциклопедіи законовѣдѣнія, исторіи законодательствъ и финансовой наукѣ.

Со всѣмъ пыломъ чистой юношеской души предался юный профессоръ чтенію лекцій, къ чему почувствовалъ страстное влеченіе. Добросовѣстно готовясь къ лекціямъ, онъ мастерски излагалъ ихъ — ясно, съ жаромъ, увлекательно. Вскорѣ онъ занялъ одно изъ наиболѣе почетныхъ мѣстъ среди другихъ профессоровъ Ярославскаго лицея, какъ даровитый лекторъ, вполнѣ владѣвшій предметомъ, и пользовался большимъ расположеніемъ и уваженіемъ учащихся, оказывая сильное и благотворное вліяніе на нихъ.

Помимо лекцій, популярности его много способствовала также и рѣчь, произнесенная имъ на торжественномъ собраніи лицея 18 сентября 1848 года, «О камеральномъ образованіи». Эта рѣчь служитъ между прочимъ прекраснымъ доказательствомъ, съ какою громадною пользой для себя и для другихъ проработалъ Ушинскій четыре года на профессорской каѳедрѣ. Въ ту эпоху необычайно юнаго положенія русской науки и слѣпого подражанія во всемъ наукѣ заграничной, главнымъ-же образомъ — нѣмецкой, Ушинскій выступилъ вдругъ рѣзкимъ порицателемъ и противникомъ нѣмецкой системы камеральнаго образованія. Въ рѣчи своей онъ талантливо доказалъ, что нѣмецкіе камералисты очень неудачно смѣшали науку и искусство; что сочиненія ихъ по предметамъ камеральнаго образованія представляютъ лишь сборники разныхъ совѣтовъ и указаній

по разнымъ отраслямъ промышленности. Отвергнувъ нѣмецкую систему, какъ рецептурную, но вовсе не научную, Ушинскій предложилъ свою собственную. По его плану, основой камеральнаго образованія должно служить изученіе родины въ самомъ широкомъ смыслѣ, какъ-то: семьи, общества и всей вообще народной хозяйственной дѣятельности. Кромѣ того, онъ указалъ на необходимость изученія народныхъ юридическихъ понятій, въ связи со всѣми вообще условіями мѣстной жизни.

Программа эта, свидѣтельствуя о широтѣ и глубинѣ познаній юнаго еще Ушинскаго, о самостоятельности и смѣлости его воззрѣній, заслуживаетъ тѣмъ большаго вниманія, какъ первый голосъ въ русской наукѣ въ пользу экономическаго и бытового изученія народной жизни, о чемъ въ ту пору никто и думать не могъ. И только теперь, спустя болѣе 40 лѣтъ послѣ того, какъ Ушинскимъ впервые было указано на необходимость всесторонняго и тщательнаго мѣстнаго изученія, оно стало наконецъ предметомъ лучшихъ общественныхъ и правительственныхъ заботъ.

Эта рѣчь произвела сильное впечатлѣніе и выдвинула Ушинскаго въ ряду его собратій по наукѣ, какъ человѣка, имѣющаго свой самостоятельный взглядъ, вдохновленнаго стремленіемъ пріурочить науку прежде всего служенію интересамъ родины, русскаго народа. «Народность», впервые начавшая пульсировать въ русской литературѣ—какъ было уже сказано—въ началѣ 40-хъ годовъ, такъ характерно проявилась въ научныхъ стремленіяхъ Ушинскаго, какъ профессора, пытавшагося произвести цѣлый переворотъ въ области камеральнаго образованія, предста-

влявшаго въ то время соединеніе юридическихъ наукъ съ естественными и имѣвшаго большое значеніе во всей практической дѣятельности.

Въ другое время, при иныхъ условіяхъ нашей жизни, рѣчь «О камеральномъ образованіи» должна-бы была послужить началомъ блестящей ученой карьеры Ушинскаго. Но не таковъ былъ 1848 годъ, какъ начало крайне неблагопріятнаго поворота для науки, печати, всякихъ вообще возвышенныхъ порывовъ и стремленій. Ушинскій однако какъ-бы совсѣмъ не замѣчалъ этого. Жадный къ труду, воспитавшій въ себѣ потребность и умѣнье много и упорно работать, привыкшій все перерабатывать самостоятельно, онъ успѣлъ уже, что называется, до корней изучить сочиненія Карла Риттера по землевѣдѣнію, усиленно занимаясь притомъ и юридическими науками. Какъ профессоръ и ученый, онъ окончательно созрѣлъ, установился. Но въ это-то именно время его подстерегалъ уже первый тяжелый ударъ въ жизни.

Начавшійся въ 1848 году неблагопріятный поворотъ въ русской жизни добрался наконецъ въ 1850 году и до Демидовскаго лицея, мирно занимавшагося наукою, и только ею одной, въ провинціальной глуши. Стремленіе все подвести въ жизни подъ шаблонную мѣрку, усчитать или даже предрѣшить всякій шагъ въ дѣятельности каждаго и всѣхъ, на всевозможныхъ поприщахъ общественнаго служенія,—очень тяжело и пагубно отразилось главнымъ образомъ въ области ученой дѣятельности, вызвавъ невообразимый застой мысли въ русскомъ обществѣ. Отъ преподавателей высшей науки потребовали нетолько самыхъ полныхъ, подробныхъ программъ, съ указаніемъ—что́ и изъ

какого именно сочиненія они намѣрены цитировать, но еще и съ распредѣленіемъ всего курса преподаванія по днямъ и часамъ. Когда на совѣтѣ преподавателей Демидовскаго лицея было заявлено такое требованіе, — это вызвало столкновеніе Ушинскаго съ начальствомъ. Онъ горячо доказывалъ, что живое педагогическое дѣло вообще и тѣмъ болѣе ученую дѣятельность «невозможно связывать такими формальностями»; что каждый преподаватель долженъ прежде всего сообразоваться со своими слушателями; что предвзятое раздробленіе «курса на часы» «совершенно убьетъ живое дѣло преподаванія».

Такой трезвый взглядъ на педагогическія обязанности и задачи дѣлаетъ большую честь Ушинскому. Но отъ него требовали не разсужденія, а безпрекословнаго исполненія именно того, что должно было «убить живое дѣло». Вѣрный принципу, что «на такое убійство не отважится ни одинъ честный преподаватель», — Ушинскій вышелъ изъ лицея въ 1850 году. Примѣру его послѣдовали и нѣкоторые другіе преподаватели.

Перебравшись въ Петербургъ, бывшій профессоръ не могъ найти себѣ мѣста даже уѣзднаго учителя, и вынужденъ былъ поступить на службу въ министерство внутреннихъ дѣлъ, по департаменту иностранныхъ исповѣданій. Но, конечно, чиновникомъ Ушинскій ни въ какомъ случаѣ не могъ сдѣлаться и, оставаясь на департаментской службѣ, онъ, опять-таки путемъ самодѣятельности, проложилъ себѣ новый путь. Изучивъ англійскій языкъ, онъ выступилъ въ журналистикѣ въ качествѣ критика, компилятора, переводчика и проч. Хотя Ушинскій обратился къ журнальной дѣятельности прямо-таки изъ нужды, ради насущнаго куска хлѣба, тѣмъ

не менѣе за нимъ вскорѣ упрочилась репутація талантливаго и образованнаго писателя. Собственно педагогическая дѣятельность Ушинскаго началась съ 1855 года, когда онъ занялъ въ гатчинскомъ институтѣ сначала мѣсто преподавателя словесности и законовѣдѣнія, а затѣмъ—и должность инспектора института. Педагогическая дѣятельность его продолжалась лишь пятнадцать лѣтъ (съ 1855 по 1870 годъ); но какое, однако, изумительное разнообразіе ея и въ теоретическомъ, и въ практическомъ отношеніи!... Съ 1857 года Ушинскій энергически выступилъ въ «Журналѣ Воспитанія», Чумикова, только что тогда возникшемъ. Всѣ же вообще статьи Ушинскаго, помѣщенныя въ разныхъ изданіяхъ, вышли впослѣдствіи отдѣльною книгою и составляютъ обширный томъ. Не вдаваясь въ перечень ихъ, замѣтимъ, вообще, что онъ первый истолковалъ проявившееся тогда въ русскомъ обществѣ, подъ вліяніемъ Пирогова, педагогическое движеніе, осмыслилъ его, далъ тонъ и направленіе печати и обществу въ характерно-проявившемся въ ту пору стремленіи къ пересоздаванію всего учебно-воспитательнаго дѣла въ Россіи. Эта руководящая роль неотъемлемо оставалась за Ушинскимъ до конца его жизни. Былъ моментъ, когда Ушинскій, выступившій въ роли редактора «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія» (въ 1860 году), властно, можно сказать, приковалъ къ себѣ все русское общественное мнѣніе, разумно подготовляя его къ длинному ряду дѣйствительно предполагавшихся тогда капитальныхъ реформъ во всемъ школьномъ дѣлѣ. Но, къ сожалѣнію, это, дѣйствительно, былъ только «моментъ», такъ какъ уже въ ноябрѣ 1861 г. Ушинскій вынужденъ былъ отказаться отъ редактированія, потому что, вслѣдствіе перемѣны въ лич-

номъ составѣ министерства народнаго просвѣщенія, программа журнала кореннымъ образомъ измѣнилась. Но, затѣмъ, находился-ли Ушинскій въ Россіи, или заграницею, былъ-ли онъ здоровъ, или боленъ, онъ все время оставался, съ перомъ въ рукахъ, на стражѣ интересовъ русскаго учебно-воспитательнаго дѣла, какъ неустанный борецъ за безпрерывное развитіе его во всѣхъ отношеніяхъ.

Не менѣе знаменательна и дѣятельность его, съ 1859 года, въ должности инспектора классовъ обоихъ отдѣленій Смольнаго института — «благородной и неблагородной половинъ монастыря», какъ называли тогда институтъ, съ бывшимъ при немъ Александровскимъ училищемъ. Назначеніе Ушинскаго инспекторомъ этого обширнаго закрытаго женскаго учебнаго заведенія, въ которомъ обучалось не менѣе 700 дѣвицъ, было вызвано сознанной правительствомъ потребностью реформировать это обширное учебное заведеніе, въ видахъ расширенія умственнаго развитія и образованія женщинъ, сообразно ощущавшимся въ то время потребностямъ. Дѣйствительно, Смольный институтъ представлялъ какой-то изумительный анахронизмъ. Въ самомъ институтѣ былъ 9-ти лѣтній курсъ ученія, при 3-хъ классахъ; въ Александровскомъ же училищѣ при немъ—шестилѣтній курсъ, съ двумя классами. По окончаніи трехлѣтняго курса, воспитанницы въ полномъ составѣ переходили въ слѣдующій классъ, хотя бы между ними были и недостаточно подготовленныя, такъ какъ нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, оставлять воспитанницу въ одномъ классѣ на 6 лѣтъ, т. е. иначе—увеличивать продолжительность обученія до 12-ти, 15-ти лѣтъ и т. д. Вслѣдствіе этого, мало

успѣвшія въ низшемъ классѣ, въ старшемъ успѣвали еще менѣе и, въ концѣ концовъ, окончивъ полный курсъ ученія, выходили изъ заведенія рѣшительно безъ всякихъ знаній. Положимъ, для болѣе слабыхъ, не успѣвающихъ учениць устраивались особыя параллельныя отдѣленія; но эти отдѣленія, не исправляя малоуспѣшности, только прибавляли къ ней оскорбленіе достоинства учащихся. Институтъ былъ строго закрытымъ заведеніемъ; учащихся не отпускали къ роднымъ не только по большимъ праздникамъ, но даже на лѣтнія, рождественскія и пасхальныя каникулы. Въ теченіе девятилѣтняго пребыванія въ институтѣ, онѣ были безусловно оторваны отъ родныхъ семействъ. Время ученія ихъ равносильно было заточенію, и названіе института «монастыремъ» имѣло значительную долю основанія.

Вообще женщинъ въ то время учили «чему нибудь и какъ нибудь», но меньше всего—наукамъ. Во всѣхъ частныхъ и казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ, не исключая конечно институтовъ, методическое, систематическое образованіе женщинъ считалось даже вреднымъ для нихъ и въ моральномъ, и въ физическомъ отношеніи. Западная Европа также не могла дать никакихъ указаній въ отношеніи организаціи и постановки образованія женщинъ, потому что оно тамъ было почти на такой же низкой степени, какъ и у насъ, въ Россіи.

Но это нисколько не мѣшало Ушинскому имѣть твердый, ясный, опредѣленный взглядъ на задачи и потребности образованія и воспитанія русскихъ женщинъ. Взглядъ этотъ проистекалъ изъ пониманія имъ важной и отвѣтственной роли женщины, какъ активнаго члена семьи и общества. Поэтому именно онъ съ восторгомъ принялъ предложенный

ему постъ инспектора Смольнаго института, и съ необычайной энергіей взялся за коренное его преобразованіе.

Девятилѣтній срокъ ученія былъ сокращенъ въ семилѣтній, съ годичнымъ курсомъ въ каждомъ классѣ. Обѣ половины Смольнаго института, т. е. «благородная» и «неблагородная», сравнены въ отношеніи объема учебнаго курса и продолжительности ученія. Самому преподаванію, ведшемуся прежде формально, отрывочно, поверхностно, приданъ серьезный и систематическій характеръ. Въ младшихъ, напримѣръ, классахъ введено наглядное обученіе, причемъ родной языкъ положенъ въ основу образованія, не въ формѣ, конечно, отупляющаго грамматизма, а какъ живой предметъ, способствующій разностороннему развитію учащихся. Оживлено преподаваніе русской и всеобщей исторіи. Значительное развитіе получило преподаваніе естествознанія и географіи. Безцвѣтное преподаваніе математики, традиціонно признававшейся скучнымъ предметомъ, недоступнымъ для женскаго ума, впервые было поставлено у насъ, какъ одно изъ самыхъ сильныхъ и могущественныхъ средствъ для укрѣпленія и развитія логическаго мышленія. Безжизненная риторика и пиитика были замѣнены классными разборами самыхъ художественныхъ произведеній, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, и уже на основаніи такихъ разборовъ дѣлались теоретическіе выводы. Въ старшемъ же классѣ очень видная роль была отведена исторіи отечественной литературы, какъ особенно благодарному предмету въ дѣлѣ развитія вообще и облагороженія эстетическаго чувства въ частности. Кромѣ того, положено было начало особому педагогическому классу, чтобы дать возможность учащимся основательно знакомиться съ педагоги-

кой и дидактикой не только въ теоріи, но и на практикѣ. Курсъ этого класса двухлѣтній: первый годъ—теоретическій, второй—для практическаго преподаванія самими ученицами, подъ руководствомъ учителей, въ особо сформированномъ для того элементарномъ классѣ. Короче говоря, отъ прежняго Смольнаго института осталось лишь одно названіе: его замѣнило живое, осмысленное учебное заведеніе, съ кипучею образовательно-воспитательною дѣятельностью.

Въ виду этого, К. Д. Ушинскаго вмѣстѣ съ Н. А. Вышнеградскимъ, осуществившимъ около того же времени *великій проектъ* учрежденія женскихъ гимназій, вполнѣ справедливо можно назвать основателями нынѣшняго средняго образованія русскихъ женщинъ.

На всю Россію гремѣло имя К. Д. Ушинскаго, какъ умнаго, энергическаго, талантливаго реформатора-педагога. Славѣ Ушинскаго особенно много способствовало увлекательное преподаваніе имъ педагогики и дидактики въ обоихъ отдѣленіяхъ Смольнаго института. Вообще талантливый преподаватель и блестящій ораторъ, онъ вкладывалъ всю свою душу въ преподаваніе этого предмета, чтобы разъяснить своимъ ученицамъ, готовящимся вступить въ жизнь, великое назначеніе женщины, какъ матери, жены, разумнаго активнаго члена общества и всей государственной семьи.

Бывшія ученицы Ушинскаго, изъ которыхъ многія имѣютъ теперь въ томъ же Смольномъ институтѣ дочерей и даже внучекъ, съ юношескимъ восторгомъ и слезами благодарности вспоминаютъ объ этихъ прекрасныхъ урокахъ своего учителя. Онѣ удостовѣряютъ, что великіе завѣты учителя освѣщаютъ имъ жизненный путь, поддерживаютъ ихъ, руководятъ ими до преклонныхъ лѣтъ.

*

Такой успѣхъ Ушинскаго, въ связи съ литературною работою, особенно-же даровитымъ и умѣлымъ редактированіемъ «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія», — выдвинули К. Д. на самое видное мѣсто и сдѣлали его душою и центромъ всего мыслящаго столичнаго педагогическаго міра. Ореолу славы Ушинскаго въ это время въ значительной мѣрѣ способствовалъ также и замѣчательный успѣхъ первой выпущенной имъ въ свѣтъ учебной книги: «Дѣтскій Міръ». Книга эта въ первый-же годъ выдержала три изданія и сразу стала классною книгою во всевозможныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

Замѣчательно, что вся жизнь Ушинскаго, начиная съ малаго дѣтства и юности и кончая возмужалымъ періодомъ, представляетъ удивительно рѣзкое чередованіе громкихъ, яркихъ успѣховъ и жестокихъ неудачъ, тяжелыхъ ударовъ судьбы. Такъ это случилось и теперь, когда слава Ушинскаго, его значеніе и вліяніе, какъ передового русскаго педагога, достигли своего апогея. Но апогея-же достигла вмѣстѣ съ тѣмъ и зависть къ Ушинскому. Тѣ именно, которые считали педагогическое дѣло ремесломъ и средствомъ къ выслугѣ, съ тревогою и ненавистью слѣдили за возвышеніемъ Ушинскаго, за возрастаніемъ общественнаго его вліянія, — и ожесточенно клеветали на него. Были между ними и вліятельные противники, такъ что въ началѣ 1862 года Ушинскому не только пришлось оставить инспекторство, но даже и оправдываться въ клеветническихъ доносахъ.

Конечно, онъ въ пухъ и прахъ разбилъ клеветническіе извѣты своихъ враговъ, — уличилъ, опозорилъ ихъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ разбилъ также и свое здоровье. На составленіе этой крайне непріятной отповѣди потребовалось

около двухъ сутокъ, проведенныхъ Ушинскимъ, почти не вставая съ мѣста. Въ результатѣ-же оказалось, что, садясь за оправданіе бодрымъ, здоровымъ, онъ всталъ изъ-за этой тяжелой работы посѣдѣвшимъ и началъ харкать кровью... Слишкомъ ужъ сильно принялъ онъ къ сердцу такъ дерзко и незаслуженно нанесенное ему оскорбленіе!... Очевидно, на это именно и разсчитывали его враги, такъ какъ жизнь и дѣятельность Ушинскаго рѣшительно не могли дать пищи ни для какого реальнаго обвиненія.

Ея Величество Императрица Марія Александровна, превосходнѣйшія душевныя качества которой такъ общеизвѣстны и такъ искренно почитаются русскимъ обществомъ,—лично знала Ушинскаго съ самой безупречной стороны и очень цѣнила его, какъ человѣка даровитаго, выдающагося. Ея Величество сама-же указала на Ушинскаго, какъ на желательнаго инспектора для Смольнаго института, а потому и отвергла казуистическіе подходы клеветниковъ, принявъ знаменитаго русскаго педагога подъ свое высокое покровительство. По разнымъ соображеніямъ чисто формальнаго свойства, признано было неудобнымъ продолжать Ушинскому инспекторскую дѣятельность. Онъ былъ причисленъ къ IV Отдѣленію Собственной Его Величества Канцеляріи, съ оставленіемъ прежняго содержанія, и получилъ заграничную командировку, главнымъ образомъ, съ цѣлью ознакомленія съ положеніемъ образованія женщинъ за границею. Но Ушинскій сдѣлалъ несравненно больше этого.

Заплативъ собственнымъ здоровьемъ за достигнутые имъ успѣхи въ области учебно-воспитательнаго дѣла, онъ

еще глубже ушелъ въ эту область и достигъ еще болѣе важныхъ и полезныхъ результатовъ для всего русскаго школьнаго дѣла. Такъ, напримѣръ, помимо довольно длиннаго ряда весьма дѣльныхъ и интересныхъ журнальныхъ его работъ, помѣщавшихся въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ (каковы, напримѣръ, его «Письма изъ Швейцаріи», статьи критическія, полемическія и проч.), въ промежутокъ времени съ 1864 по 1870 годъ онъ выпустилъ въ свѣтъ наиболѣе капитальныя свои педагогическія сочиненія, остающіяся въ силѣ и до сихъ поръ, какъ-то: три части «Родного Слова», съ соотвѣтствующими имъ «Руководствами», и два тома «Опытовъ педагогической антропологіи» («Человѣкъ — какъ предметъ воспитанія»). Достовѣрно также извѣстно, что Ушинскимъ, кромѣ того, были подготовлены матеріалы: а) для третьяго тома «Антропологіи», б) для новаго выпуска «Родного Слова», посвященнаго исключительно географіи, и в) для примѣненія «Родного же Слова» спеціально къ потребностямъ народной школы, т. е. въ видѣ уже книги для чтенія. Но такъ же достовѣрно извѣстно теперь, что этихъ «матеріаловъ» болѣе не существуетъ уже...

Подводя итоги дѣятельности Ушинскаго, нельзя не признать, что онъ положительно достигъ, такъ сказать, *зенита* педагогической славы и своею практическою дѣятельностью, и литературными трудами, и учебными книгами, и, наконецъ, какъ одинъ изъ организаторовъ и самыхъ энергическихъ дѣятелей С.-Петербургскаго педагогическаго общества, пользовавшагося въ то время большимъ авторитетомъ и вліяніемъ во всей Россіи. Не занимая никакого оффиціальнаго положенія въ педагогическомъ мірѣ, оставаясь свободнымъ, независимымъ, Ушинскій такъ высоко

поднялся въ общественномъ мнѣніи, какъ никто и никогда изъ русскихъ педагоговъ. Это еще при жизни Ушинскаго вызвало небывало большой спросъ на всѣ его сочиненія, который остается небывалымъ же и до сихъ поръ.

Въ конечномъ результатѣ оказывается, что, говоря безъ преувеличенія, положительно невозможно назвать никого изъ русскихъ дѣятелей, чья популярность могла-бы сравниться съ популярностью Ушинскаго во всѣхъ слояхъ русскаго населенія. Со времени выхода въ свѣтъ «Дѣтскаго Міра», т. е. въ теченіе 35-ти лѣтъ уже, подростающія поколѣнія продолжаютъ учиться по книгамъ Ушинскаго, который, кромѣ того, своею «Антропологіею» продолжаетъ еще руководить въ дѣлѣ обученія и воспитанія и лицами, воспитывающими и пишущими о воспитаніи. Какъ изумительно велико число лицъ, такъ или иначе поучаемыхъ Ушинскимъ послѣ его смерти, можно видѣть изъ слѣдующихъ данныхъ. До настоящаго времени книги Ушинскаго выдержали такое число изданій:

«Родного Слова» вышло изданій: 1-го года—105, 2-го года—83, 3-го года—17; 1-й части «Руководства» къ «Родному Слову» — 19, 2-й части — 9; 1-й части «Дѣтскаго Міра» — 30, 2-й части — 25, и «Человѣкъ — какъ предметъ воспитанія» — 9 изданій.

Названныя изданія за 25-тилѣтній періодъ распространились въ слѣдующемъ количествѣ экземпляровъ:

Съ 1-го января 1871 г. по декабрь 1895 г. продано: 1-го года «Родного Слова» 4.277,000 экз.; 2-го года— 3.353,000 экз.; 3-го года — 245,000 экз.; «Руководства» 1-й части — 76,000 экз., 2-й части — 34,000 экз.; 1-й части «Дѣтскаго Міра» — 778,000 экз., 2-й части —

360,000 экз. I-го тома книги: «Человѣкъ,—какъ предметъ воспитанія» (со времени выхода въ свѣтъ)—11,400 экз., II-го тома той-же книги—10,900 экз. Даже его «Собраніе педагогическихъ статей» разошлось въ нѣсколькихъ тысячахъ экземпляровъ.

По-истинѣ *безпримѣрный* у насъ, въ Россіи, *авторскій успѣхъ*. Завидная слава! Великая честь!...

Дѣлаетъ честь и русскому народу, что изъ его среды выдѣлился такой даровитый учитель, все продолжающій и продолжающій поучать потомство своими безсмертными трудами. Но потомство это изъ рода въ родъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе должно твердо помнить и знать, что за этотъ славный и блестящій успѣхъ обученія все новыхъ и новыхъ поколѣній русскаго населенія величайшій изъ русскихъ учителей, Константинъ Дмитріевичъ Ушинскій, заплатилъ *непомѣрно дорогою цѣною*, буквально— *собственною жизнью*!.. Отъ той горячей любви, отъ того великаго трудолюбія и заботливости, съ какими онъ одинаково добросовѣстно писалъ и свою превосходнѣйшую азбуку для дѣтей, и глубокое по взглядамъ и всестороннее по познаніямъ сочиненіе о человѣкѣ, какъ предметѣ воспитанія,— отъ всего этого, съ придачею еще огорченій,—и *перегорѣла*, преждевременно пресѣклась драгоцѣнная жизнь этого замѣчательно-одареннаго отъ природы русскаго педагога. Константинъ Дмитріевичъ умеръ всего на 47 году отъ рожденія, оставивъ по себѣ въ полномъ смыслѣ *вѣчную, славную, незабвенную память* во всѣхъ слояхъ признательнаго ему русскаго населенія.

М. Песковскій.

IV.

Ушинскій

объ общественныхъ и антропологическихъ основахъ воспитанія*).

Когда русскій народъ, обновленный великою реформою 19-го февраля 1861 года, искалъ средствъ для уврачеванія своихъ многовѣковыхъ язвъ и недуговъ, тогда онъ обратился и къ заботамъ о лучшей постановкѣ образованія своихъ дѣтей. Въ прошломъ вѣкѣ государство въ своихъ интересахъ стремилось создать новую породу людей путемъ системы правительственныхъ учебновоспитательныхъ заведеній; послѣ реформы 19 февраля 1861 года весь русскій народъ стремился возродиться, обновиться, зажить по но-

---

*) Всѣ мысли и взгляды Ушинскаго, изложенные въ настоящей рѣчи, заимствованы изъ слѣдующихъ его статей (см. Собраніе педагогическихъ сочиненій К. Д. Ушинскаго. Спб. 1875 г.):

О пользѣ педагогической литературы.

О народности въ общественномъ воспитаніи (самый конецъ статьи).

5-е марта 1861 года.

Проектъ учительской семинаріи.

Общій взглядъ на возникновеніе нашихъ народныхъ школъ.

Введеніе въ педагогическую антропологію.

вому, болѣе свободною, разумною, человѣчною жизнью; къ тому-же онъ сталъ готовить и своихъ дѣтей. Началась дѣятельная реформаторская педагогическая работа: одни бросились за границу, чтобы поучиться педагогикѣ у болѣе просвѣщенныхъ и богатыхъ культурнымъ опытомъ сосѣдей; другіе принялись дома заводить всякія школы; третьи взялись за сочиненіе и изданіе педагогическихъ книжекъ, журналовъ и учебниковъ; четвертые дѣятельно хлопотали объ устройствѣ педагогическихъ кружковъ, съѣздовъ, о публичномъ и частномъ обсужденіи разныхъ педагогическихъ вопросовъ. Всюду были оживленіе, дѣятельность, бодрость. Проглянуло свѣтлое весеннее солнышко, растопило снѣгъ и ледъ, и побѣжали и зажурчали всюду ручейки; мертвый сезонъ кончился.

Всѣ эти реформаторскія начинанія были прекрасны, но совершенно разрозненны, не было намѣчено никакихъ общихъ цѣлей и задачъ педагогическимъ стремленіямъ отдѣльныхъ группъ и лицъ. До эпохи освобожденія, наша педагогика была крайне слаба: педагогической журналистики почти не было, педагогическая литература была очень скудная, даже литература учебниковъ—и та была небогата. На обширномъ пустынномъ полѣ россійской педагогіи показывались лишь время отъ времени отдѣльные блестящіе огоньки, каковыми были, напримѣръ, Пироговъ, Рѣдкинъ. Великая-же освободительная реформа сразу вызвала приливъ силъ къ педагогическому дѣлу, сразу возбудила бездну вопросовъ, вывела на свѣтъ Божій давно скрывавшіяся темныя стороны и семейнаго воспитанія, и школьнаго образованія. Началась дѣятельная критическая

и творческая работа, но не объединенная и не направляемая широкими философскими взглядами. Отдѣльные работники преслѣдовали свои отдѣльныя цѣли, углублялись, погружались въ нихъ, но не было между ними объединителя и пастыря, не было знаменосца, не возсталъ еще пророкъ во Израили. А онъ былъ необходимъ: нужно было связать, объединить педагогическое движеніе, выяснить его отношеніе къ потребностямъ времени, дать ему научное основаніе. Такой духовный вождь педагоговъ явился въ лицѣ К. Д. Ушинскаго.

Ушинскій былъ глубоко проникнутъ отличительнымъ характеромъ времени, его стремленіями и идеалами, онъ дѣйствовалъ въ его духѣ и направленіи, уясняя и научно обосновывая современное ему педагогическое движеніе. Общество стремилось тогда къ коренному обновленію, оно само хотѣло работать для своего усовершенствованія, оно сознавало свои недочеты, видѣло въ себѣ ветхаго человѣка; но оно требовало самостоятельности, простора, а не распоряженій и опеки. Согласно съ такимъ духомъ времени, Ушинскій является въ своей педагогикѣ горячимъ общественникомъ. Его педагогика не есть отвлеченная, схоластическая наука, процвѣтающая въ монастырскихъ стѣнахъ, создаваемая въ тиши кабинетовъ, сторонящаяся отъ жизни и общественныхъ движеній; напротивъ, это есть живая общественная наука, идущая рука объ руку съ развитіемъ общественнаго сознанія. Общественное воспитаніе, по Ушинскому, только тогда оказывается дѣйствительнымъ, когда его вопросы становятся общественными вопросами для всѣхъ и семейными вопросами для каждаго. Система

общественнаго воспитанія, вышедшая не изъ общественнаго убѣжденія, какъ-бы хитро она ни была задумана, окажется безсильною и не будетъ дѣйствовать ни на личный характеръ человѣка, ни на характеръ общества. Она можетъ приготовлять техниковъ, но никогда не будетъ воспитывать полезныхъ и дѣятельныхъ членовъ общества, и если они будутъ появляться, то независимо отъ воспитанія. Воспитаніе должно идти по одной дорогѣ и дѣйствовать за одно съ другими общественными силами, основывать свои правила на общественномъ мнѣніи, вмѣстѣ съ нимъ жить и развиваться. Каждая сколько-нибудь образованная семья должна поставить педагогическій интересъ однимъ изъ своихъ насущныхъ интересовъ.

Въ дѣлѣ выработки общественнаго мнѣнія о педагогическихъ вопросахъ чрезвычайно важна педагогическая литература. Она одна только можетъ оживить воспитательную дѣятельность, придать ей тотъ смыслъ и ту занимательность, безъ которыхъ она скоро дѣлается машинальнымъ препровожденіемъ времени, назначеннаго на уроки. Она одна только можетъ возбудить въ обществѣ вниманіе къ дѣлу воспитанія и дать въ немъ воспитателямъ то мѣсто, которое они должны занимать по важности возлагаемыхъ на нихъ обязанностей. Педагогическая литература установляетъ въ обществѣ, съ одной стороны, правильныя требованія въ отношеніи воспитанія, а съ другой—открываетъ средства для удовлетворенія этихъ потребностей.

Какъ высоко цѣнилъ Ушинскій общественный починъ и самодѣятельность въ дѣлѣ образованія, это особенно ясно изъ его взгляда на организацію народнаго образованія.

Народную школу Ушинскій считалъ чисто семейнымъ дѣломъ самого народа, которое всецѣло должно оставаться въ его рукахъ. Предоставить самому народу организовать свою школу не значитъ подвергнуть народное образованіе всякимъ случайностямъ, такъ какъ направленіе народа гораздо менѣе зависитъ отъ случайностей, чѣмъ направленіе какой-бы то ни было администраціи. Если есть у насъ что-нибудь наименѣе случайное, то это именно народъ и его направленіе; если есть у насъ твердыя религіозныя и политическія убѣжденія, которыя мы можемъ признать основами нашего государственнаго и общественнаго быта, то они, конечно, вышли изъ народа-же, даны народомъ. Поэтому мысль объ охранѣ въ народѣ и его школѣ религіозныхъ и государственныхъ убѣжденій сверху и какимъ-бы то ни было административнымъ путемъ казалась Ушинскому, по меньшей мѣрѣ, странною, несообразенною ни съ характеромъ русскаго народа, ни съ его исторіею. Надеженъ только тотъ охранитель, который имѣетъ собственный интересъ въ охраненіи. Поэтому самое лучшее ввѣрить охраненіе народныхъ школъ самому народу, а потомъ духовенству и земству, такъ какъ ихъ назначеніе и интересы неразрывно связаны съ интересами народа. Администрація-же и высшіе слои общества, по Ушинскому, пусть сохранятъ за собой право содѣйствовать народнымъ школамъ убѣжденіемъ, разъясненіемъ, примѣромъ, матеріальною и духовною помощью, но никакъ не принужденіемъ, запрещеніемъ, регламентаціей и т. п. мѣрами.

Требуя предоставленія народныхъ школъ вѣдѣнію самого народа, Ушинскій, относительно учебныхъ заведе-

ній, назначенныхъ служить потребностямъ болѣе обезпеченныхъ и высшихъ классовъ общества, находилъ совершенно необходимымъ требовать того-же, т.-е. призвать самихъ родителей къ дѣятельному участію какъ въ устройствѣ и реформахъ этихъ заведеній, такъ и въ надзорѣ надъ тѣмъ, чтобы руководители юношества дѣлали то, для чего они призваны, и чтобы въ заведенія не прокрадывались тѣ сѣмена, изъ которыхъ выростаютъ горькіе плоды для нашихъ-же дѣтей.

Какъ ни плодотворна мысль объ общественности воспитанія, но одной ея было недостаточно для направленія движенія педагогическихъ идей по надлежащему руслу. Воспитательная дѣятельность есть дѣятельность не только живая, тѣсно связанная съ направленіемъ общественной жизни, но и дѣятельность, опирающаяся на науку, проникнутая умственно-культурными элементами, требующая серьезной, основательной подготовки. Приступать къ воспитанію съ легкимъ умственнымъ багажемъ, съ однимъ личнымъ опытомъ и тактомъ невозможно. Кто хочетъ воспитывать человѣка во всѣхъ отношеніяхъ, тотъ прежде долженъ узнать человѣческую натуру во всѣхъ отношеніяхъ. Только изучая природу, мы можемъ надѣяться управлять ею и заставлять ее дѣйствовать сообразно съ нашими цѣлями.

Исходя изъ этихъ соображеній, Ушинскій предложилъ неслыханную вещь — устройство педагогическихъ или антропологическихъ факультетовъ для подготовленія педагоговъ. Настаивая па общественности воспитанія, Ушинскій

естественно и научную подготовку педагоговъ видѣлъ въ изученіи ими наукъ о человѣкѣ, человѣческомъ обществѣ и всестороннемъ развитіи человѣчества. Въ учебный курсъ педагогическихъ факультетовъ, по мнѣнію Ушинскаго, должны были войти: анатомія, физіологія и патологія человѣка, психологія, логика, филологія, географія, изучающая землю, какъ жилище человѣка, и человѣка, какъ жильца земного шара, статистика, политическая экономія и исторія въ обширномъ смыслѣ, т.-е. исторія религіи, цивилизаціи, философскихъ системъ, литературъ, искусствъ и собственно воспитанія въ тѣсномъ смыслѣ слова. Во всѣхъ этихъ наукахъ излагаются, сличаются и группируются факты и тѣ соотношенія фактовъ, въ которыхъ обнаруживаются свойства предмета воспитанія, т.-е. человѣка.

Мысль Ушинскаго объ устройствѣ педагогическихъ факультетовъ, о необходимости самой широкой подготовки педагоговъ казалась многимъ совершенно излишнимъ и даже страннымъ требованіемъ. Къ чему факультетъ? Не достаточно-ли хорошей педагогики? Если кто полагаетъ, что, не изучивъ обширнаго круга медицинскихъ наукъ, можно съ успѣхомъ лечить по «Домашнему лечебнику» или «Другу здравія», тотъ въ правѣ думать, что и воспитывать можно по педагогикѣ, безъ предварительнаго изученія антропологическихъ наукъ. Но простое примѣненіе рецептуры, медицинской или педагогической, безъ предварительнаго серьезнаго научнаго образованія, никогда не можетъ сопровождаться твердыми и постоянными успѣхами, тутъ будутъ возможны лишь случайные и болѣе или менѣе удачные отдѣльные опыты излеченія или воспитанія. Об-

ширныя требованія относительно подготовки педагоговъ вполнѣ отвѣчаютъ обширности и важности педагогическаго дѣла. Если подъ воспитаніемъ разумѣть только обученіе чтенію и письму, древнимъ и новымъ языкамъ, математикѣ, географіи и т. п., безъ всякой мысли о томъ, что-же достигается такимъ обученіемъ, тогда не будетъ надобности въ спеціальной подготовкѣ педагоговъ; но за то и самое дѣло будетъ идти такъ-же, какъ оно идетъ теперь, т.-е. неудовлетворительно; школа по прежнему останется училищемъ, чрезъ всѣ степени котораго нужно пройти человѣку, чтобы добиться того или другого положенія въ свѣтѣ, а дѣйствительнымъ воспитателемъ по прежнему будетъ жизнь, со всѣми ея безобразными случайностями. Конечно, отъ воспитателя нельзя требовать, чтобы онъ былъ спеціалистомъ во всѣхъ тѣхъ наукахъ, изъ которыхъ могутъ быть почерпаемы основанія педагогическихъ правилъ, но можно и должно требовать, чтобы ни одна изъ этихъ наукъ не была ему совершенно чуждою, чтобы по каждой изъ нихъ онъ могъ понимать, по крайней мѣрѣ, популярныя сочиненія, и стремился пріобрѣсть всесторонніе свѣдѣнія о человѣческой природѣ, за воспитаніе которой берется. Ни въ чемъ одностороннее направленіе знаній и мышленія такъ не вредно, какъ въ педагогической практикѣ. Воспитатель, который глядитъ на человѣка сквозь призму физіологіи, патологіи, психіатріи, такъ-же дурно понимаетъ, что такое человѣкъ и каковы его потребности, какъ и тотъ, кто изучилъ-бы человѣка только въ великихъ произведеніяхъ искусствъ и великихъ историческихъ дѣяніяхъ и смотрѣлъ-бы на него вообще сквозь призму великихъ, совершенныхъ имъ, дѣлъ. Односторонній

филологъ еще менѣе способенъ быть хорошимъ воспитателемъ, чѣмъ односторонній физіологъ, экономистъ, историкъ. Не односторонность-ли филологическаго образованія пустила въ ходъ множество чужихъ, плохо переваренныхъ фразъ, которыя, обращаясь теперь между людьми, вмѣсто дѣйствительныхъ, глубоко сознанныхъ идей, затрудняютъ оборотъ человѣческаго мышленія, какъ фальшивая монета затрудняетъ обороты торговли? Недопонятыя великія, но чужія мысли несравненно безполезнѣе хотя маленькихъ, но своихъ.

«Воспитатель долженъ стремиться узнать человѣка, каковъ онъ есть въ дѣйствительности, со всѣми его слабостями и во всемъ его величіи, со всѣми его будничными мелкими нуждами и со всѣми его великими духовными требованіями. Воспитатель долженъ знать человѣка въ семействѣ, въ обществѣ, среди народа, среди человѣчества и наединѣ съ своею совѣстью; во всѣхъ возрастахъ, во всѣхъ классахъ, во всѣхъ положеніяхъ, въ радости и горѣ, въ величіи и униженіи, въ избыткѣ силъ и въ болѣзни, среди неограниченныхъ надеждъ и на одрѣ смерти, когда слово человѣческаго утѣшенія уже безсильно. Онъ долженъ знать побудительныя причины самыхъ грязныхъ и самыхъ высокихъ дѣяній, исторію зарожденія преступныхъ и великихъ мыслей, исторію развитія всякой страсти и всякаго характера. Тогда только онъ будетъ въ состояніи почерпать въ самой природѣ человѣка средства воспитательнаго вліянія — а средства эти громадны!»

Если въ университетахъ существуютъ факультеты медицинскіе и камеральные, но нѣтъ педагогическихъ, то это

показываетъ только, что человѣкъ до сихъ поръ болѣе дорожитъ здоровьемъ своего тѣла и своего кармана, чѣмъ своимъ нравственнымъ здоровьемъ, и болѣе заботится о богатствѣ будущихъ поколѣній, чѣмъ о хорошемъ ихъ воспитаніи. Общественное воспитаніе совсѣмъ не такое малое дѣло, чтобы не заслуживало особаго факультета. Если-же мы до сихъ поръ, готовя технологовъ, архитекторовъ, медиковъ, филологовъ, математиковъ и другихъ спеціалистовъ, не готовимъ воспитателей, то не должны удивляться, что дѣло воспитанія идетъ плохо и что нравственное состояніе современнаго общества далеко не соотвѣтствуетъ его великолѣпнымъ биржамъ, дорогамъ, фабрикамъ, его наукѣ, торговлѣ и промышленности.

Сравнивая идеи Ушинскаго объ общественномъ характерѣ воспитанія и педагогической науки, о необходимости широкой и серьезной подготовки педагоговъ на антропологическихъ факультетахъ, съ дѣйствительнымъ положеніемъ педагогическаго дѣла въ настоящее время, когда въ университетахъ нѣтъ не только педагогическихъ факультетовъ, но даже и каѳедры педагогики, когда учителя среднихъ учебныхъ заведеній не получаютъ никакой педагогической подготовки, а прямо со студенческой скамьи переходятъ на учительскую каѳедру, когда у насъ почти совершенно отсутствуютъ педагогическія общества, съѣзды, кружки, а педагогическая литература не пользуется широкимъ распространеніемъ, когда педагогическіе вопросы считаются спеціальными, а не общественными,— сравнивая идеи Ушинскаго и соотвѣтствующую дѣйствительность, невольно приходишь къ вопросу: не фантазировалъ-ли, не

грезилъ-ли Ушинскій? Каждому, отдающемуся всей душой извѣстному дѣлу, положившему на него всѣ силы, такъ естественно фантазировать, грезить о немъ, мечтать, и свои надежды и мечты выдавать за серьезныя теоріи и общественныя требованія. Педагогическія идеи Ушинскаго не суть-ли простыя утопіи, прекрасныя, но неосуществимыя? Хорошо ими грезить, но нельзя дождаться ихъ осуществленія въ живой дѣйствительности.

Допустимъ на минуту, что главнѣйшія педагогическія идеи и стремленія Ушинскаго суть простыя грезы. Но чрезвычайно важно, для характеристики и пониманія человѣка, знать, о чемъ онъ грезилъ. Если-же этотъ человѣкъ былъ, какъ Ушинскій, вождемъ одного изъ направленій умственной жизни, то его грезы пріобрѣтаютъ общественное и историческое значеніе: онѣ показываютъ, къ чему стремились, чего жаждали, изъ-за чего бились и трепетали сердца лучшихъ людей извѣстнаго времени, что̀ составляло предметъ ихъ чаяній, надеждъ и упованій, къ чему влеклись они—къ свѣту или мраку?

Но основныя идеи Ушинскаго суть-ли грезы и мечты? Нѣтъ, это настоящія живительныя начала русскаго просвѣщенія и русской педагогической науки. Если народное образованіе когда-либо будетъ дѣломъ дѣйствительно близкимъ и дорогимъ. русскому народу, то это случится лишь подъ условіемъ превращенія его въ семейное дѣло каждаго и общественное всѣхъ, подъ условіемъ совершенно искренняго и свободнаго обсужденія всякихъ педагогическихъ вопросовъ въ педагогическихъ обществахъ и печати, подъ

условіемъ широкаго распространенія педагогической печати и журналистики; если педагогическая наука и подготовка учителей когда-либо станутъ на совершенно твердую почву, то въ томъ лишь случаѣ, когда педагогика будетъ опираться на обширный кругъ антропологическихъ наукъ и будущіе педагоги будутъ серьезно и обстоятельно изучать человѣческую природу во всѣхъ главнѣйшихъ ея свойствахъ и проявленіяхъ, а не только спеціальные предметы своего преподаванія. Иныхъ путей къ созданію твердой системы народнаго образованія и педагогической науки не существуетъ.

Заботясь о серьезной подготовкѣ педагоговъ для среднихъ учебныхъ заведеній путемъ учрежденія для нихъ антропологическихъ факультетовъ, Ушинскій не забывалъ и народныхъ учителей, и ихъ подготовки. Переживая великую реформу 19-го февраля 1861 года, Ушинскій думалъ: «Боже мой, сколько нужно школъ, школъ и школъ для всего этого народа, возрожденнаго къ гражданской жизни! И не школъ грамотности только, а такихъ, въ которыхъ-бы народъ научился употреблять съ пользою для себя и для другихъ свою свободу». Для хорошихъ-же народныхъ школъ требовались надлежащимъ образомъ подготовленные учителя, которыхъ не было. Правильную подготовку народныхъ учителей Ушинскій признавалъ однимъ «изъ самыхъ важныхъ государственныхъ вопросовъ» времени. Такой цѣли должны служить благоустроенныя учительскія семинаріи, за необходимость которыхъ Ушинскій горячо и ратовалъ. Онъ былъ однимъ изъ иниціаторовъ ихъ и организаторовъ, указывавшимъ, на какихъ началахъ и какъ должны быть

устроены учительскія семинаріи. Основныя черты организаціи ихъ представлялись Ушинскому въ такомъ видѣ.

Учительскія семинаріи должны быть заведенія закрытыя, чтобы серьезнѣе можно было повліять на характеръ и нравственное направленіе семинаристовъ, каковыя свойства въ народномъ учителѣ особенно важны. Жизнь въ учительскихъ семинаріяхъ должна быть самая простая и строгая, безъ свѣтскихъ развлеченій, дѣятельная, сообразно будущему положенію и жизненной обстановкѣ семинаристовъ. Не слѣдуетъ основывать семинаріи въ большихъ городахъ, гдѣ слишкомъ много всякихъ соблазновъ и мало возможности наблюдать и изучать природу, но не слѣдуетъ слишкомъ и удалять ихъ отъ центровъ образованія, чтобы всякаго рода культурныя орудія и средства были подъ рукою. Ученіе семинаристовъ должно быть не обширное, но энциклопедическое и вполнѣ приноровленное къ назначенію воспитанниковъ. Въ обширныхъ свѣдѣніяхъ народному учителю нѣтъ нужды, но сообщаемыя ему свѣдѣнія должны быть совершенно ясны, точны, опредѣленны и разнообразны. Народный учитель долженъ, по возможности, владѣть элементами всѣхъ наукъ, искусствъ и ремеслъ, чтобы вполнѣ руководить первыми шагами умственной жизни своихъ учениковъ. При семинаріи должна быть обширная практическая школа, такъ какъ главная дѣятельность семинаристовъ должна состоять въ практическихъ занятіяхъ. Время пребыванія въ семинаріи должно быть не менѣе двухъ лѣтъ и не болѣе четырехъ. Религіозное и нравственное воспитаніе должно составлять весьма видную сторону во всемъ строѣ учительскихъ семинарій.

Вообще, Ушинскій полагалъ, что курсы всѣхъ наукъ въ учительской семинаріи должны быть строго соображены съ будущимъ назначеніемъ воспитанниковъ и что имъ не слѣдуетъ сообщать безполезныхъ для нихъ высшихъ взглядовъ, чтобы не нарушить спокойствія ихъ жизни и не сдѣлать для нихъ тяжелою ихъ дѣятельность.

Мысли Ушинскаго объ устройствѣ учительскихъ семинарій нашли отзвукъ въ правящихъ сферахъ, у насъ стали устроять учительскія семинаріи, и многое изъ того, что говорилъ Ушинскій объ ихъ организаціи, дѣйствительно было осуществлено и вошло въ жизнь и практику. Въ этомъ отношеніи судьба проектированныхъ Ушинскимъ учительскихъ семинарій и педагогическихъ факультетовъ была весьма различна: первыя возникли на дѣлѣ, вторые остались лишь pium desiderium Ушинскаго.

Впрочемъ, самъ Ушинскій хорошо понималъ, что его мысль объ учрежденіи педагогическихъ факультетовъ не скоро осуществится, если только когда-либо осуществится; поэтому онъ рѣшился создать для педагоговъ такой факультетъ своими личными трудами. Онъ написалъ педагогическую антропологію — сочиненіе, по которому учились психологіи и педагогіи цѣлыя поколѣнія педагоговъ. Это сочиненіе — замѣчательное явленіе въ русской учено-педагогической литературѣ, такъ какъ до нея у насъ не было ничего подобнаго по стройности изложенія психолого-философскихъ и педагогическихъ теорій, по живости и увлекательности изложенія. Въ своихъ чисто педагогическихъ статьяхъ Ушинскій затронулъ главнѣйшія явленія педагогической

области, предложивъ опредѣленныя рѣшенія по такимъ труднымъ и сложнымъ общественно-педагогическимъ вопросамъ, каковы вопросы о національномъ образованіи, о народной школѣ, о нравственной сторонѣ всего воспитанія. Редактируя сравнительно короткое время оффиціальное изданіе, «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія», Ушинскій быстро превратилъ этотъ журналъ изъ малочитаемаго, сухого и неинтереснаго въ живой органъ общественно-педагогической и научной мысли и тѣмъ показалъ примѣръ, каковы должны быть педагогическіе журналъ и редакторъ. Для дѣтей и подростковъ Ушинскій составилъ превосходныя руководства: «Родное Слово» и «Дѣтскій Міръ». Книги Ушинскаго, широко распространившись, выдержавъ множество изданій, встрѣчались, встрѣчаются и, надѣемся, долго еще будутъ встрѣчаться и въ рукахъ едва начинающаго читать школьника, и въ кабинетѣ серьезнаго ученаго, какъ весьма полезныя и солидныя пособія. По истинѣ, въ Ушинскомъ совмѣщался цѣлый педагогическій факультетъ.

Учитель! Народный поэтъ (Некрасовъ) сказалъ сѣятелямъ знанія на ниву народную:

Сѣйте разумное, доброе, вѣчное,
Сѣйте! Спасибо вамъ скажетъ сердечное
Русскій народъ.

Учитель! Эти слова и про тебя сказаны, ибо ты, щедрою рукою разсыпавъ милліоны своихъ книжекъ въ русскомъ народѣ, сѣялъ въ немъ и разумное, и доброе, и

вѣчное. Мы, твои ученики, вспоминая нынѣ твои идеи и дѣла, проникнутые сознаніемъ важности и плодотворности ихъ, изъ глубины души и отъ полноты сердца говоримъ: тебѣ—вѣчная память; твоимъ дѣламъ и идеямъ—вѣчная жизнь.

П. Каптеревъ.

V.

Голосъ изъ семьи.

На мою долю выпало сказать нѣсколько словъ отъ лица матери, подать сегодня скромный голосъ изъ семьи. Чувство глубочайшей благодарности къ памяти Константина Дмитріевича придало мнѣ рѣшимость подѣлиться моими личными впечатлѣніями и воспоминаніями о моихъ начальныхъ занятіяхъ съ моей дѣвочкой по книжкамъ: «Родное Слово» и, отчасти, по «Дѣтскому Міру».

Мои воспоминанія относятся къ 1884 г. Я жила въ глухой деревнѣ, далеко отъ культурныхъ центровъ. Я еще не думала о томъ, чтобы готовиться къ настоящимъ занятіямъ съ своей 6-ти-лѣтней дѣвочкой, но ея требованія опередили мою предусмотрительность. Она сама случайно научилась читать. Пришлось неизбѣжно подумать о томъ, чтобы начать съ нею, хотя понемногу, но все-же болѣе систематическое чтеніе и занятія.

Не будучи подготовленной къ первоначальному обученію, я, руководствуясь именемъ К. Д. Ушинскаго, остановилась на «Родномъ Словѣ». «Попробую», подумала я,

и выписала на всякій случай всѣ три книжки «Родного Слова», а также и «Дѣтскій Міръ». Я начала читать съ дѣвочкой «Родное Слово» въ послѣдовательномъ порядкѣ расположенія статей. Я сразу поняла, какой богатый матеріалъ для предстоявшихъ мнѣ занятій заключали въ себѣ эти маленькія книжки. Статьи для чтенія, картинки для разсматриванія и для бесѣдъ, подборъ предметовъ для упражненія въ начальной систематизаціи, маленькія поэтическія статьи и стихотворенія — все это очаровало меня съ первыхъ-же страницъ. Не съ кѣмъ было поговорить, не съ кѣмъ подѣлиться своими впечатлѣніями, но мнѣ сразу показалось, что я обрѣла въ книжкѣ такое сокровище, которое дастъ мнѣ возможность увѣренно, а не ощупью, отыскать настоящую, правильную дорогу въ моихъ первыхъ шагахъ педагогической практики, что эти книжки укажутъ мнѣ истинный, правильный путь. Такое сокровище было для меня тѣмъ болѣе цѣнно, что я не имѣла возможности отдавать всего своего времени воспитанію и обученію дѣвочки. Недостатокъ времени не позволилъ-бы мнѣ выбирать, сравнивать, находить самой подходящій матеріалъ для чтенія, а тѣмъ болѣе организовать и подбирать матеріалъ для соотвѣтственныхъ самостоятельныхъ упражненій. Дальнѣйшія занятія вполнѣ оправдали мои первыя впечатлѣнія. Каждый разсказъ «Родного Слова», каждая статейка вызываетъ въ ребенкѣ опредѣленную мысль, давая или живыя сцены изъ жизни людей (Вмѣстѣ тѣсно, а врозь скучно), или характерныя черты того или другого животнаго (Лиса и Дятелъ, Споръ животныхъ); картинку цѣлаго ряда метеорологическихъ явленій (Путешествіе воды), или картинное изложеніе исторіи какого-нибудь производства

(Какъ рубашка въ полѣ выросла). Читая статьи, ребенокъ все время вращается среди живыхъ образовъ людей или среди природы.

Задачи для самостоятельныхъ упражненій, сопровождающія статьи въ книгѣ 1-го года, побуждаютъ ребенка возстановлять въ памяти тѣ или другіе уже знакомые ему цѣльные образы, классифицировать по группамъ перечисленные въ смѣшанномъ порядкѣ предметы, напримѣръ: Часъ. Аршинъ. Секунда. Четверть. Рубль. Годъ. Золотникъ и т. п. Въ книжкѣ 2-го года вопросы, слѣдующіе за статьями, даютъ еще болѣе обширное поле для самодѣятельности. Матеріалъ для отвѣтовъ на эти вопросы ребенокъ не всегда можетъ почерпнуть изъ прочитанной статьи; наведенный статьею на рядъ мыслей извѣстнаго порядка, онъ часто долженъ давать свои, самостоятельные отвѣты. Такъ, послѣ статьи «На лугу лѣтомъ» слѣдуетъ вопросъ: «Что *вы* видѣли на сѣнокосѣ? Разскажите и сравните съ тѣмъ, что прочли». За статейкой «Наша улица», слѣдуетъ вопросъ: «Такова-ли *ваша* улица?» —Слѣдующія за статьями загадки, народныя пословицы и поговорки, по содержанію соотвѣтствующія предшествующей статьѣ, утверждаютъ и закрѣпляютъ только-что полученныя новыя свѣдѣнія. Стихотворенія въ обѣихъ книжкахъ самыя поэтическія. Картинки, иногда относящіяся къ тексту, иногда не зависящія отъ него, разнообразны и представляютъ собою или сюжетъ изъ Священной исторіи, или живыя сцены изъ жизни людей, изъ жизни животныхъ и даютъ обширный матеріалъ для бесѣды. Въ книгѣ помѣщены и необходимыя молитвы.

Начавъ первое наше систематическое чтеніе по «Родному Слову», изъ него-же мы почерпнули и первыя ука-

занія для рисованія по клѣточкамъ и первые штрихи писанія по прописямъ.

Читая книгу, дѣвочка всегда сохраняла свою веселость и оживленность. Интересъ статей приковывалъ ея вниманіе. Упражненія давали обширную пищу для самодѣятельности, призывая къ работѣ память, воображеніе, способность размышлять и вдумываться. Дѣвочка невольно чувствовала, что она не получаетъ всѣхъ знаній готовыми, а какъ будто сама, собственнымъ трудомъ участвуетъ въ воспроизведеніи этихъ знаній; усвоеніе знаній, въ силу этого, получало прочность и основательность, а вмѣстѣ и большую привлекательность.

Постепенный, почти незамѣтный переходъ отъ предметовъ легкихъ къ болѣе труднымъ, такъ хорошо угадывающій постепенность развитія ребенка, постоянно поддерживалъ живой интересъ и влеченіе къ занятіямъ, не давая имъ съ теченіемъ времени застывать или охладѣвать.

Всему этому, мнѣ кажется, я обязана тѣмъ, что ни тогда, ни впослѣдствіи я не замѣчала въ дѣвочкѣ той разсѣянности, которая такъ часто является препятствіемъ легкому усвоенію знаній. Привычка слушать и вообще заниматься сосредоточенно въ сильной степени облегчаетъ усвоеніе знаній. Привычка къ разсѣянности, такъ часто встрѣчающаяся въ дѣтяхъ, сильно мѣшаетъ успѣху занятій. Побѣдить ее, по моему мнѣнію, очень трудно впослѣдствіи, если съ первыхъ же шаговъ начальнаго обученія ребенокъ не привыкнетъ сразу останавливать все вниманіе на предметѣ занятій, какъ-бы ни былъ малъ этотъ предметъ. Легокъ предметъ, но онъ совершенно достаточенъ для непривычныхъ къ сосредоточенности умствен-

ныхъ силъ ребенка. Главный секретъ умѣнья именно приковать вниманіе ребенка къ предмету занятій заключается, по моему, въ томъ, чтобы найти ту мѣрку, при которой предметъ занятій или статья для чтенія, давая умственную пищу ребенку, не обременяли-бы въ то-же время его умственныхъ силъ хотя-бы сколько-нибудь излишними трудностями. Это утомляетъ ребенка. Но, съ другой стороны, и уклоненіе въ другую сторону, доведеніе легкости занятій до такой степени, что ребенокъ ничуть не вводится въ сколько-нибудь новыя для него представленія и понятія—тоже плохо.

Не находя себѣ достаточно пищи въ предметѣ самыхъ занятій, ребенокъ начинаетъ скучать, и мысль его невольно захватываетъ что-нибудь постороннее. Какъ утомленіе, такъ и слишкомъ большая легкость, по моему, одинаково ведутъ къ вредной разсѣянности.

Вотъ этотъ-то секретъ умѣнья найти мѣру интереса и проведенъ Константиномъ Дмитріевичемъ черезъ все «Родное Слово». Все въ немъ приноровлено къ умственному кругозору ребенка. И какъ легко при этомъ приноравливаться къ неодинаковымъ дѣтскимъ способностямъ и индивидуальностямъ. Съ способнымъ ребенкомъ вы можете идти нѣсколько быстрѣе въ прохожденіи статей, захватывая, напримѣръ, въ одинъ урокъ все, что помѣщается въ параграфѣ, или тратить на занятія чтеніемъ менѣе времени. Съ менѣе-же способными вы будете подвигаться впередъ болѣе медленно. Но въ томъ и другомъ случаѣ вы не обойдете почти ничего изъ послѣдовательнаго ряда статей «Родного Слова», такъ какъ каждая изъ нихъ заключаетъ въ себѣ вполнѣ доступные пониманію ребенка элементы умственной

пищи. Въ книгѣ нѣтъ ничего схоластическаго, ничего уводящаго мысль ребенка въ совершенно чуждую ему, нежизненную область. Все просто, все ясно, все можетъ быть понято ребенкомъ, а между тѣмъ, за этими простыми, легкими разсказами невольно чувствуется глубокая мысль. Хочу при этомъ остановиться нѣсколько на знакомой всѣмъ и любимой дѣтьми сказкѣ «О рѣпкѣ». Дѣти живо запоминаютъ ее; конечно, видятъ въ ней лишь простой и легкій, забавный разсказъ о томъ, какъ постепенно сзывались всѣ члены семьи для вытаскиванія рѣпки, какъ постепенно созваны были всѣ двигающіяся живыя существа всего дома, чтобы вытащить выросшую большую-пребольшую рѣпку, и какъ, при помощи самаго маленькаго существа—мышки, рѣпка, наконецъ, была вытащена. Запомнивъ эту картину соединенныхъ усилій, дѣти, невольно, усваиваютъ идею, что тамъ, гдѣ безсиленъ одинъ, усилія многихъ побѣдятъ трудности; что одна крошечная сила, приложенная къ другимъ, даетъ побѣду надъ трудностями. Идеи и понятія—все это, конечно, приходитъ впослѣдствіи. Но развѣ намъ не важно, когда именно залоги этихъ идей влагаются въ чистую душу ребенка въ видѣ простыхъ, правдивыхъ по идеѣ, картинъ. Конечно, можно сказать, что сама жизнь, особенно жизнь въ деревнѣ, среди природы, среди простыхъ, менѣе осложненныхъ, чѣмъ въ городѣ, условій даетъ намъ массу сюжетовъ для бесѣдъ и для умственнаго развитія ребенка. Мы знаемъ, что ребенку необходимо такъ много узнать впослѣдствіи и изъ жизни природы, и изъ жизни людей, и потому является желаніе поскорѣе начать знакомить его съ окружающимъ. Но занятые своими практическими дѣлами, развѣ мы имѣемъ время обдумать планъ

и систему этихъ занятій, а затѣмъ развѣ многіе обладаютъ талантомъ, который необходимъ для исполненія этой трудной задачи,—талантомъ, способнымъ понять и представить себѣ дѣтскую душу, уловить способность и постепенность развитія ея для усвоенія знаній, — талантомъ, умѣющимъ изъ безконечнаго окружающаго матеріала выбрать то, что соотвѣтствуетъ душевнымъ свойствамъ ребенка. Матеріалъ этотъ именно безконеченъ, и легко затеряться въ немъ. Я лично всегда придерживалась съ дѣтьми правила знакомить лишь съ тѣмъ, способность пониманія чего ясно выразилась въ задаваемыхъ ребенкомъ вопросахъ. Не знаю, правиленъ-ли былъ мой способъ дѣйствія, но страхъ загромоздить душу ребенка матеріаломъ, который онъ еще неспособенъ переработать въ достаточной степени, заставлялъ меня продолжать принятый способъ дѣйствія. Константинъ Дмитріевичъ въ высшей степени обладалъ талантомъ пониманія душевной жизни ребенка и талантомъ выбора матеріала, и онъ далъ намъ планъ постепеннаго развитія кругозора ребенка.

И такъ, разнообразный матеріалъ и содержательность разсказовъ, талантъ въ расположеніи статей постепенно возрастающей серьезности и всего матеріала для занятій, широкое поле для самодѣятельности ребенка, поэтическія стихотворенія, прекрасный подборъ загадокъ и народныхъ пословицъ и поговорокъ, а затѣмъ общая художественность изложенія,—указаны мною какъ элементы, поддерживающіе и возбуждающіе постоянный интересъ въ ребенкѣ къ чтенію и занятіямъ. Художественность изложенія такова, что невольно приходятъ на память слова нашего великаго художника-писателя о нашемъ родномъ языкѣ въ одномъ

изъ стихотвореній въ прозѣ, озаглавленномъ: «Русскій языкъ». Позволю себѣ привести здѣсь эти немногія, но сильныя слова: «Во дни сомнѣній, въ дни тягостныхъ раздумій о судьбахъ моей родины—ты одинъ мнѣ поддержка и опора, о великій, могучій, правдивый и свободный русскій языкъ! Не будь тебя, какъ не впасть въ отчаяніе при видѣ всего, что совершается дома. Но нельзя вѣрить, чтобы такой языкъ не былъ данъ великому народу». И вотъ, этотъ-то дѣйствительно чисто русскій языкъ дѣти узнаютъ съ первыхъ шаговъ вступленія въ область грамотности. Этотъ языкъ кладетъ, по моему, основательный залогъ развитія въ ребенкѣ чувства художественнаго чутья и той высокой вѣры въ силу народную, о которой говоритъ незабвенный И. С. Тургеневъ.

Въ началѣ я сказала, что взяла книги К. Д. Ушинскаго лишь для того, чтобы попробовать по нимъ заниматься. Проба эта оказалась такою, что, послѣ занятій по двумъ первымъ книгамъ «Родного Слова, я перешла къ третьей.

Рядомъ чисто логическихъ разсужденій, рядомъ бесѣдъ, сопровождаемыхъ вопросами, въ этой книгѣ Константинъ Дмитріевичъ постепенно вводитъ въ обстоятельный курсъ грамматики. Основной темой этихъ логическихъ разсужденій онъ беретъ послѣдовательные отрывки изъ начала всѣмъ хорошо знакомой поэтической сказки Пушкина «О рыбакѣ и рыбкѣ».

Какъ будто и въ этихъ логическихъ разсужденіяхъ, въ вопросахъ объ усвоеніи такого сухого предмета, какимъ считается грамматика, Константинъ Дмитріевичъ не хотѣлъ вполнѣ отрѣшить ребенка отъ поэтическаго элемента. Подробно останавливаясь на каждомъ членѣ предложенія,

на каждой части рѣчи и знакахъ препинанія, постоянно возстановляя въ памяти ребенка, путемъ самыхъ разнообразныхъ вопросовъ, пройденное, — Константинъ Дмитріевичъ даетъ возможность прочно и всесторонне ознакомиться съ предметомъ и прочно утвердиться въ усвоенныхъ правилахъ. Я не знаю грамматики, которая заключала-бы въ себѣ болѣе разностороннюю разработку вопроса въ такой ясной, доступной дѣтскому пониманію формѣ, съ такимъ обширнымъ матеріаломъ и для учащаго.

Руководительству этой книги я обязана тѣмъ, что моя дѣвочка, безъ всякихъ трудныхъ заучиваній, безъ всякаго непріятнаго чувства къ сухости научнаго предмета, называемаго грамматикою, овладѣла этимъ предметомъ настолько, что, поступая въ третій классъ гимназіи въ десятилѣтнемъ возрастѣ, писала вполнѣ безошибочно, дѣлала синтаксическій и этимологическій разборы безъ всякихъ затрудненій.

Занятія по «Родному Слову» положили прочный фундаментъ ея знанію родного языка и, я увѣрена, также и умѣнью ясно, просто и свободно выражать свои мысли словесно и въ задаваемыхъ сочиненіяхъ.

Я еще не упомянула о томъ, что въ двухъ Руководствахъ къ «Родному Слову» я встрѣтила много цѣнныхъ указаній и взглядовъ какъ по общимъ педагогическимъ вопросамъ, такъ и въ смыслѣ руководства въ занятіяхъ по «Родному Слову».

Въ заключеніе позволю себѣ сказать нѣсколько словъ о книгѣ «Дѣтскій Міръ». Не есть-ли это цѣлый рядъ умно, серьезно составленныхъ статей почти научнаго содержанія?.. Какъ многому серьезному можно научить по

нимъ, толково читая съ ребенкомъ статьи, сопровождая эти чтенія живыми, содержательными бесѣдами!.. Матеріалъ для такого рода бесѣдъ — самый обширный, цѣнный, разнообразный.

Думаю и надѣюсь, что если не всѣ, то большинство изъ занимающихся съ своими дѣтьми матерей раздѣляютъ мои чувства глубочайшей благодарности къ высокоталантливому нашему общему учителю, и мнѣ остается только пожалѣть, что мои силы слишкомъ слабы для того, чтобы стать настоящею выразительницей того общаго значенія, какое имѣетъ Константинъ Дмитріевичъ Ушинскій для дорогихъ намъ занятій съ нашими дѣтьми.

Е. Корсакова.

VI.

Дѣятельность К. Д. Ушинскаго

въ Смольномъ институтѣ.

По личнымъ воспоминаніямъ автора *).

Я попалъ въ Смольный институтъ въ 1860 году, какъ разъ въ самый разгаръ его реформы, совершаемой по проекту К. Д. Ушинскаго, который былъ въ то время инспекторомъ института. Чтобы лучше оцѣнить все значеніе реформы, предпринятой Ушинскимъ, необходимо хоть бѣгло взглянуть на прошлое, до-реформенное время этой alma mater всѣхъ женскихъ учебныхъ заведеній въ Россіи, съ среднимъ общеобразовательнымъ курсомъ. Смольный, въ теченіе ста лѣтъ, служилъ у насъ образцомъ для устройства всевозможныхъ женскихъ учебныхъ заведеній. По образцу Смольнаго устроялись у насъ всѣ прочіе женскіе институты, всѣ такъ-называемые образцовые пансіоны для дѣвицъ, даже пріюты, училища для дѣвицъ духовнаго званія, даже частные женскіе пансіоны — всѣ были не что

---

*) Доложено въ «С-Петербургскомъ общественномъ собраніи педагоговъ» 20-го декабря 1895 года.

иное, какъ миніатюрный снимокъ съ того-же Смольнаго. Оно и понятно: первыя учредительницы, начальницы, воспитательницы, учительницы такихъ заведеній были смолянки; онѣ-то и принесли съ собой въ новыя учебныя заведенія тѣ порядки, тѣ взгляды, съ которыми сроднились, бывши въ институтѣ. Если мы прибавимъ къ сказанному, что Смольный въ теченіе ста лѣтъ (1764—1864 гг.), выпустилъ до 7,000 дѣвицъ, сдѣлавшихся впослѣдствіи матерями семействъ и воспитательницами, которыя взлелѣяли нѣсколько новыхъ поколѣній, посѣявъ въ нихъ тѣ сѣмена, которыя сами получили, то станетъ понятнымъ, почему мы придаемъ такое важное значеніе Смольному институту.

Первообразомъ для Смольнаго института послужилъ женскій французскій институтъ Сен-Сиръ. Онъ былъ основанъ въ 1668 г., по внушенію де-Ментенонъ, Людовикомъ XIV, близъ Версаля, для воспитанія дочерей французскаго дворянства, разореннаго безпрерывными войнами. Въ началѣ это заведеніе было чѣмъ-то въ родѣ поэтической забавы для короля. Онъ являлся туда среди избранной толпы пышныхъ царедворцевъ, любовался искусствомъ и граціей, съ которыми воспитанницы разыгрывали трагедіи Расина, съ наслажденіемъ прислушивался къ чистымъ звукамъ дѣтской любви, выражавшейся въ пѣніи гимновъ, музыки Люлли, окружалъ воспитанницъ роскошью, приставилъ къ нимъ прислугу въ королевской ливреѣ, далъ заведенію великолѣпный гербъ, усѣянный царственными лиліями, даже велѣлъ выбить въ честь Сен-Сира медаль. Онъ говорилъ Расину и Буало, что основаніе этого института—событіе слишкомъ важное для того, чтобы они не упомянули о немъ въ исторіи его царствова-

нія. Но такое устройство Сен-Сиръ сохранилъ только до 1707 года, когда онъ былъ преобразованъ въ настоящій монастырь, гдѣ не было другихъ воспитательницъ и наставницъ, кромѣ монахинь, и откуда немногія изъ воспитанницъ возвращались въ свои семейства или выходили замужъ; большинство-же принимало монашескій санъ. Выходя изъ Сен-Сира, воспитанницы знали въ совершенствѣ рукодѣлія, свой родной языкъ и не читывали никакой другой книги, кромѣ молитвенника. Институтъ замеръ въ своихъ стѣнахъ, и въ 1793 г. національное собраніе уничтожило его. Родители разобрали своихъ дочерей, а монахини разбрелись въ разныя стороны. Онъ былъ обращенъ сначала въ военный госпиталь, потомъ, въ 1800 году, въ школу для мальчиковъ, а нѣсколько лѣтъ спустя — въ спеціально-военную школу, которая существуетъ и до сихъ поръ. Первою начальницею нашего Смольнаго была француженка, Софія де-Лафонъ, которая, по преданію, сама воспитывалась въ Сен-Сирѣ и очень естественно старалась дать Смольному направленіе, полученное ею въ Сен-Сирѣ *).

*) Свое названіе получилъ Смольный институтъ отъ деревни Смольной, существовавшей на мѣстѣ нынѣшнихъ зданій института въ началѣ XVIII ст. и славившейся своими дегтярными заводами. Близъ деревни Смольной въ 1720 г. Петръ Великій построилъ загородный дворецъ, который также получилъ названіе Смольнаго и служилъ обыкновеннымъ мѣстомъ пребыванія великой княжны Елизаветы Петровны. По вступленіи ея на престолъ, Смольный дворецъ опустѣлъ, а въ 1748 г. на его мѣстѣ былъ заложенъ Воскресенскій дѣвичій монастырь, при которомъ въ 1764 году было открыто училище для дѣвицъ. Замѣчательно, что, въ продолженіе столѣтняго существованія, Смольный находился подъ высокимъ покровительствомъ четырехъ императрицъ: Екатерины II Великой (1764—1796), Маріи Ѳеодоровны (1796—1828), Александры Ѳеодоровны (1828—1860) и Маріи Александровны (1860—1880), и подъ управленіемъ также только четырехъ начальницъ: де-Лафонъ, Пальменбахъ, фонъ-Адлербергъ и М. Н. Леонтьевой. Болѣе чѣмъ по 25 лѣтъ управляли заведеніемъ де-Лафонъ и Леонтьева.

Смольный возникъ у насъ въ 1764 г., т. е. слишкомъ 130 лѣтъ тому назадъ. Увлекшись блестящею мыслью Бецкаго воспитать или, лучше, создать въ Россіи новую породу людей, Императрица Екатерина Великая 12-го марта 1764 г. писала въ генеральномъ учрежденіи о воспитаніи обоего пола юношества: «просвѣщенный науками разумъ не дѣлаетъ еще добраго и прямого гражданина, но во многихъ случаяхъ паче во вредъ бываетъ, если кто отъ самыхъ нѣжныхъ юности своей лѣтъ воспитанъ не въ добродѣтеляхъ, и твердо оныя въ сердце его не вкоренены. Посему ясно, что корень всему злу и добру—воспитаніе. Достигнуть-же сего послѣдняго съ успѣхомъ и твердымъ исполненіемъ не инако можно, какъ избрать средства къ тому прямыя и основательныя, т. е. *произвести сперва способомъ воспитанія*, такъ сказать, *новую породу* или новыхъ отцовъ и матерей, которые дѣтямъ своимъ тѣ-же прямыя и основательныя воспитанія правила въ сердце вселить могли, какія они получили сами, и отъ нихъ дѣти передали паки своимъ дѣтямъ, и такъ слѣдуя изъ родовъ въ роды въ будущіе вѣка». А уже 5-го мая того-же года Императрица подписала указъ Сенату о воспитаніи 200 благородныхъ дѣвицъ въ С.-Петербургѣ, при Воскресенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ. «Для пользы *всего государства*, — говорится въ немъ, — учреждены разныя воспитательныя училища для благороднаго юношества на казенномъ иждивеніи; равное имѣя попеченіе о *благородныхъ дѣвицахъ*, восхотѣли мы учредить *такое-же воспитаніе*... Повелѣваемъ Сенату разослать (уставъ) по всѣмъ губерніямъ, провинціямъ и городамъ, дабы, вѣдая о семъ новомъ учрежденіи, каждый *изъ дворянъ* могъ дочерей своихъ въ

младенческихъ лѣтахъ препоручить сему отъ насъ учрежденному воспитанію».

Такимъ-то образомъ состоялось основаніе перваго женскаго института въ Россіи, который сталъ слыть подъ именемъ *Смольнаго монастыря*, а на оффиціальномъ языкѣ — *Воспитательнымъ Обществомъ благородныхъ дѣвицъ*.

По уставу, выработанному Бецкимъ, чтобы создать новую породу матерей, внѣ всякаго соприкосновенія съ тогдашней дворянской семьей, признанной государствомъ неспособною дать надлежащее воспитаніе своимъ дѣтямъ, — весь воспитательный періодъ дѣвочки былъ раздѣленъ на четыре класса или возраста; въ каждомъ дѣти просиживали по три года, и всѣ переходили изъ класса въ классъ, несмотря на степень познанія въ наукахъ. Родители или родственники, опредѣливъ дѣвочку, должны были дать письменное обязательство въ томъ, что они, до истеченія 12-ти-лѣтняго срока, ни подъ какимъ видомъ обратно требовать её не станутъ. Въ первомъ возрастѣ (отъ 6-ти до 9-ти лѣтъ) для ученья назначались катихизисъ, россійскій и иностранный языки, ариѳметика, рисованіе, танцованіе, музыка вокальная и инструментальная, шитье и вязанье всякаго рода; во второмъ (отъ 9 до 12 лѣтъ) къ этому прибавлялась географія съ исторіей и нѣкоторая часть экономіи и домостроительства; въ третьемъ (отъ 12 до 15 лѣтъ) прибавлялось чтеніе историческихъ и нравоучительныхъ книгъ, часть архитектуры и геральдики, какъ науки, необходимой для развитія чувства чести въ благородномъ званіи; въ четвертомъ возрастѣ (отъ 15 до 18 лѣтъ) назначалось дѣвицамъ «повторить ученіе одною практикою». Бо́льшую часть времени онѣ должны употреблять еще и

на другія занятія: «дежурить понедѣльно по хозяйству, вести записку расходамъ, договариваться съ поставщиками о припасахъ, каждую недѣлю дѣлать разсчетъ и при себѣ производить платежъ, опредѣлять цѣну всякому товару по его качеству, смотрѣть, чтобы во всемъ наблюдаемъ былъ совершенный порядокъ и чистота». Кромѣ того, по двѣ дѣвицы должны были каждый день дежурить въ другихъ класссахъ, какъ помощницы учительницы: «и отъ сей практики навыкнуть заблаговременно, какъ имъ, будучи матерями, обучать дѣтей своихъ, и въ собственномъ своемъ воспитаніи найдутъ себѣ великое вспоможеніе, въ какомъ-бы состояніи имъ жить ни случилось».

Центральными предметами обученія являлись: французскій языкъ, танцы и музыка, — какъ приличествуетъ свѣтскимъ барышнямъ благороднаго сословія; рукодѣлія и домоводство, — какъ необходимыя для будущихъ хозяекъ. Говорили чаще на французскомъ языкѣ, чѣмъ на русскомъ; даже исторія и географія преподавались на французскомъ языкѣ. Родной языкъ былъ въ пренебреженіи; ариѳметикѣ давалась очень незавидная роль: предписывалось обучать этой наукѣ благородныхъ дѣвицъ съ тою единственною цѣлью, чтобы «впредь содержать въ добромъ порядкѣ домашнюю экономію».

Для занятій съ воспитанницами назначались исключительно учительницы. Вмѣстѣ съ надзирательницами, онѣ должны были быть всегда при дѣтяхъ, «съ утра до вечера». Общее и особенное вниманіе какъ начальницы, такъ и учительницъ и воспитательницъ было направлено преимущественно на физическое и нравственное воспитаніе. Подъ вліяніемъ идей Локка и Фенелона, инструкція по этой

части, составленная Бецкимъ, и въ наше время можетъ выдержать педагогическую критику. По мыслямъ Бецкаго, здоровая пища и хорошій воздухъ суть главныя условія здоровья; за чистотою и опрятностью слѣдуетъ слѣдить неуклонно; воздержанность и работа суть лучшія лекарства для человѣка; съ этою цѣлью дѣвицы, особенно въ старшихъ классахъ, должны, по возможности, обходиться безъ прислуги и сами одѣваться, сами вязать себѣ чулки и шить платья. Труды соединялись съ играми, дабы сохранять въ дѣтяхъ *силу*, *бодрость* и *веселость духа*, столь нужную и для здоровья, и для доброты сердца. Начальницамъ говорилось: «Хотя благоразумiе и искусство будутъ непремѣннымъ основанiемъ всѣхъ поступковъ начальницы, однакоже надлежитъ соединять ихъ съ кротостью, а наипаче съ непринужденною *веселостью*, дабы симъ способомъ отвращать и отъ дѣвицъ и самый видъ всего того, что скукою, грустью или задумчивостью назваться можетъ». Строгость въ обращенiи съ дѣвицами вообще не допускалась: «Напрасно и не по важности вины употребляемая строгость бываетъ обыкновенно поводомъ къ преступленiю, совершенно отвергаетъ порядокъ добраго воспитанiя и приводитъ въ унынiе питомца». Главнымъ средствомъ исправленiя провинившихся служило пристыженiе предъ цѣлымъ классомъ. Вообще-же предписывалось обращаться съ дѣвицами кротко, безпристрастно, «чтобы отъ самаго юношества и до возраста пріучаемы были къ добродѣтелямъ, учтивости, ласковымъ и пріятнымъ разговорамъ не только съ равными, но и съ самыми послѣдними, какого-бы званiя кто ни былъ. Черезъ такое доброе поведенiе и поступки, при первомъ ихъ въ свѣтъ вступленiи, учинятся онѣ

отличными въ обществѣ», подъ которымъ надо понимать свѣтскія собранія, замѣнившія Петровскія ассамблеи.

Относительно внутренней жизни первыхъ институтокъ, мы находимъ указанія въ письмахъ самой Императрицы Екатерины II къ Вольтеру. Приводимъ, напр., отрывки изъ письма ея отъ 23-марта 1772 года. «Ничто не можетъ быть полезнѣе для нашей обители, какъ ваше предложеніе. Дѣвицы наши играютъ комедіи и трагедіи: прошедшій годъ онѣ играли Заиру, на масляницѣ представляли Земиру, русскую трагедію, самую лучшую изъ трагедій г. Сумарокова, о которомъ вы вѣрно слыхали. Вотъ какъ раздаютъ имъ роли изъ театральныхъ пьесъ: имъ говорятъ, что будутъ играть такую-то пьесу, и спрашиваютъ, кто хочетъ играть такую-то роль. Часто случается, что цѣлая комната дѣвицъ выучиваетъ одну роль. Послѣ этого выбираютъ изъ нихъ ту, которая лучше всѣхъ представляетъ ее. Тѣ, которыя играютъ роль мужчинъ, надѣваютъ въ комедіяхъ родъ длинныхъ фраковъ, называемыхъ у насъ модными. Въ трагедіи легко можно одѣвать нашихъ героевъ сообразно съ пьесою и съ ихъ состояніемъ. Роли стариковъ — самыя трудныя и играются очень худо: большой парикъ и палка не прибавляютъ лѣтъ молодости; эти роли до сихъ поръ были немного холодны. У насъ представляли въ нынѣшнюю масляницу прелестнаго Пентиметра, оригинальнаго Блеза, Курнильякскую Удивительную Даму и много другихъ пьесъ».

Вообще, судя по различнымъ документамъ, напечатаннымъ въ «Хроникѣ» Р—ой *), первыя наши институтки

*) Нива Р—ая. «Хроника Смольнаго монастыря въ царствованіе Императрицы Екатерины II». Спб. 1894 г.

проводили время довольно весело: то онѣ играли пьесы, то устраивали концерты, балеты, маскарады, во время которыхъ одѣвались обыкновенно весталками. Нерѣдко участвовали онѣ въ придворныхъ праздникахъ; иногда гуляли въ Лѣтнемъ саду, куда привозили ихъ по Невѣ въ разукрашенныхъ лодкахъ. Современники того времени пишутъ, что, по случаю посѣщенія смолянками Лѣтняго, любопытство публики было такъ велико, что вся набережная, весь Лѣтній садъ были буквально засыпаны народомъ. Однажды старшія дѣвицы были на балу у Бецкаго, который, сверхъ того, устраивалъ для нихъ различныя зрѣлища. Въ Смольномъ бывали и такого рода праздники: по случаю особенно радостныхъ дней во дворцѣ, дѣвицы кормили у себя нищихъ, раздавали имъ мелкую серебряную монету и куски полотна. Это дѣлалось для того, чтобы развить въ нихъ милосердіе и состраданіе къ бѣднымъ. На публичныхъ экзаменахъ дѣвицы обыкновенно говорили привѣтственныя рѣчи на французскомъ и русскомъ языкахъ, показывали свои работы: рукодѣлья, рисунки, архитектурные чертежи, образцы токарнаго и рѣзного искусства. Блескъ, роскошь и похвалы, которыми обыкновенно сопровождались праздники въ Смольномъ, едва-ли гармонировали съ возвышенными идеями Бецкаго, направленными къ воспитанію скромныхъ труженицъ, будущихъ матерей семействъ, добрыхъ гражданокъ и вообще образованныхъ женщинъ.

Нельзя упрекнуть императрицу Екатерину II въ томъ, что она думала о воспитаніи только дворянскихъ дочерей. Съ основаніемъ Академіи Художествъ, она мечтала образовать въ Россіи особое свободное сословіе, приравнивая его къ французскому tiers état; но для полноты необходимо

было ввести въ это сословіе и женщинъ, воспитанныхъ подобнымъ-же образомъ. 13-го января 1765 года Императрица подписала новый указъ: «для пользы общества требуется, чтобы всякаго чина и женскій полъ воспитанъ былъ въ добронравіи и въ приличныхъ состоянію его знаніяхъ и рукодѣліяхъ. Въ Воскресенскомъ монастырѣ, въ особливо отдѣльномъ строеніи, учредить училище для малолѣтнихъ дѣвушекъ (мѣщанскаго званія) подъ управленіемъ главной начальницы и правительницы (Общества благородныхъ дѣвицъ)... дабы благоучрежденнымъ воспитаніемъ обоего пола юношества произвелось новое порожденіе, отъ котораго-бы прямыя правила воспитанія непрерывнымъ порядкомъ въ потомство переходить могли».

Такимъ образомъ явилось Мѣщанское отдѣленіе при Воспитательномъ Обществѣ благородныхъ дѣвицъ. Главныя основанія физическаго и нравственнаго воспитанія и тамъ полагались тѣ-же. Принимались только шестилѣтнія дѣвочки и воспитывались до восемнадцати-лѣтняго возраста. Раздѣлялись онѣ также на четыре класса. Обучались Закону Божію, русскому и иностраннымъ языкамъ, ариѳметикѣ, рисованію, танцамъ, рукодѣлію, музыкѣ и пѣнію, если къ нимъ оказывались способности. Кромѣ того, пріучались «къ домостроительству», т.-е. къ хозяйству, и въ четвертомъ классѣ должны были быть употребляемы ко всякимъ женскимъ рукодѣліямъ и работамъ, т.-е. «шить, ткать, вязать, стряпать, мыть, чистить и всю службу экономическую исправлять». Довольно странная судьба ожидала этихъ свободныхъ гражданокъ по окончаніи курса: однѣ изъ нихъ выдавались замужъ за мелкихъ чиновниковъ, художниковъ и придворныхъ лакеевъ, другія поступали въ услуженіе въ

Общество благородныхъ дѣвицъ за опредѣленное жалованье, третьи оставались въ мѣщанскомъ отдѣленіи до 21-го года, когда выпускались на волю съ аттестатомъ.

По кончинѣ Императрицы Екатерины II, покровительницею Смольнаго стала незабвенная Марія Ѳеодоровна, управлявшая институтомъ съ 1796 по 1828 годъ. Гуманная, великодушная, принимавшая близко къ сердцу интересы дѣтей и ихъ родителей, Императрица Марія Ѳеодоровна не могла не замѣтить, что система воспитанія Бецкаго, по теоріи обѣщавшая много, въ практикѣ жизни далеко не оправдывалась. Дѣти въ самомъ нѣжномъ возрастѣ, совершенно оторванныя на 12 лѣтъ отъ своихъ семействъ, не могли развить въ себѣ святыхъ чувствъ семейной любви къ родителямъ и къ своимъ кровнымъ роднымъ, дѣлались напыщенными, холодными, сухими по сердцу. Не соприкасаясь нисколько съ обществомъ, онѣ оставались въ невѣдѣніи всѣхъ общественныхъ условій, а потому пріобрѣтали ложный взглядъ на свои отношенія къ семьѣ и обществу; не находя, по выходѣ изъ заведенія, того, чего ожидали, онѣ становились какъ-бы чужими, разочарованными, безсильными. Вотъ почему Марія Ѳеодоровна старалась, насколько могла, хотя отчасти ввести или, по крайней мѣрѣ, усилить семейное начало въ воспитаніи институтокъ. Съ этою цѣлью она сократила срокъ пребыванія дѣвицъ съ 12 на 9 лѣтъ, раздѣливъ ихъ на три трехлѣтніе класса: кофейный, голубой и бѣлый; дѣвочекъ стали принимать не съ 6-ти, а 9—10-ти-лѣтняго возраста; были допущены свиданія институтокъ съ родителями и родственниками въ опредѣленные дни и часы, хотя и не иначе, какъ въ общей залѣ, въ присутствіи

классныхъ дамъ; многія малознающія учительницы были замѣнены учителями съ университетскимъ образованіемъ; было обращено вниманіе на тщательный выборъ классныхъ дамъ, отъ которыхъ требовалось материнское отношеніе къ дѣвицамъ; на каждую классную даму возлагалось воспитаніе не болѣе 20—30 дѣвицъ. Но, при всѣхъ добрыхъ желаніяхъ Императрицы, могла-ли мать такого огромнаго семейства дѣлить свою любовь поровну между всѣми?.. Въ 1803 г. при Обществѣ благородныхъ дѣвицъ были учреждены пепиньеры. Это были бѣднѣйшія и лучшія воспитанницы, которыя, по окончаніи курса, оставались еще на годъ въ заведеніи, получая жалованье по 200 р. въ годъ и готовясь въ гувернантки. И мѣщанское училище при новой высокой покровительницѣ подверглось коренному преобразованію. По окончаніи войны 1812 г. осталось много сиротъ. Надобно было позаботиться и о нихъ. И вотъ, въ 1814 году, по волѣ Маріи Ѳеодоровны, стали принимать въ мѣщанское отдѣленіе дочерей военныхъ до чина подполковника; срокъ пребыванія въ немъ ограниченъ 6-ю годами; пепиньеры заведены и при военно-мѣщанскомъ отдѣленіи.

Здѣсь кстати упомянуть, что сердобольная и просвѣщенная Императрица Марія Ѳеодоровна заботилась не объ одномъ только Смольномъ институтѣ. Такъ, въ 1797 г. она открыла въ Петербургѣ на собственныя средства сиротское училище на 50 бѣднѣйшихъ сиротъ мѣщанскаго сословія, вскорѣ затѣмъ названное Маріинскимъ институтомъ. Въ 1798 г. она основала въ Петербургѣ училище для дѣвицъ оберъ-офицерскаго званія, а въ 1802 г.—такое-же въ Москвѣ. Оба они впослѣдствіи

названы были училищами ордена Св. Екатерины или Екатерининскими институтами.

При третьей покровительницѣ Смольнаго, Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ (1828—1860 г.), какъ Смольный, такъ и прочіе институты подверглись также значительному преобразованію, особенно въ 40-хъ—50-хъ годахъ, когда на институтское *образованіе* было обращено особенное вниманіе. Измѣнена была цѣль образованія, усилена учебная часть. Въ новомъ положеніи и инструкціи высказаны уже такія мысли: «Цѣль женскаго воспитанія состоитъ въ образованіи *добрыхъ женъ* и полезныхъ матерей семействъ, чтобы съ образованіемъ, въ надлежащей мѣрѣ, *ума* и *сердца* воспитанницы могли приготовляться къ будущему ихъ важному назначенію». «Чѣмъ болѣе укрѣплены добродѣтели, тѣмъ легче управленіе государствами: кому-же распространять область добра, какъ не женщинѣ, супругѣ, матери дѣтей, которая часто одна своимъ примѣромъ и нравственнымъ вліяніемъ можетъ облагороживать цѣлое семейство. Вотъ *политическое* ея назначеніе». Но, «по предназначенію женщины не для службы государственной или общественной, подобно мужчинѣ, не для ученаго поприща, а для круга семейнаго, и самое воспитаніе и образованіе дѣвицы должны быть направлены къ иной цѣли, чѣмъ воспитаніе мужчины». Согласно съ такими взглядами, преподавателю исторіи предписывалось обращать вниманіе на всѣ случаи исторіи, когда женщины представляли высокіе примѣры добродѣтели, патріотизма и самоотверженія супруги и матери. Онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, долженъ былъ указывать «на важность значенія дворянства въ Россіи, исключительно

имѣющаго право владѣть крестьянами, коихъ участь ему ввѣрена и для которыхъ помѣщикъ долженъ быть *отцомъ*, а помѣщица—*матерью*».

Хотя французскій языкъ и по новому положенію долженъ былъ сдѣлаться вторымъ роднымъ языкомъ воспитанницъ, «ибо таковый съ давнихъ поръ сдѣлался для лицъ женскаго пола языкомъ *обычнымъ*, какъ-бы *оффиціальнымъ*», но, требуя совершеннаго знанія французскаго языка, какъ обычнаго, новая программа взяла подъ свое покровительство и отечественный языкъ, которымъ не очень-то дорожили прежде. «Отечественный языкъ долженъ быть извѣстенъ каждому русскому во всей полнотѣ,—высказываетъ инструкція:—но какъ, къ сожалѣнію, правильное изученіе онаго, въ особенности у лицъ женскаго пола высшаго круга общества, доселѣ еще недостаточно развито, то надобно стараться, чтобы будущее поколѣніе исправило сей важный недостатокъ и стыдилось-бы не знать своего языка родного, тогда какъ малѣйшая ошибка на языкѣ французскомъ почитается знакомъ необразованности».

По новому уставу, единоличное управленіе женскими институтами начальницами было замѣнено коллективнымъ—мѣстнымъ совѣтомъ, состоящимъ изъ трехъ лицъ: начальницы, которой ввѣренъ былъ общій надзоръ за нравственнымъ и физическимъ воспитаніемъ дѣвицъ, члена по учебной части, слѣдившаго за развитіемъ умственнаго образованія, члена по хозяйственной части—за правильнымъ расходованіемъ суммъ. Оба члена назначались высочайшею властью, изъ высшихъ сановниковъ государства. Непосредственное-же наблюденіе за преподаваніемъ учителей было

поручено инспектору. Въ то время инспекторомъ былъ извѣстный педагогъ Тимаевъ, который, какъ извѣстно, вмѣстѣ съ Буссе и Ободовскимъ, былъ посланъ еще при Императорѣ Александрѣ I въ Швейцарію, для ознакомленія на мѣстѣ съ Песталоціевскимъ институтомъ.

Спеціализація и замкнутость женскаго образованія остались нетронутыми, даже еще болѣе усилились. Въ Общество благородныхъ дѣвицъ, какъ самый древнѣйшій и высшій разсадникъ женскаго образованія, дозволялось принимать дочерей лицъ, имѣющихъ чины не ниже полковника или статскаго совѣтника, или потомственныхъ дворянъ, внесенныхъ въ пятую или шестую часть дворянской родословной книги; въ бывшее мѣщанское училище—дочерей лицъ отъ чина полковника и коллежскаго совѣтника до штабсъ-капитана и титулярнаго совѣтника, равно—протоіереевъ, священниковъ и евангелическихъ пасторовъ, или дочерей дворянъ, внесенныхъ въ третью часть дворянской книги. Такимъ образомъ, при Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ мѣщанское училище совершенно утратило свой демократическій характеръ и стало называться С.-Петербургскимъ Александровскимъ училищемъ или Александровской половиной Смольнаго, въ память совершившейся въ 1842 г. годовщины бракосочетанія покойнаго Государя Императора Александра II Николаевича, тогда какъ Воспитательное Общество звали Николаевской половиной — въ честь Императора Николая I Павловича. Въ 1847 году при Александровскомъ училищѣ былъ организованъ Тимаевымъ спеціальный классъ изъ 30 воспитанницъ — для приготовленія изъ нихъ домашнихъ учительницъ. Къ концу жизни Императрицы Але-

ксандры Ѳеодоровны, Смольный представлялъ уже огромный, совершенно замкнутый интернатъ въ 700 дѣвицъ, не имѣвшій никакого сношенія съ внѣшнимъ міромъ, а этотъ міръ былъ уже наканунѣ величайшихъ реформъ Царя-Освободителя. Въ такомъ видѣ приняла Смольный подъ свое августѣйшее покровительство молодая Императрица Марія Александровна.

II.

Въ своихъ воспоминаніяхъ о Маріинской женской гимназіи *), я уже писалъ, какъ тепло относилась молодая Императрица къ поднятію образованія русской женщины, къ какой-бы средѣ та ни принадлежала, какъ она стремилась къ возстановленію естественной связи семьи со школою, съ какимъ чувствомъ умиленія она привѣтствовала открытіе въ Петербургѣ первой женской гимназіи, возникшей въ 1858 г. подъ именемъ Маріинскаго училища для приходящихъ дѣвицъ. Августѣйшая покровительница женскаго образованія въ Россіи не могла не обратить своего высокаго вниманія и на женскіе институты, застывшіе въ своихъ стѣнахъ и учебныхъ программахъ, съ мертвящимъ схоластическимъ преподаваніемъ, отторгнутые отъ всякаго соприкосновенія съ семьей и обществомъ. Добрая императрица-мать пожелала пролить лучъ свѣта образованія, болѣе широкаго и болѣе

*) «Русская Школа» 1892.

современнаго, и въ среду институтокъ, оживить преподаваніе, открыть институткѣ болѣе свободный выходъ въ родную среду, реорганизовать весь устарѣлый учебный строй на педагогическихъ началахъ, выработанныхъ наукою и опытомъ. Она задумала начать преобразованіе институтовъ со Смольнаго, какъ со старѣйшаго института. Для осуществленія своихъ благихъ намѣреній, она нашла въ Гатчинѣ человѣка, котораго лично узнала и оцѣнила. Это былъ Константинъ Дмитріевичъ Ушинскій.

Изъ времени пребыванія своего въ Гатчинѣ инспекторомъ института, К. Д. часто разсказывалъ о слѣдующемъ случаѣ, который окончательно опредѣлилъ его педагогическое призваніе. «Помню я, какъ, поступивъ на службу въ одно учебное заведеніе (Гатчинскій институтъ) и осматривая его библіотеку, довольно многотомную, нашелъ я цѣлый шкафъ съ медицинскими книгами, хотя въ этомъ заведеніи никогда не учили медицинѣ. Ихъ пожертвовалъ одинъ купецъ, которому они достались по наслѣдству. Наконецъ, смотрю, стоятъ два шкафа, запыленные, почернѣлые, запечатанные. Видно по всему, что ихъ лѣтъ 20 не отпирали. Прошу отворить и нахожу очень полное собраніе педагогическихъ книгъ. Это было въ первый разъ, что я видѣлъ собраніе педагогическихъ книгъ въ русскомъ учебномъ заведеніи. Этимъ двумъ шкафамъ я обязанъ въ жизни очень, очень многимъ, и, Боже мой! отъ сколькихъ-бы грубыхъ ошибокъ былъ-бы избавленъ я, если-бы познакомился съ этими двумя шкафами прежде, чѣмъ поступилъ на педагогическое поприще! Человѣкъ, заведшій эту библіотеку, былъ необыкновеннымъ у насъ человѣкомъ. Это едва-ли не первый нашъ педагогъ,

*

который взглянулъ серьезно на дѣло воспитанія и увлекся имъ. Но горько-же и поплатился онъ за это увлеченіе. Покровительствуемый счастливыми обстоятельствами, онъ могъ нѣсколько лѣтъ приводить свои идеи въ исполненіе: но вдругъ обстоятельства измѣнились—и бѣднякъ-мечтатель окончилъ свою жизнь въ сумасшедшемъ домѣ, бредя дѣтьми, школой, педагогическими идеями. Не даромъ-же послѣ него закрыли и запечатали его опасное наслѣдство. Разбирая эти книги, исписанныя по краямъ одною и тою-же мертвою рукою, я думалъ, лучше было-бы, если-бы онъ жилъ въ настоящее время, когда уже научились лучше цѣнить педагоговъ и педагогическія идеи» *). Эта дорогая для Ушинскаго находка принадлежала Гугелю, который былъ инспекторомъ Гатчинскаго института лѣтъ за 20—25 до К. Д. Въ Гатчинскомъ институтѣ Ушинскій пробылъ очень недолго,—всего только четыре года. Здѣсь не могла еще вполнѣ развернуться его педагогическая дѣятельность; здѣсь онъ только учился быть педагогомъ; здѣсь формировались его педагогическія убѣжденія; онъ набирался здѣсь научныхъ, умственныхъ и нравственныхъ силъ для болѣе широкой дѣятельности, предстоящей впереди. Но за-то здѣсь-же К. Д. имѣлъ счастіе обратить на себя особенное вниманіе императрицы, живо интересовавшейся педагогическими вопросами. И вотъ, когда открылось мѣсто инспектора Смольнаго института, Императрица сама указала министру народнаго просвѣщенія Норову, который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ членомъ Совѣта института по учебной части,—на Ушинскаго, какъ на лицо, могущее выполнить ея благія

*) См. ст. К. Д. Ушинскаго въ Собраніи его сочиненій — «Педагогическая поѣздка въ Швейцарію».

предначертанія по преобразованію учебнаго дѣла въ Смольномъ. Съ юношескимъ жаромъ и увлеченіемъ принялся Ушинскій за реформу учебной организаціи института. Онъ поступилъ въ Смольный въ концѣ 1859 г., а черезъ три недѣли, послѣ изумительно-лихорадочной работы, проектъ преобразованія уже былъ готовъ. Только одинъ Ушинскій, облеченный полнымъ довѣріемъ Государыни, могъ безпрестанно напоминать принцу Петру Георгіевичу Ольденбургскому о скорѣйшемъ утвержденіи проекта каждый разъ, когда Его Высочество посѣщалъ институтъ. Я самъ слышалъ такой разговоръ:

— А что-же проектъ? Когда-же онъ будетъ наконецъ утвержденъ, Ваше Высочество?

— Нельзя торопиться. Вы задумали дѣло важное; надо его обсудить со всѣхъ сторонъ въ Главномъ Совѣтѣ; потомъ надо составить въ канцеляріи докладъ на Высочайшее имя. На все надо время, — отвѣчалъ милостиво принцъ.

— Я составилъ проектъ въ три недѣли, а обсудить и составить докладъ можно въ три дня,—довольно запальчиво произнесъ Ушинскій.—Я уже пригласилъ новыхъ учителей, у насъ и программы уже готовы. У меня связаны руки. Я ничего не могу предпринять...

— Ну, не сердитесь, не сердитесь, горячій и нетерпѣливый реформаторъ. Я велю поспѣшить,—замѣтилъ, шутя, принцъ.

И дѣйствительно, проектъ Ушинскаго, согласно съ мнѣніемъ Главнаго Совѣта, былъ утвержденъ Государыней Императрицей 27-го февраля 1860 г., въ видѣ опыта, на полный семилѣтній курсъ, и уже 12-го апрѣля въ

учебной организаціи Смольнаго былъ введенъ новый порядокъ.

Сущность реформы К. Д. сводилась къ четыремъ главнымъ основаніямъ: 1) замѣнить 9-ти-лѣтній курсъ 7-ми-лѣтнимъ; 2) вмѣсто трехъ классовъ устроить 7; 3) сдѣлать новое распредѣленіе учебныхъ предметовъ по классамъ; 4) составить новыя учебныя программы.

Первая мѣра, по мнѣнію Ушинскаго, была полезна въ томъ отношеніи, что воспитанницы, получая достаточное образованіе въ 7 лѣтъ, двумя годами ранѣе возвращались въ родную семью, которую никакое учебное заведеніе замѣнить не можетъ.

Вторая мѣра служила ручательствомъ лучшихъ успѣховъ дѣвицъ. До Ушинскаго порядокъ былъ такой: воспитанницы, по окончаніи каждаго трехлѣтняго курса, въ полномъ составѣ переходили въ слѣдующій также трехлѣтній классъ, не смотря на то, были-ли дѣвицы достаточно подготовлены, или нѣтъ; да и въ самомъ дѣлѣ, нельзя-же было неуспѣвающую воспитанницу оставлять въ томъ-же классѣ на цѣлыхъ шесть лѣтъ. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ такого обычая было то, что малоуспѣвшія въ низшемъ классѣ въ старшемъ успѣвали еще меньше и выходили изъ заведенія съ самыми ничтожными и поверхностными знаніями, а нѣкоторыя и безъ всякихъ знаній, за исключеніемъ лишь французскаго языка, танцевъ и хорошихъ манеръ. При устройствѣ-же семилѣтняго курса и при ежегодныхъ экзаменахъ и переходахъ изъ класса въ классъ, мало успѣвшія воспитанницы могли быть оставляемы еще на годъ въ томъ-же классѣ и такимъ образомъ имѣли возможность пополнить пробѣлы въ своихъ знаніяхъ.

Распредѣленіе учебныхъ предметовъ по отдѣльнымъ классамъ было обосновано Ушинскимъ на принципѣ строгой педагогической постепенности—*non multum sed multa.* Такъ, въ самомъ низшемъ, седьмомъ классѣ положено было преподавать Законъ Божій, русскій языкъ съ предметными уроками, французскій языкъ и ариѳметику; но за-то каждый предметъ имѣлъ много уроковъ; а чѣмъ меньше предметовъ и чѣмъ больше часовъ на каждый предметъ, тѣмъ такіе предметы легче и основательнѣе усвояются дѣтьми, особенно малолѣтними. Въ VI классѣ къ упомянутымъ предметамъ присоединялась географія, въ V — нѣмецкій языкъ, въ IV — исторія и естествовѣдѣніе, въ III — физика, во II и I — литература всеобщая и русская.

Родной языкъ былъ поставленъ центральнымъ предметомъ, какъ прежде французскій. На немъ читались всѣ учебные предметы. Для русскаго языка полагалось въ недѣлю въ VII классѣ 5 уроковъ, въ VI — 4; тогда какъ раньше въ младшемъ возрастѣ на русскій языкъ отводилось лишь 3 урока въ недѣлю. «Учитель русскаго языка,—пишетъ Ушинскій,—не можетъ ограничиться однимъ преподаваніемъ грамматики, а долженъ имѣть въ виду *общее развитіе* учащихся. Онъ долженъ прежде всего сообщить ученицѣ *ясное и правильное понятіе* объ окружающихъ предметахъ, что очень рѣдко приносится ребенкомъ въ школу, научить его *разсуждать* о знакомыхъ ему предметахъ и правильно *выражать свои мысли.* Такимъ способомъ развивается въ ученицахъ любовь и способность къ ученію и тѣмъ облегчается дѣло преподавателей въ слѣдующихъ классахъ». Для достиженія на практикѣ намѣченной цѣли, Ушинскій ввелъ въ двухъ низшихъ классахъ предметные

уроки и составилъ извѣстный всѣмъ «Дѣтскій Міръ», который впослѣдствіи получилъ такое широкое распространеніе. Въ среднихъ классахъ мертвую реторику и піитику Ушинскій замѣнилъ классными разборами самыхъ произведеній художественныхъ, не только русскихъ, но и иностранныхъ, чтобы уже на нихъ строить теоретическіе выводы, а въ послѣднемъ классѣ однимъ изъ наиболѣе способствующихъ эстетическому развитію женщинъ предметовъ поставилъ исторію отечественной литературы, не исключая и Гоголя, который до того считался въ институтѣ запретнымъ и грязнымъ писателемъ, неудобнымъ для чтенія великосвѣтскими барышнями.

Математическимъ наукамъ Ушинскій не придавалъ первенствующаго значенія въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Онъ смотрѣлъ на ариѳметику, какъ на предметъ весьма важный, развивающій логическое мышленіе, но, по его мнѣнію, «исключительное занятіе математикой кладетъ иногда на человѣка особенный отпечатокъ, сообщая его мыслямъ математическую прямолинейность, дѣлаетъ его взгляды на жизнь односторонними, придаетъ имъ какую-то особенную сухость и безжизненность», чего онъ не хотѣлъ видѣть въ женщинѣ. Тѣмъ не менѣе, преподаваніе этого предмета, по словамъ Ушинскаго, должно начинаться съ того, чѣмъ до сихъ поръ оно обыкновенно кончалось. Дѣвицы прежде всего должны пріобрѣсти наглядныя понятія объ измѣреніяхъ, потомъ заняться именованными числами и отъ нихъ уже перейти къ упражненіямъ надъ числами отвлеченными. «Если въ женскихъ заведеніяхъ изученіе ариѳметики идетъ вяло и скучно, писалъ Ушинскій, то причина этого заключается въ отвлеченности изложенія ариѳме-

тическихъ правилъ. Если-же и въ ариѳметикѣ дитя перейдетъ отъ нагляднаго къ отвлеченному и отъ практики къ теоріи, то нѣтъ сомнѣнія, что эта теорія будетъ усвоена имъ навсегда и безъ скуки. Ариѳметикѣ слѣдуетъ учить такъ, чтобы нельзя было ее позабыть; въ противномъ случаѣ, она безполезна, потому что хозяйственные счеты ведутъ очень хорошо и тѣ, кто никогда не учился ариѳметикѣ».

Напротивъ, *географіи* Ушинскій отводилъ очень видное мѣсто въ женскихъ заведеніяхъ, какъ наукѣ, ассоціирующей знанія изъ другихъ наукъ, развивающей въ дѣтяхъ наблюдательность относительно окружающихъ явленій природы и жизни человѣка, заставляющей ихъ улавливать взаимодѣйствіе и гармонію силъ природы, тѣсную зависимость человѣка отъ природныхъ свойствъ его страны и побѣду его надъ природою. Отъ учителя географіи онъ требовалъ постояннаго употребленія при преподаваніи наглядныхъ пособій и географическихъ картинъ, черченія картъ, чтенія живыхъ отрывковъ, увлекательныхъ описаній и разсказовъ, чтобы тѣмъ воспитывать въ дѣвицахъ правильное воображеніе.

Онъ даже мечталъ о гармоническомъ соединеніи преподаванія географіи съ исторіей и естественными науками. Центральнымъ предметомъ должна, по его мнѣнію, служить географія: естественныя науки даютъ ей матеріалъ, а исторія на ней строится. «Желаніе такого соединенія предметовъ—доказывалъ Ушинскій—основано на томъ психическомъ законѣ, что душа наша особенно легко, ясно и прочно усваиваетъ то, что воспринимаетъ черезъ органъ зрѣнія и, вслѣдствіе того, можетъ всегда представить себѣ въ видѣ картины. Историческое происшествіе, которое со-

вершается въ извѣстной мнѣ мѣстности, съ извѣстной обстановкой, ходъ котораго я могу провести по картѣ, врѣзывается въ мою душу гораздо прочнѣе и вызывается изъ нея гораздо легче, чѣмъ то, которое совершается для меня на воздухѣ, въ какихъ-то неопредѣленныхъ пространствахъ. Съ другой стороны, живое представленіе страны возможно только тогда, когда я живо и вѣрно могу себѣ вообразить тѣ формы земной поверхности, тѣ естественныя явленія и естественныя произведенія, соединеніе которыхъ и составляетъ характеръ данной страны. Вотъ почему полезно было-бы такъ вести курсъ географіи, исторіи и естествовѣдѣнія, чтобы эти предметы шли рука объ руку, поддерживая, пополняя и оживляя другъ друга, и дружно строили въ душѣ воспитанницы прочное зданіе яснаго, живого и вѣрнаго міросозерцанія». Хотя для такого преподаванія географіи нужны были спеціально подготовленные учителя и особенно составленные учебники, тѣмъ не менѣе географія при Ушинскомъ занимала въ Смольномъ выдающееся мѣсто, преподавалась полно и интересно для дѣвицъ.

Естествовѣдѣніе и *физика* должны были преподаваться не иначе, какъ съ помощью живыхъ экземпляровъ, моделей, чучелъ, рисунковъ, приборовъ и опытовъ, между тѣмъ прежде «l'histoire naturel et phisique» слушались ученицами на французскомъ языкѣ, безъ всякихъ пособій. Не могу умолчать, что и въ Смольномъ институтѣ, какъ и въ Гатчинѣ, Ушинскій случайно напалъ на одну очень интересную находку. Обозрѣвая библіотечныя залы института, онъ проходитъ мимо одной запертой комнаты. — «А здѣсь что?» — спрашиваетъ онъ. Засуетились, отыскали ключъ. Ушинскій входитъ — и что-же видитъ предъ собою? Довольно обширную

комнату, заставленную по стѣнамъ прекрасными старинными шкапами, а въ шкапахъ — полную коллекцію моделей животнаго царства изъ папье-маше, чучелъ птицъ, по большей части попорченныхъ молью и пылью, коллекціи минераловъ, гербаріи, физическіе инструменты. Все это когда-то было подарено институту Императрицами Маріей Ѳеодоровной и Александрой Ѳеодоровной, но никогда не употреблялось, никогда не показывалось дѣвицамъ, самая комната, повидимому, отпиралась лишь для чистки и ремонта. Вотъ по этому-то поводу и разсказалъ намъ Ушинскій про библіотеку Гугеля. Съ тѣхъ поръ кабинетъ былъ приведенъ въ порядокъ, дополненъ, къ нему былъ приставленъ особый служитель, лаборантъ; а уроки естествовѣдѣнія и физики происходили не иначе, какъ въ этомъ кабинетѣ, гдѣ у преподавателя все было подъ рукой.

Что касается продолжительности уроковъ, то Ушинскій замѣнилъ полуторачасовые уроки часовыми, съ перемѣнами между уроками въ 10—15 минутъ. Такое сокращеніе, по мнѣнію Ушинскаго, дѣлало занятія воспитанницъ въ классахъ менѣе утомительными и давало возможность назначить большее число уроковъ по каждому предмету, а возможно частое занятіе однимъ предметомъ полезно, особенно въ начальномъ ученіи.

Учебный курсъ Александровскаго училища былъ совершенно сравненъ съ курсомъ «Общества», между тѣмъ какъ прежде курсъ Александровскаго училища, продолжавшійся 6 лѣтъ и состоявшій изъ двухъ классовъ, былъ гораздо ниже; напр., физики въ немъ совсѣмъ не преподавалось.

Спеціальный классъ былъ организованъ также иначе

Оставшіяся въ немъ дѣвицы должны были пробыть два года: первый годъ онъ назвалъ теоретическимъ, второй—практическимъ. Теоретическій годъ спеціалистки употребляли на пополненіе своего образованія чтеніемъ, на теоретическое знакомство съ педагогикой, дидактикой и методикой и на посѣщеніе уроковъ въ младшихъ классахъ, гдѣ онѣ слушали преподаваніе учителей. Въ практическій годъ, по проекту Ушинскаго, спеціалистки сами должны были заниматься въ особомъ отдѣленіи младшаго класса подъ руководствомъ учителей.

Такова, въ общихъ чертахъ, сущность задуманной Ушинскимъ реформы учебной организаціи Смольнаго института. Но, какъ истинный педагогъ, Ушинскій отлично сознавалъ, что безъ надлежащихъ сотрудниковъ-учителей весь его проектъ останется мертвою буквою, что поручить проведеніе реформы старымъ учителямъ, сжившимся съ извѣстною рутиною, было невозможно, да притомъ съ преобразованіемъ Николаевской половины изъ трехкласснаго состава въ семиклассный, а Александровскаго — изъ двухкласснаго также въ семиклассный, съ ихъ параллельными отдѣленіями (Ушинскій не допускалъ въ одномъ классѣ болѣе 30 учениць),—оказалась незанятыми масса свободныхъ уроковъ. Будучи самъ талантливымъ человѣкомъ, онъ хотѣлъ окружить себя и талантливыми сотрудниками. А гдѣ ихъ найти? Между тѣмъ отъ первыхъ шаговъ зависѣла вся будущность его реформы. Но Ушинскій, какъ и всѣ истинно геніальные общественные дѣятели, умѣлъ выбирать людей. Облеченный полнымъ довѣріемъ высшаго начальства, при выборѣ своихъ помощниковъ, Ушинскій не стѣснялся никакими дипломами, никакимъ мундиромъ, лишь-бы намѣченное

лицо имѣло дарованіе, лишь-бы оно имѣло «педагогическое чутье», какъ онъ выражался. Такъ, изъ Таврической безплатной школы онъ пригласилъ инженера барона Косинскаго, присутствуя на урокахъ котораго К. Д. подмѣтилъ особенное искусство преподавать геометрію; преподаваніе русской исторіи поручилъ офицеру М. И. Семевскому, который промѣнялъ блестящій военный мундиръ на скромную долю педагога и литератора. Изъ Гатчины онъ вызвалъ талантливаго учителя физики Я. П. Пугачевскаго; тотъ долго упирался, не хотѣлъ покинуть любимой Гатчины, давно насиженнаго мѣста, любившихъ его учениковъ. — «Что я буду дѣлать съ дѣвчонками; я не привыкъ къ нимъ; глупыя, онѣ не поймутъ меня», твердилъ бѣдный Яковъ Павловичъ. Но краснорѣчіе Ушинскаго сломило и упорнаго Я. П., и онъ сдѣлался любимцемъ всѣхъ институтокъ. Изъ Николаевскаго института Ушинскій пригласилъ къ себѣ лучшихъ въ то время преподавателей географіи—В. И. Лядова и А. И. Павловскаго, заявившихъ уже себя составленіемъ прекрасной книги «Природа и люди». Для чтенія въ высшихъ классахъ русской словесности и литературы онъ пригласилъ оставленнаго при университетѣ О. Ѳ. Миллера, знатока древней русской письменности, и В. И. Водовозова, извѣстнаго въ то время преподавателя 1-й гражданской гимназіи; для преподаванія всеобщей исторіи онъ пригласилъ профессора Деступиса, глубоко ученаго грека. Молодой священникъ-академистъ Головинъ, только-что окончившій курсъ въ Петербургскомъ университетѣ филологъ Л. Н. Модзалевскій, ботаникъ Н. И. Раевскій, молодой математикъ Буссе, почтенный нѣмецъ Массонъ, живой

французъ Демени—также оказались талантливыми преподавателями и преданными сторонниками педагогическихъ взглядовъ К. Д. Ушинскаго.

III.

До поступленія своего учителемъ въ Смольный, я вовсе не былъ знакомъ съ К. Д. Но имя его мнѣ было извѣстно. Я съ наслажденіемъ читалъ его увлекательно написанныя въ 1857—1858 г. статьи въ «Библіотекѣ для Чтенія»: «О землевѣдѣніи К. Риттера», «Объ американскомъ воспитаніи», и въ педагогическомъ журналѣ Чумикова: «О пользѣ педагогической литературы», «О народности въ общественномъ воспитаніи», «Три элемента школы». Съ переходомъ Ушинскаго въ Смольный, имя его уже гремѣло въ Петербургѣ. Мнѣ было въ то время всего 25 лѣтъ. Я былъ начинающій, увлекающійся всѣмъ новымъ, учитель географіи въ Первой гимназіи и въ только-что открытомъ Маріинскомъ женскомъ училищѣ, впослѣдствіи Маріинской женской гимназіи; было у меня не мало и частныхъ уроковъ, дорого оплачиваемыхъ; слѣдовательно, въ урокахъ я не нуждался. Но мнѣ просто хотѣлось поближе сойтись съ этимъ необыкновеннымъ человѣкомъ, позаняться любимымъ дѣломъ подъ его руководствомъ и вліяніемъ. И вотъ, помнится, въ мартѣ 1860 г. я какъ-то въ воскресенье, рано утромъ, отправился въ Смольный, гдѣ до того никогда не былъ. Долго я блуждалъ по обширнымъ зданіямъ Смольнаго, пока, на-

конецъ, указали мнѣ квартиру инспектора. Оказалось, что инспекторъ роскошнаго института жилъ въ отдѣльномъ старенькомъ деревянномъ флигелькѣ съ мезониномъ, на берегу Невы. Вхожу безъ всякаго доклада. Ко мнѣ выходитъ господинъ въ халатѣ, сухой, блѣдный, болѣзненный брюнетъ, но съ черными выразительными и пронизывающими насквозь глазами. Я началъ просто:

— Я—Семеновъ, преподаватель географіи въ Первой гимназіи и Маріинскомъ училищѣ. Я читалъ ваши статьи. Мнѣ онѣ очень нравятся. Я вполнѣ раздѣляю ваши педагогическіе взгляды, и мнѣ очень хотѣлось-бы получить у васъ въ институтѣ нѣсколько уроковъ по географіи.

— Извините,—отвѣтилъ сухо К. Д.:—я принимаю въ институтъ только учителей, *лично* мнѣ извѣстныхъ. При томъ я требую отъ своихъ учителей, кромѣ основательныхъ знаній, непремѣнно и *педагогическаго таланта*. Затѣмъ я рѣшаюсь пригласить учителя лишь по прослушаніи, по крайней мѣрѣ, десяти уроковъ.

— На послѣднее я согласенъ, К. Д., а чтобы вы ознакомились съ моими педагогическими взглядами, позвольте попросить васъ просмотрѣть кое-что изъ этихъ моихъ письменныхъ трудовъ. Здѣсь вы найдете: мою статью, предназначенную для Чумиковскаго журнала, «О преподаваніи географіи по идеямъ К. Риттера», программу курса, который я веду въ гимназіи, нѣсколько подробныхъ конспектовъ отдѣльныхъ уроковъ, а вотъ—тетрадь одной ученицы Маріинскаго училища.

К. Д. съ видимой неохотой взялъ свертокъ и сухо попрощался.

Я уже считалъ свою мечту неосуществимою, какъ вдругъ, черезъ два дня, получаю лаконическую телеграмму: «Пріѣзжайте ко мнѣ немедленно. Ушинскій».

Пріѣзжаю и застаю К. Д. точно переродившимся, веселымъ, извиняющимся за сухой пріемъ...

— Знаете что? Я васъ приглашаю учителемъ, но только не географіи, — на этотъ предметъ у меня есть уже прекрасные преподаватели, — а учителемъ русскаго языка и предметныхъ уроковъ въ двухъ низшихъ классахъ. Такого у меня еще совсѣмъ нѣтъ.

Какъ я ни упирался, а все-таки К. Д. убѣдилъ меня взять на первый разъ семь уроковъ русскаго языка въ VII и VI классахъ.

— А вашу статью о географіи я напечатаю въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» *), — сказалъ онъ на прощаніе.

Такимъ образомъ Ушинскій натолкнулъ меня на новую профессію и литературное поприще. Нѣчто подобное случилось и съ покойнымъ М. И. Семевскимъ. И его Ушинскій впервые направилъ на педагогическую и литературную дорогу.

Помню я, что, внимательно прослушавъ мои обязательные десять уроковъ, послѣ одного изъ нихъ, — урока по объяснительному чтенію въ VI классѣ (читалась и разбиралась басня Крылова «Зеркало и обезьяна»), — К. Д.

---

*) К. Д. Ушинскій, по приглашенію министра Головнина, былъ въ то время и редакторомъ «Журн. Министер. Нар. Просв.».

пригласилъ меня въ свой кабинетъ и безпощадно раскритиковалъ мой урокъ, не обращая никакого вниманія на всѣ мои возраженія и оправданія. Наконецъ, я не выдержалъ и запальчиво проговорилъ:

— Вѣдь вы сами заставили меня преподавать русскій языкъ, К. Д. Чѣмъ такъ горячиться, лучше научите меня, дайте сами при мнѣ урокъ въ томъ-же классѣ.

— Хорошо! Я дамъ урокъ при васъ,—отвѣтилъ онъ довольно рѣзко, и, послѣ нѣкотораго раздумья, прибавилъ:—но вы рискуете потерять свой авторитетъ предъ дѣтьми, и я принужденъ буду съ вами разстаться, хотя бы мнѣ этого и не хотѣлось...

— Ну, что-жъ дѣлать, К. Д.! Видно, не судьба съ вами служить, какъ мнѣ это ни прискорбно.

На слѣдующій урокъ Ушинскій входитъ въ классъ задумчивый, серьезный; молча занимаетъ мое мѣсто, а я сажусь въ сторонѣ. 10-ти—11-тилѣтнія дѣвочки стали читать басню Крылова «Трудолюбивый медвѣдь». Не успѣли дѣти кончить, какъ Ушинскій сталъ горячиться, забрасывать дѣтей вопросами о пользѣ и значеніи труда; испуганныя дѣвочки перестали отвѣчать и, наконецъ, расплакались. К. Д. бросаетъ книгу о столъ и со словами: «Онѣ меня не понимаютъ! Нѣтъ, ужъ лучше вы сами займитесь съ ними!»—уходитъ съ учительскаго мѣста и садится на мое. Урокъ закончился благополучно: дѣвицы мало-по-малу успокоились, стали отвѣчать, оживились... Съ тѣхъ поръ мы сдѣлались искренними друзьями. Ушин-

скій убѣдилъ меня бросить совсѣмъ занятія въ Первой гимназіи и Маріинскомъ училищѣ и перейти на службу въ Смольный, гдѣ я получилъ всѣ уроки русскаго языка въ двухъ низшихъ классахъ, во всѣхъ отдѣленіяхъ на обѣихъ половинахъ, нѣсколько уроковъ по географіи, и сдѣлался руководителемъ практическихъ занятій спеціалистокъ по русскому-же языку. Мало того: онъ пригласилъ меня давать уроки русскаго языка своему сыну—Пашѣ, мальчику чрезвычайно способному, съ которымъ онъ сталъ, было, самъ заниматься, но никакъ не могъ сладить: горячился, доводилъ мальчика до слезъ, бросалъ урокъ и уходилъ въ свой кабинетъ совершенно разстроенный. И этотъ самый К. Д. Ушинскій, не могшій учить ни своихъ, ни чужихъ дѣтей, увлекательно читалъ лекціи взрослымъ, далъ русскимъ дѣтямъ прекрасныя книги: «Дѣтскій Міръ» и «Родное Слово», русскимъ педагогамъ капитальный философскій трудъ «Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія», подобнаго которому еще не было въ нашей педагогической литературѣ, не говоря уже объ отдѣльныхъ педагогическихъ трактатахъ, вошедшихъ въ собраніе его сочиненій, проникнутыхъ любовью къ русской семьѣ и русскому народу. Да, К. Д. Ушинскій на себѣ самомъ доказалъ истину, что можно быть выдающимся психологомъ и педагогомъ и въ то-же время плохимъ элементарнымъ учителемъ.

Сформировавъ тѣсный педагогическій кружокъ преданныхъ дѣлу новыхъ преподавателей, Ушинскій въ первый разъ со времени столѣтняго существованія Смольнаго открылъ учительскія конференціи, съ цѣлью обсужденія новыхъ программъ и установленія единства преподаванія для

лучшаго его успѣха. На такихъ-же конференціяхъ, съ приглашеніемъ и дамскаго персонала заведенія, рѣшались переводы ученицъ и присуждались награды; между тѣмъ до него учителя вовсе не участвовали въ сужденіи объ успѣхахъ дѣвицъ, и вообще играли какую-то принижен-ную, почти лакейскую роль. Со времени Ушинскаго, значеніе учителей выросло, поднялось, какъ въ глазахъ начальницы и классныхъ дамъ, такъ въ особенности—въ глазахъ ученицъ.

Еще цѣннѣе были для насъ знаменитые *четверги* К. Д., на которые запросто собирались какъ мы, сослуживцы по-койнаго, такъ и сотрудники «Журнала Министерства На-роднаго Просвѣщенія». Въ карты мы не играли, позднихъ ужиновъ тоже не было,—Ушинскій былъ врагъ всякихъ излишествъ,—а за чашкой чая толковали и спорили о но-востяхъ тогдашней литературы, о современныхъ государ-ственныхъ реформахъ, одушевляющимъ образомъ дѣй-ствовавшихъ особенно на хозяина, да и на всѣхъ его гостей; но больше всего говорили, конечно, о смолян-скихъ дѣлахъ, о программахъ, методахъ, о разныхъ пе-дагогическихъ вопросахъ и системахъ, которыми въ то время интересовалось вообще все образованное рус-ское общество. На этихъ-же четвергахъ читались и обсу-ждались статьи для «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія», который при Ушинскомъ получилъ исклю-чительно педагогическую окраску и до того интересную и жизненную, что журналъ стали читать и не одни только присяжные педагоги *). Тутъ-же К. Д. читалъ свои ста-

*) «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія» былъ подъ редакціей Ушинскаго только 1860 и 1861 годы.

тьи, выслушивая и оспаривая замѣчанія практиковъ-педагоговъ.

А въ Смольномъ въ это время происходила какая-то усиленная, лихорадочная, напряженная умственная дѣятельность. Смольный, точно сказочный русскій богатырь, послѣ долгой столѣтней спячки, воспрянулъ духомъ и хотѣлъ наверстать потерянное время. Всѣ, и учителя, и ученицы, казалось, спѣшили отличиться другъ передъ другомъ. Дѣвицы, и большія, и маленькія, стали учиться отлично; съ какимъ-то захватывающимъ все существо вниманіемъ слѣдили онѣ за каждымъ урокомъ своихъ преподавателей, какъ бы боясь проронить хоть одно слово. А съ какою неподдѣльною охотою отвѣчали онѣ на каждый вопросъ преподавателя, какой восторгъ написанъ былъ на ихъ свѣжихъ личикахъ, съ какой изумительной аккуратностью приготовляли онѣ заданные уроки и письменныя работы!.. Такъ обаятельно подѣйствовало на воспріимчивыя души воспитанницъ живое слово послѣ мертвящаго, скучнаго, схоластическаго преподаванія. И та-же институтка, которая лишь годъ тому назадъ заботилась только о своей наружности, думала о танцахъ, мечтала о выѣздахъ и побѣдахъ, въ тишинѣ ночи вздыхала и предавалась несбыточнымъ иллюзіямъ, — теперь полюбила и чтеніе, и науку, и трудъ.

«Такимъ-то образомъ, — пишетъ В. П. Острогорскій, одинъ изъ лучшихъ біографовъ Ушинскаго, — благодаря энергіи и таланту одного человѣка, въ какіе-нибудь три года совершенно обновилось и зажило новою, полною жизнью огромное учебное заведеніе, дотолѣ замкнутое, рутинное и не возбуждавшее въ обществѣ никакого ин-

тереса. Всюду въ Петербургѣ заговорили о Смольномъ и его необыкновенныхъ учителяхъ; чиновники разныхъ вѣдомствъ, многіе, просто интересовавшіеся педагогическимъ дѣломъ, нарочно пріѣзжали изъ города послушать удивительные уроки, особенно въ младшихъ классахъ». Самъ Ушинскій читалъ лекціи въ спеціальныхъ классахъ обѣихъ половинъ до того увлекательно, что приводилъ въ восторгъ своихъ взрослыхъ слушательницъ, которыя его просто боготворили...

И во внутренней жизни Смольнаго произошли рѣзкія перемѣны. Вмѣстѣ со введеніемъ проекта Ушинскаго, по волѣ Ихъ Императорскихъ Величествъ, разрѣшено было отпускать дѣвицъ на вакаціонное время къ родителямъ и ближайшимъ родственникамъ, съ цѣлью поддержанія родственной связи между воспитанницами, для ознакомленія ихъ съ жизнью той среды, въ которую онѣ должны будутъ вступать по окончаніи курса. Вся Царская Семья часто запросто пріѣзжала въ Смольный на вечерніе праздники и принимала самое живое и милостивое участіе въ весельи институтокъ. На эти вечера приглашались и учителя, чего прежде не дѣлалось.

Помню я, какъ на первомъ такомъ вечерѣ Императрица, замѣтивъ, что учителя толпились въ сторонѣ, сама соизволила пригласить ихъ участвовать въ играхъ и танцахъ, что они охотно и исполнили. Покойный Государь Императоръ Александръ II не любилъ пышныхъ встрѣчъ. Его Величество нерѣдко пріѣзжалъ въ институтъ неожиданно, ходилъ по классамъ, слушалъ преподаваніе учителей и отвѣты ученицъ, милостиво

благодарилъ тѣхъ и другихъ. Изрѣдка устраивались, особенно на Александровской половинѣ, и семейные вечера, на которые приглашались родственники институтокъ и учителя. Институтки угощали гостей, пѣли, играли, танцовали, и все это дѣлалось просто, непринужденно.

Послѣ уравненія учебнаго курса обѣихъ половинъ, аристократки-Николаевки перестали смотрѣть свысока на мѣщанокъ-Александровокъ, хотя давно уже Александровская половина утратила свой исключительно мѣщанскій характеръ... Теперь зачастую Николаевки стали приглашать къ себѣ въ гости Александровокъ, а Александровки—Николаевокъ. Ушинскій настоялъ и на томъ, чтобы институтки сидѣли въ классѣ въ пелеринахъ, такъ какъ считалъ неприличнымъ давать серьезные уроки передъ рядами декольтированныхъ дѣвицъ.

Ушинскій сильно вооружался противъ предварительнаго чтенія классными дамами писемъ институтокъ, посылаемыхъ къ роднымъ и получаемыхъ отъ нихъ, такъ какъ, по его мнѣнію, такой обычай убивалъ искренность въ дѣтяхъ, подрывалъ въ корнѣ добрыя семейныя начала и съ малолѣтства пріучалъ институтокъ ко лжи, притворству и лицемѣрію. Негодовалъ онъ также на то, что институткамъ запрещалось предлагать вопросы учителямъ даже во время урока,—точно учителя были какіе-то опасные люди, которые не имѣли права разъяснять ученицамъ то, чего тѣ не поняли и что хотѣли себѣ уяснить. Онъ же положилъ начало ученическимъ библіотекамъ для каждаго класса, гдѣ заводились книги, соотвѣтствующія возрасту и потребностямъ дѣтей, съ цѣлью развить въ нихъ охоту къ чтенію.

Казалось, все шло хорошо... Какъ вдругъ, совершенно неожиданно, передъ самой Пасхой 1862 г., К. Д. Ушинскій вынужденъ былъ навсегда оставить Смольный, пробывъ въ немъ всего только три года, съ 1859 по 1862 годъ. Теперь еще рано говорить объ истинныхъ причинахъ удаленія Ушинскаго изъ Смольнаго. Скажу только, что Ушинскаго сломили интриги лицъ, не сочувствовавшихъ широкой реформѣ женскаго институтскаго образованія, какъ не мало было въ то время людей, не раздѣлявшихъ величайшаго блага—освобожденія крестьянъ. Упрекнуть К. Д. можно было развѣ въ его болѣзненной раздражительности, въ горячности и прямотѣ характера, въ неумѣньи идти къ цѣли окольными путями, въ нежеланіи подлаживаться и заискивать расположенія своихъ враговъ. Но съ полнымъ убѣжденіемъ, какъ его самый близкій другъ, я могу засвидѣтельствовать, что Ушинскій былъ искренно преданный правительству человѣкъ, глубоко религіозный и честнѣйшій гражданинъ.

Императрица Марія Александровна знала все это и не смутилась взять К. Д. подъ свое покровительство и въ его несчастіи. По Ея волѣ, Ушинскій былъ прикомандированъ къ Учебному Комитету IV Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи съ сохраненіемъ полнаго содержанія; сверхъ того, ему дана была продолжительная командировка за границу, съ цѣлью поправленія совершенно разстроеннаго здоровья, осмотра заграничныхъ женскихъ учебныхъ заведеній и составленія учебника педагогики для спеціальныхъ классовъ. Ушинскаго не стало!.. Но реформа его не умерла. Она продолжалась и продолжается до сихъ поръ въ духѣ идей

К. Д. Ушинскаго во всѣхъ институтахъ Имперіи. Благодаря именно этому, институтка не является уже какимъ-то анахронизмомъ на общемъ фонѣ современнаго русскаго общества. Она наравнѣ съ гимназисткой успѣшно работаетъ на поприщѣ семейной и общественной дѣятельности.

Д. Семеновъ.

VII.

Педагогическія идеи К. Д. Ушинскаго.

Прочитано въ торжественномъ засѣданіи Учебно-воспитательнаго Комитета и всѣхъ его отдѣловъ, 22 декабря 1895 г.

Кому неизвѣстны «Дѣтскій Міръ», «Родное Слово», «Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія» и «Собраніе педагогическихъ сочиненій» К. Д. Ушинскаго? Всѣ эти сочиненія до сихъ поръ въ большомъ ходу и въ школахъ, и среди читающихъ педагоговъ, хотя послѣ смерти знаменитаго педагога прошло уже 25 лѣтъ. Будучи близкимъ человѣкомъ къ покойному педагогу и зная самыя сокровенныя его мысли, я попытаюсь сдѣлать посильную оцѣнку сочиненій и педагогическихъ идей К. Д. Ушинскаго, тѣмъ болѣе, что общаго критическаго свода о трудахъ и педагогическихъ взглядахъ Ушинскаго въ нашей педагогической литературѣ еще до сихъ поръ не было сдѣлано.

Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Л. Н. Модзалевскому, К. Д. Ушинскій, отъ 3-го ноября 1862 г. изъ Вевe, писалъ, между прочимъ: «Теперь именно настаетъ время, когда Россіи болѣе всего нужны школы, хорошо

устроенныя, и учителя, хорошо подготовленные—и много, много школъ: иначе и свобода крестьянъ, и открытое судопроизводство не принесутъ всей той пользы, какую могли-бы принести эти два истинно великіе шага впередъ...» Но для такихъ школъ и учителей нужны были еще и хорошія книги. Такія книги и далъ К. Д. Ушинскій. Первою изъ нихъ, по времени появленія на свѣтъ, былъ «Дѣтскій Міръ», составленный и изданный въ 1861 году.

Выходя изъ убѣжденія, что родной языкъ долженъ стать центральнымъ предметомъ учебнаго курса всякаго общеобразовательнаго учебнаго заведенія, Ушинскій находилъ, что и классная книга для первоначальнаго чтенія должна преслѣдовать *общеобразовательныя* цѣли, должна быть свободной отъ всякой тенденціозности и проведенія односторонней пропаганды какихъ-бы то ни было партій, что главнѣйшая задача книги—образовать *человѣка*, быть «мастерскою гуманности», и что, наконецъ, «книга для чтенія» должна стать основою, средоточіемъ всего элементарнаго курса, подготовить и облегчить дѣтямъ усвоеніе предстоящихъ научныхъ знаній по другимъ учебнымъ предметамъ. Подобныхъ книгъ, съ такими широкими задачами—до Ушинскаго не существовало. И вотъ К. Д., со свойственными ему изумительной энергіей и поразительнымъ трудолюбіемъ, составилъ и обработалъ «Дѣтскій Міръ» въ какіе-нибудь три года (1859—1861 гг.), не смотря на то, что онъ въ то-же время былъ инспекторомъ Смольнаго института и редакторомъ «Журнала Мин. Нар. Просв.». Первое изданіе «Дѣтскаго Міра» разошлось въ три мѣсяца, и въ томъ-же году потребо-

вались еще два изданія. Въ чемъ-же заключается причина такого необыкновеннаго успѣха «Дѣтскаго Міра»?

Прежде всего, «Дѣтскій Міръ» отличается *оригинальной* и вполнѣ *самостоятельной* обработкой плана и содержанія. Всѣ 316 статей книги дѣлятся, по содержанію, на 6 отдѣловъ: а) первое знакомство съ дѣтскимъ міромъ, б) изъ природы, в) изъ русской исторіи, г) изъ географіи, д) первые уроки *логики* и е) хрестоматія. Изъ 316 статей перу Ушинскаго принадлежатъ 194 статьи научнаго, дѣлового характера; въ литературномъ отдѣлѣ тщательно собрано 118 образцовъ, доступныхъ для дѣтскаго возраста, изъ произведеній Пушкина, Крылова, Кольцова, Никитина, Некрасова, Майкова, Плещеева и др., между тѣмъ какъ прежде только басни Крылова пользовались правомъ гражданства въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ. Такимъ образомъ, по *содержанію*, «Дѣтскій Міръ» носитъ *энциклопедическій* характеръ, вытекающій изъ принципа единства формальнаго и реальнаго образованія, который и легъ въ основу книги, причемъ *обученіе отечественному языку* составляетъ главную задачу книги для чтенія, а реальное содержаніе служитъ лишь средствомъ для достиженія главной задачи.

Въ отношеніи *изложенія* дѣловыя статьи самого Ушинскаго написаны, большею частью, языкомъ правильнымъ, точнымъ, даже литературнымъ, вполнѣ доступнымъ для дѣтскаго пониманія; тотчасъ замѣтно, что Ушинскій, какъ тонкій психологъ и опытный наблюдатель, знаетъ дѣтей и умѣетъ съ ними говорить, при этомъ основательно владѣетъ отечественнымъ языкомъ и глубоко понимаетъ его многоразличную ткань.

Научно-педагогическая система матеріала, предлагаемаго книгою, выдержана въ «Дѣтскомъ Мірѣ» его авторомъ съ зрѣло-обдуманнымъ планомъ отъ начала до конца. Всѣ свѣдѣнія по естествовѣдѣнію, географіи и исторіи не перемѣшаны между собою, а сконцентрированы въ два большіе круга, постепенно усложняющіеся, соотвѣтственно которымъ книга раздѣлена на двѣ части. Сверхъ того, каждая отдѣльная статья, представляя собою одно законченное цѣлое, вмѣстѣ съ тѣмъ тѣсно связана съ послѣдующею, вводя въ сознаніе дѣтей лишь одно или два понятія; между статьями соблюденъ переходъ отъ легкаго къ трудному; однородныя свѣдѣнія нѣсколькихъ статей тотчасъ-же сводятся къ опредѣленному выводу, классификаціи, явленію или закону. Эта-то тщательно выполненная научно-педагогическая система бросилась всѣмъ въ глаза, всѣхъ поразила своею новизною—и «Дѣтскій Міръ» сразу завоевалъ себѣ первенствующее мѣсто въ ряду книгъ для чтенія не только въ младшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній, но и въ народныхъ школахъ, хотя онъ и не предназначался первоначально для нихъ. Такъ и должно было случиться, потому что «Дѣтскій Міръ» заключаетъ въ себѣ именно тотъ циклъ первоначальныхъ научныхъ свѣдѣній, которыя необходимо надо знать каждому грамотному человѣку, тѣмъ болѣе, что, какъ извѣстно, въ нашей народной школѣ, кромѣ Закона Божія, чтенія, письма и счета, никакихъ наукъ не полагается. Замѣчательно, что въ отношеніи строгой выдержанности педагогическаго плана и до сихъ поръ ни одна изъ употребляемыхъ въ настоящее время книгъ для чтенія не можетъ конкуррировать съ «Дѣтскимъ Міромъ». Вотъ почему «Дѣтскій Міръ» и донынѣ остается

любимою книгою для нашихъ народныхъ учителей и учительницъ, получившихъ спеціальное педагогическое образованіе.

Содержаніе, изложеніе, языкъ, система еще не заключаютъ всей суммы достоинствъ первоначальной книги для чтенія; не менѣе имѣетъ значеніе *духъ* и *направленіе*, которыми проникнута книга, и что обыкновенно ускользаетъ отъ поверхностнаго взгляда читателя, а потому часто ложно истолковывается. «Дѣтскій Міръ», какъ книга, приспособленная къ постепеннымъ умственнымъ упражненіямъ и наглядному знакомству съ окружающимъ міромъ, научаетъ дѣтей вглядываться въ окружающіе предметы и явленія, подмѣчать ихъ существенные признаки, думать, вдумываться, приходить къ правильнымъ выводамъ, отчего Ушинскій и помѣстилъ въ своей книгѣ уроки логики, чего не встрѣчаемъ ни въ одной изъ позднѣйшихъ книгъ для чтенія. Но это развитіе тонкой наблюдательности и правильнаго мышленія направлено къ тому, чтобы познать Бога во всемъ существующемъ и живущемъ. «Я не видѣлъ и не могу видѣть Бога, потому что Онъ Духъ; но вѣрю, что Онъ существуетъ, видитъ все, знаетъ все, управляетъ всѣмъ» — вотъ что́ читаетъ ученикъ на первыхъ страницахъ «Дѣтскаго Міра», вотъ высокая идея, положенная въ основу книги Ушинскаго. А между тѣмъ иные педагоги упрекали «Дѣтскій Міръ» именно въ отсутствіи всякаго религіознаго направленія. Но такова всегда судьба геніальнаго новатора-педагога. Вѣдь и надъ Песталоцци смѣялись и называли его сумасшедшимъ, вѣдь и Амоса Коменскаго изгнали изъ отечества, вѣдь и на Дистервега смотрѣли подозрительно. По *духу* «Дѣтскій Міръ» — чисто русская книга. Ушинскій бесѣдуетъ съ дѣтьми

объ окружающихъ ихъ явленіяхъ природы, о знакомыхъ имъ животныхъ, растеніяхъ и минералахъ, тепло разсказываетъ о печальникахъ и устроителяхъ русской земли, рисуетъ картины изъ русской природы, даетъ для заучиванія произведенія родныхъ поэтовъ, хотя хрестоматическій отдѣлъ требуетъ обновленія и значительнаго расширенія.

Такимъ образомъ за Ушинскимъ остается *историческая заслуга* въ томъ отношеніи, что онъ ближе, чѣмъ кто-либо другой, подошелъ къ *идеалу* книги для первоначальнаго чтенія,—идеалу, который, послѣ внимательнаго изученія «Дѣтскаго Міра», долженъ отвѣчать, по нашему мнѣнію, слѣдующимъ педагогическимъ условіямъ:

1) Книга для первоначальнаго чтенія должна составлять *основаніе и центръ* всего общеобразовательнаго элементарнаго курса.

2) Въ *педагогическомъ отношеніи* въ основу книги должно быть поставлено единство формальнаго и реальнаго образованія, понимаемаго въ смыслѣ развитія и укрѣпленія умственной и нравственной стороны ученика, расширенія правильнаго и сознательнаго міровоззрѣнія и пріобрѣтенія истинныхъ и полезныхъ знаній, пригодныхъ для жизни духовной и матеріальной.

3) *Матеріалъ* книги заимствуется изъ сферы близкой и родной, что сообщаетъ книгѣ практическое и жизненное значеніе, такъ какъ школа готовитъ человѣка для жизни. Матеріалъ необходимо строго распредѣлить по годамъ ученія и отдѣламъ.

4) *Языкъ* книги, какъ въ заимствованныхъ статьяхъ, такъ и въ статьяхъ, составленныхъ авторомъ книги, отъ начала до конца, долженъ быть *образцовый* по формѣ и со-

держанію; правописаніе согласовано вездѣ съ послѣднимъ словомъ русской орѳографіи.

5) По *характеру изложенія* статьи книги должны отличаться живостью, ясностью, простотою, картинностью и увлекательностью, дабы эстетическое чувство дѣтей не притуплялось, а развивалось на книгѣ для чтенія.

6) По *формѣ изложенія* каждая статья книги должна представлять собою нѣчто законченное, цѣлое, а всѣ статьи каждаго отдѣла — связную систему, чѣмъ полагается зародышъ къ развитію въ дѣтяхъ правильнаго логическаго мышленія.

7) Въ отношеніи *внѣшности* книга должна быть издана чисто, опрятно, даже изящно, на плотной синевато-бѣлой бумагѣ, съ крупною, четкою печатью и съ рисунками, которые, однако, не должны пестрить книги и не развлекать слишкомъ дѣтей: она должна производить на нихъ пріятное впечатлѣніе и поселить уваженіе ко всякой книгѣ вообще.

8) Полезно, если къ такой книгѣ будетъ приложено и методическое руководство для учителей, гдѣ можетъ быть помѣщено и собраніе письменныхъ и грамматическихъ задачъ, послѣдовательно и систематически расположенныхъ.

Правда, «Дѣтскій Міръ», не во всѣхъ своихъ сторонахъ вполнѣ удовлетворяетъ начертанному нами идеалу книги для чтенія, но несомнѣнно Ушинскій создалъ этотъ идеалъ, расчистилъ и подготовилъ почву для будущихъ дѣятелей на поприщѣ обработки русской книги для чтенія.

II.

К. Д. Ушинскій не остановился на «Дѣтскомъ Мірѣ». Создавъ книгу для 10—12 лѣтнихъ дѣтей, талантливый и плодовитый педагогъ задумалъ дать книжку и дѣтямъ только-что начинающимъ учиться. Такую книжку онъ нѣсколько лѣтъ обдумывалъ, сто разъ передѣлывалъ и написалъ, будучи за границею, гдѣ пристально присматривался къ школамъ, дѣтямъ и къ ихъ первымъ книжкамъ. Плодомъ его двухлѣтняго труда и было его знаменитое «Родное Слово».

«Я учился грамотѣ по «Родному Слову» Ушинскаго», — и теперь говорятъ съ восторгомъ русскія дѣти.

Лучшую характеристику «Родного Слова» далъ намъ, еще лѣтъ 25 тому назадъ, С. И. Миропольскій.

«Во главѣ руководствъ,—писалъ онъ тогда,—составленныхъ по способу письма-чтенія, безъ сомнѣнія, должно стоять «Родное Слово» Ушинскаго. Хотя трудъ этотъ составленъ авторомъ по иностраннымъ пособіямъ (Фриза, Шерра), но его должно признать не только вполнѣ *самостоятельнымъ* въ методическомъ отношеніи, но и вполнѣ *русскимъ народнымъ* по обработкѣ матеріала. «Родное Слово» въ самомъ тѣсномъ смыслѣ *родное* нашей школѣ, нашей жизни, нашей народности. Содержаніе и обработка этого труда слишкомъ извѣстны, чтобы о нихъ распространяться. Конечно, это не значитъ, чтобы въ немъ не было промаховъ, ошибокъ, недостатковъ, но, говоря вообще, мы должны

признать, что «*Родное Слово*» — *лучшее изъ всего, что мы имѣемъ по предмету обученія грамотѣ*» *).

Другой педагогъ, близко стоящій къ народной школѣ, директоръ Глуховскаго учительскаго института А. Бѣляевскій, позже, въ 1887 г., когда «Родное Слово» проникло уже во всѣ наши семьи, во всѣ наши школы, писалъ: «Эта маленькая книжка составила *эпоху* въ нашей элементарно-дѣтской педагогической литературѣ. Въ ней такъ много пищи для дѣтскаго ума, чувства и воображенія, что, не смотря на два десятилѣтія, истекшія (въ 1887 г.) со времени появленія этой прекрасной книжки, она все-таки не утратила своей прелести, своей свѣжести для элементарныхъ школъ. Всѣ позднѣйшія подражанія, передѣлки и усовершенствованія книжки Ушинскаго блѣднѣютъ передъ нею, какъ копія передъ оригиналомъ. Милліоны дѣтей, учившихся по этой книжкѣ, сохранятъ до гробовой доски пріятное воспоминаніе о сказочкахъ, пѣсенкахъ, пословицахъ, стишкахъ, вполнѣ приноровленныхъ къ дѣтскому возрасту; русскія дѣти, благодаря «Родному Слову», полюбятъ деревню, свой домъ, полюбятъ церковь, отечество настолько, насколько возможна сознательная любовь дитяти къ этимъ основамъ жизни народной и общечеловѣческой» **).

Это мнѣніе компетентныхъ педагоговъ остается справедливымъ и до сегодня. Въ самомъ дѣлѣ, если книга выдержала въ теченіе 30 лѣтъ болѣе сотни изданій, разо-

---

*) См. «Руководство къ общеобразовательнымъ учебнымъ предметамъ» Весселя. Т. II, стр. 198.

**) «Историческій очеркъ развитія элементарной школы» А. Бѣляевскаго. Глуховъ. 1887 г., стр. 97.

шлась въ количествѣ около 5-ти милліоновъ экземпляровъ, если милліоны русскихъ дѣтей нѣсколькихъ поколѣній выучились читать и писать по «Родному Слову», начиная отъ царскихъ чертоговъ и кончая самой бѣдной захолустной избой, и если по способу Ушинскаго обработаны учебники грамоты даже у грузинъ, армянъ и татаръ, то не удивительно, что «Родное Слово» заняло передовое мѣсто и въ школѣ, и въ учебной литературѣ.

Къ «Родному Слову» для дѣтей Ушинскій приложилъ и руководство или, вѣрнѣе, добрыя пожеланія и для учащихъ. Это небольшое приложеніе заключаетъ въ себѣ рядъ такихъ педагогическихъ указаній по первоначальному обученію, такихъ гуманныхъ идей по воспитанію, согрѣто такою безкорыстною любовью къ русскимъ дѣтямъ, что мы считаемъ далеко не лишнимъ привести здѣсь хотя нѣкоторыя изъ этихъ педагогическихъ идей К. Д. Ушинскаго:

«Я желалъ-бы отъ всей души, чтобы на моей родинѣ, рядомъ съ устройствомъ малолѣтнихъ школъ для дѣтей, не могущихъ, по какимъ-либо уважительнымъ причинамъ, пользоваться счастіемъ хорошаго домашняго воспитанія и ученья, развивались въ *русской женщинѣ* наклонность и умѣнье самой заниматься воспитаніемъ и обученіемъ своихъ дѣтей. Я желалъ-бы, чтобы русская женщина, испытавъ глубокое наслажденіе самой учить и развивать своего ребенка, не уступала этого наслажденія никому безъ крайней необходимости».

«Школа для малолѣтнихъ тогда только хороша, когда она вполнѣ проникнута *семейнымъ характеромъ* и болѣе похожа на семью, чѣмъ на школу».

«Школа не имѣетъ права вторгаться въ чуждую ей область и мѣшать своими уроками вліянію другихъ великихъ воспитателей человѣка: *природы* и *жизни*».

«Прежняя схоластическая школа взваливала весь трудъ ученья на плечи дѣтей, давая въ руки учителя только ферулу для того, чтобы подгонять лѣнивыхъ. Слѣдовавшая затѣмъ школа ударилась въ другую крайность: она взвалила весь трудъ на учителя, заставляя его развивать дѣтей такъ, чтобы для нихъ это развитіе не стоило никакихъ усилій. Новая школа, напротивъ, раздѣляетъ и *организуетъ трудъ учителя и учениковъ*; она требуетъ, чтобы дѣти, по возможности, трудились самостоятельно, а учитель руководилъ этимъ самостоятельнымъ трудомъ и давалъ для него матеріалъ».

«Въ старой школѣ дисциплина была основана на самомъ противоестественномъ началѣ—*на страхѣ къ учителю*, раздающему награды и наказанія. Въ разумно устроенной новой школѣ наказаній за лѣность быть не можетъ, потому что уроки выучиваются въ классѣ; наказаній за шалости—также, потому что дѣти заняты и шалить имъ некогда».

«Чѣмъ меньше возрастъ учениковъ, надъ образованіемъ которыхъ трудится воспитатель, тѣмъ больше требуется отъ него педагогическихъ знаній, и это требованіе не возрастаетъ, а уменьшается по мѣрѣ возраста ученика».

«Въ школѣ должна царствовать серьезность, допускающая шутку, но не превращающая всего дѣла въ шутку, ласковость безъ приторности, справедливость безъ придирчивости, доброта безъ слабости, порядокъ безъ пе-

дантизма, а главное — *постоянная разумная дѣятельность*».

«Православная церковь, допуская дѣтей къ исповѣди въ 7 лѣтъ, согласно съ физіологіею и психологіею, признаетъ этотъ годъ дѣтскаго возраста окончаніемъ младенчества, намекая на начало развитія самосознанія въ дѣтяхъ. Начало отрочества должно быть вмѣстѣ съ тѣмъ и началомъ ученья. Но не спѣшите съ ученьемъ. Начинайте его тогда, когда замѣтите въ ребенкѣ охоту къ рисованію, способность его сосредоточивать вниманіе на одномъ предметѣ, слушать то, что ему говорятъ, и выражаться не отрывочными словами, а полными предложеніями. Поэтому, по свойству дѣтскаго организма и способностей, можно начинать методическое обученіе въ 6, 7, 8 и даже 9 лѣтъ».

«Не утомляйте ребенка слишкомъ продолжительнымъ ученіемъ. Въ первый годъ довольно будетъ часа поутру и полчаса послѣ обѣда. На слѣдующій годъ можно будетъ прибавить по получасу—полтора часа утромъ и часъ послѣ обѣда; далѣе два часа утромъ и по крайней мѣрѣ до 9 лѣтъ не идти выше трехъ часовъ ежедневныхъ занятій. Сначала черезъ каждые полчаса, а потомъ черезъ часъ, давайте полный отдыхъ ребенку—пусть онъ немного побѣгаетъ, порѣзвится и привыкаетъ принуждать себя переходить отъ игры къ дѣлу. Задавать дѣтямъ внѣклассные уроку въ этомъ возрастѣ положительно вредно, и только въ 10 лѣтъ, и то послѣ хорошихъ предварительныхъ классныхъ занятій въ прежніе годы, можно допустить небольшіе уроки внѣ класса».

«*Сдѣлать серьезное занятіе для ребенка занимательнымъ*—вотъ задача первоначальнаго обученія. Съ первыхъ-

же уроковъ пріучайте дитя полюбить свои обязанности и находить удовольствіе въ ихъ исполненіи. Но пріучите ребенка дѣлать не только то, что его занимаетъ, но и то, что не занимаетъ,—дѣлать ради удовольствія исполнить свою обязанность. Вы приготовляете ребенка къ жизни, а въ жизни не всѣ обязанности занимательны».

«На основаніи физіологическаго и психическаго закона, современное первоначальное обученіе открывается не однимъ, а нѣсколькими предметами: наглядное обученіе, письмо, рисованіе, дѣтскія работы, чтеніе, счетъ, библейскіе разсказы, пѣніе и гимнастика смѣняютъ другъ друга и поддерживаютъ въ ребенкѣ *тѣлесную и душевную бодрость* и свойственную этому возрасту веселость».

«Но чѣмъ разнообразнѣе предметы первоначальнаго обученія, тѣмъ необходимѣе, чтобы всѣ эти предметы преподавались однимъ лицомъ, чтобы все сливалось въ одно разумное воздѣйствіе взрослаго лица на впечатлительную душу ребенка. *Чѣмъ болѣе разнообразія въ учебныхъ занятіяхъ и чѣмъ менѣе разнообразія въ учащихъ, тѣмъ лучше для первоначальнаго обученія*».

«Дитя мыслитъ формами, красками, звуками, ощущеніями вообще; отсюда — необходимость для дѣтей *наглядnаго обученія*, которое и строится не на отвлеченныхъ представленіяхъ и словахъ, а на конкретныхъ образахъ, непосредственно воспринимаемыхъ ребенкомъ. Самъ Божественный Учитель нашъ показалъ намъ великій примѣръ наглядnаго обученія: Онъ бралъ полевую лилію и, указывая на нее, говорилъ о довѣренности къ Провидѣнію; Онъ указывалъ на стѣны Іерусалимскія и говорилъ о суетѣ всего земного; бралъ самые простые, общеизвѣстные примѣры изъ обык-

новенной жизни и выводилъ изъ нихъ высокое ученіе о Царствѣ Божіемъ».

«Дитя входитъ въ духовную жизнь окружающихъ его людей единственно чрезъ посредство отечественнаго языка, и наоборотъ, міръ, окружающій дитя, отражается въ немъ своею духовною стороною только чрезъ посредство той-же среды—отечественнаго языка. Вотъ почему *преподаваніе отечественнаго языка въ первоначальномъ обученіи составляетъ предметъ главный, центральный*, входящій во всѣ другіе и собирающій въ себѣ ихъ результаты. Я смотрю на наставника отечественнаго языка, какъ на руководителя всего первоначальнаго ученья»...

Вотъ тѣ возвышенныя и существенно-важнѣйшія педагогическія идеи Ушинскаго, разсѣянныя въ его прекрасной книжкѣ для учащихъ по «Родному Слову», и сгруппированныя нами въ нѣкоторой системѣ. Словами самого Ушинскаго мы показали, какъ высоко смотрѣлъ онъ на призваніе русской женщины, какъ серьезно относился къ учителю, какъ тепло и сердечно любилъ дитя, какъ желалъ организовать первоначальное обученіе, чтобы оно было и пріятнымъ, и серьезнымъ для дѣтей, и какое воспитательное значеніе придавалъ онъ наглядному обученію и отечественному языку... И нынѣ не перестали серьезно задумываться у насъ надъ всѣми этими вопросами, которые такъ талантливо разъяснены даровитымъ педагогомъ еще 30 лѣтъ тому назадъ!..

III.

К. Д. Ушинскій былъ не только педагогомъ дѣтей и учителей, но онъ былъ и педагогомъ-публицистомъ. Его отдѣльные педагогическіе трактаты, разсѣянные по различнымъ педагогическимъ журналамъ, изданы уже послѣ смерти его въ одномъ большомъ томѣ въ 624 стр. подъ заглавіемъ: «Собраніе педагогическихъ сочиненій Константина Дмитріевича Ушинскаго». Разумѣется, что въ это «Собраніе» вошло далеко не все, что написано Ушинскимъ.

Статьи, помѣщенныя въ «Собраніи», можно подраздѣлить на четыре группы. Однѣ изъ нихъ касаются области психологіи: «Трудъ въ его психологическомъ и воспитательномъ значеніи»; другія знакомятъ съ положеніемъ школьнаго дѣла за-границею, преимущественно же въ Швейцаріи; третью группу составляютъ критическія статьи: «Педагогическія сочиненія Н. И. Пирогова», «Цвѣты московской педагогіи на петербургской почвѣ», «Отвѣтъ на рецензіи Толя»; четвертыя затрогиваютъ интересы нашей родины: семьи, школы, общества, государства. Таковы: «О пользѣ педагогической литературы», «О народности въ общественномъ воспитаніи», «Воскресныя школы», «Родное слово», «О нравственномъ элементѣ въ русскомъ воспитаніи», «5-е марта 1861 года», «Проектъ учительской семинаріи». Для насъ ближе и цѣннѣе послѣднія статьи, тѣмъ болѣе, что въ нихъ Ушинскій проводитъ свои собственные педагогическіе взгляды, совершенно оригинальные, независимые, никогда и нигдѣ не подлаживаясь

подъ тонъ той или другой партіи, того или другого господствующаго направленія. Въ этихъ статьяхъ нашъ высокодаровитый педагогъ является краснорѣчивымъ поборникомъ и печальникомъ русской школы, которую желаетъ основать на началахъ религіозности, народности и науки. Для учителей онъ требуетъ педагогическихъ факультетовъ, учительскихъ семинарій, самаго широкаго общаго и спеціальнаго педагогическаго образованія. Для семьи и общества — распространенія разумной педагогической литературы, здравыхъ педагогическихъ понятій о воспитаніи и обученіи дѣтей; для государства — школъ, и много школъ. Приведемъ хотя нѣкоторыя изъ его мыслей по затронутымъ вопросамъ:

«Есть только одинъ идеалъ совершенства, предъ которымъ преклоняются всѣ народности: это идеалъ, представляемый намъ христіанствомъ. Все, чѣмъ человѣкъ, какъ человѣкъ, можетъ и долженъ быть, выражено вполнѣ въ Божественномъ ученіи, и воспитанію остается только, прежде всего и въ основу всего, вкоренить вѣчныя истины христіанства. Оно даетъ жизнь и указываетъ высшую цѣль ко всякому воспитанію; оно-же и должно служить для воспитанія каждаго христіанскаго народа источникомъ свѣта и всякой истины. Это несгораемый свѣточъ, идущій вѣчно, какъ огненный столбъ пустыни, впереди человѣка и народовъ; за нимъ должно стремиться развитіе всякой народности и всякое истинное воспитаніе, идущее вмѣстѣ съ народностью».

«Но русское воспитаніе должно быть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и православное воспитаніе. Обряды нашей православной церкви имѣютъ великое воспитательное значеніе уже по-

тому, что они сами собою, безъ посредствующихъ объясненій, обнимаютъ дѣтскую душу святымъ религіознымъ чувствомъ, настроиваютъ ее на возвышенный торжественный ладъ... Всякій, получившій чисто русское воспитаніе, непремѣнно отыщетъ въ душѣ своей глубокія, неизгладимыя впечатлѣнія множества церковныхъ пѣсенъ и священнодѣйствій, службы поста и Страстной недѣли, встрѣчи Свѣтлаго Праздника, Рождества Христова и Крещенія и всѣхъ тѣхъ годичныхъ торжественныхъ службъ, которыя составляютъ эпохи въ жизни каждаго чисто русскаго семейства... Мы сохраняемъ отрадную увѣренность, что многіе изъ насъ и теперь не могутъ безъ глубочайшаго душевнаго удовольствія вспомнить о тѣхъ мирныхъ, сіяющихъ торжествахъ о тѣхъ то грустныхъ, то торжественныхъ мотивахъ, которые православная церковь вносила въ нашу родимую семью, и мы желали-бы, чтобы ни одно русское дитя не было лишено святого, отраднаго воспитательнаго вліянія православной церкви».

«Народъ безъ народности—тѣло безъ души, и воспитаніе, если оно не хочетъ быть безсильнымъ, должно быть *народнымъ*. Всякая живая историческая народность есть самое высокое и самое прекрасное созданіе Божіе на землѣ, и воспитанію остается только черпать изъ этого богатаго и чистаго источника... Какъ нѣтъ человѣка безъ самолюбія, такъ нѣтъ человѣка безъ любви къ отечеству, и эта любовь даетъ воспитанію вѣрный ключъ къ сердцу человѣка и могущественную опору для борьбы съ его дурными природными, личными, семейными и родовыми наклонностями».

«Удалимъ отъ себя навсегда ту ложную мысль, что нашъ простой мужикъ очень грубъ, необразованъ и глупъ, чтобы

слѣдить за воспитаніемъ своего дитяти. Положимъ, онъ грубъ и необразованъ; но онъ вовсе не глупъ, и притомъ имѣетъ еще очень твердыя и ясныя убѣжденія, да кромѣ того, въ груди его бьется горячее родительское сердце, которое чутко ко всякой опасности, угрожающей дѣтямъ. Не забудемъ, что если мы многому хотимъ учить простой народъ, то есть многое, чему сами отъ него научились. Не забудемъ, что этотъ народъ создалъ ту поэзію, которая спасла насъ отъ забавнаго дѣтскаго лепета, на которомъ мы подражали иностранцамъ; что именно изъ народныхъ источниковъ мы обновили нашу литературу и сдѣлали ее достойною этого имени; что этотъ простой народъ, наконецъ, создалъ и эту великую державу, подъ сѣнью которой мы живемъ».

«Удивительно-ли послѣ всего, что воспитаніе, созданное самимъ народомъ и основанное на народныхъ началахъ, имѣетъ ту воспитательную силу, которой нѣтъ въ самыхъ лучшихъ системахъ, основанныхъ на абстрактныхъ идеяхъ, или заимствованныхъ у другого народа».

Но каковыми-же должны быть учителя и воспитатели школъ, основанныхъ на началахъ религіозности и народности, и какъ должно относиться къ нимъ общество?

«Необходимо, — говоритъ Ушинскій, — чтобы люди, принимающіеся за воспитаніе юношества, были не только хорошіе педагоги, но и истинные христіане по своимъ стремленіямъ и убѣжденіямъ. Но воспитаніе есть дѣятельность *сознательная*, по крайней мѣрѣ она должна быть такою со стороны воспитателя, а чтобы сознательно выбрать средства для достиженія цѣли воспитанія, для этого должно прежде познакомиться съ самыми этими средствами. Это

знакомство и даетъ *педагогическая литература*, которая одна только можетъ оживить воспитательную дѣятельность, придать ей тотъ смыслъ и ту занимательность, безъ которыхъ она скоро дѣлается машинальнымъ препровожденіемъ времени, назначеннаго на урокъ. Она одна только можетъ возбудить въ обществѣ вниманіе къ дѣлу воспитанія и дать въ немъ воспитателямъ то мѣсто, которое они должны занимать по важности возлагаемыхъ на нихъ обязанностей. Педагогическая литература установляетъ въ обществѣ, съ одной стороны, правильныя требованія въ отношеніи воспитанія, а съ другой — открываетъ средства для удовлетворенія этихъ требованій...

«Педагогическая литература, живая, современная и обширная, вырываетъ воспитателя изъ его замкнутой усыпительной сферы, вводитъ его въ благородный кругъ мыслителей, посвятившихъ всю свою жизнь дѣлу воспитанія. Воспитатель, стоящій въ уровень съ современнымъ ходомъ воспитанія, чувствуетъ себя живымъ, дѣятельнымъ членомъ великаго организма, борющагося съ невѣжествомъ и пороками человѣчества, посредникомъ между всѣмъ, что было благороднаго и высокаго въ прошедшей исторіи людей, и поколѣніемъ новымъ, хранителемъ святыхъ завѣтовъ людей, боровшихся за истину и благо. Онъ чувствуетъ себя живымъ звеномъ между прошедшимъ и будущимъ, могучимъ ратоборцемъ истины и добра, и сознаетъ, что его дѣло, скромное по наружности, одно изъ величайшихъ дѣлъ исторіи, что на этомъ дѣлѣ зиждутся царства и имъ живутъ цѣлыя поколѣнія. Онъ видитъ, что вопросы относительно его дѣятельности, рождающіеся въ его мысляхъ, на которые пустая и суетная толпа, исчезающая безъ слѣда со всѣмъ сво-

имъ трескомъ и фейерверочнымъ огнемъ, обращаетъ мало вниманія, занимаютъ сотни тысячъ благороднѣйшихъ умовъ, постигшихъ глубоко всю важность воспитанія.

«Съ другой стороны, при существованіи педагогической литературы, всякій воспитатель имѣетъ возможность не ограничиваться тѣснымъ кругомъ своей дѣятельности. Его опытъ, мысль, которую онъ выработаетъ въ своей практикѣ, новый вопросъ, родившійся въ его головѣ, все это не остается въ предѣлахъ его школы, или, что еще хуже, не умретъ въ немъ самомъ; но, появившись на литературномъ поприщѣ, облетитъ всѣ концы Россіи, заглянетъ во всѣ захолустья, гдѣ только есть школа, и вызоветъ сочувствіе или споръ въ сотнѣ его товарищей, дѣла которыхъ коснется мысль его прямо: она можетъ вызвать горячее сочувствіе, пріобрѣсть защитниковъ и перейти въ дѣйствительность не въ тѣсныхъ предѣлахъ одного класса, или одной школы, но въ обширныхъ предѣлахъ общественнаго образованія цѣлаго государства».

Такъ высоко смотритъ Ушинскій на призваніе учителя и на значеніе для него педагогической литературы.

Въ другомъ мѣстѣ Ушинскій доказываетъ, что и само общественное воспитаніе только тогда оказывается дѣйствительнымъ, когда его вопросы становятся общественными вопросами *для всѣхъ* и семейными вопросами *для каждаго*.

«Возбужденіе общественнаго мнѣнія въ дѣлѣ воспитанія есть единственно прочная основа всякихъ улучшеній по этой части: *гдѣ нѣтъ общественнаго мнѣнія о воспитаніи, тамъ нѣтъ и общественнаго воспитанія, хотя можетъ быть множество общественныхъ учебныхъ заведеній*». А этого возбужденія можно достигнуть лишь путемъ

самаго широкаго распространенія въ обществѣ педагогической литературы.

Такъ же горячо и самостоятельно относился Ушинскій къ возникновенію въ его время народныхъ школъ. Въ статьѣ по этому поводу онъ, между прочимъ, высказываетъ такія мысли:

«Наша народная школа, какъ ни слабы еще до сихъ поръ ея начатки, уже дѣйствительно начинается у насъ, и начинается *самымъ естественнымъ образомъ*, изъ прямыхъ своихъ источниковъ: изъ пониманія народомъ необходимости образованія для новой жизни (послѣ освобожденія) и изъ теплаго источника любви родителей къ дѣтямъ, которыхъ отцы хотятъ приготовить къ жизни лучше той, которую они сами вели. Отсюда понятно, что народъ, устраивая школы для своихъ дѣтей, добровольно, по своему собственному желанію и на свои деньги, видитъ въ этихъ школахъ *свои школы* и хочетъ видѣть въ нихъ учителями такихъ лицъ, которыя-бы вполнѣ отъ нихъ зависѣли, исполняли-бы безъотговорочно свою учительскую обязанность, не по прихоти или изъ милости, а по договору, и оставляли-бы школу, если не хотятъ дѣлать дѣло, за которое взялись. Такое положеніе школьнаго дѣла показываетъ уже необходимость обращаться съ нимъ какъ можно осторожнѣе, чтобы какимъ-нибудь насильственнымъ вмѣшательствомъ не повредить этому, только-что начинающему пробиваться изъ земли растенію, а существенно мы можемъ повредить ему тогда, если чѣмъ-нибудь выскажемъ крестьянину, что его школа, имъ заводимая и оплачиваемая, не совсѣмъ-то *его*, и что заводить ее онъ можетъ, но распоряжаться ею будутъ другіе... Только одно земство, находясь въ ближай-

шемъ отношеніи къ народу и имѣя въ своей средѣ и образованныхъ людей, можетъ содѣйствовать дѣлу народной школы, да и то единственно путемъ разъясненія, убѣжденія, вспомоществованія, а не путемъ какихъ-нибудь насильственныхъ мѣръ или регламентацій... Если-бы даже признать возможною какую-нибудь вредную религіозную или политическую пропаганду дѣтямъ отъ 7 до 10 лѣтъ, занимающимся первыми элементами грамотности, то мы увѣрены, что народъ прежде всего вооружится самъ противъ такой пропаганды. Если крестьянинъ замѣтитъ, что его дитя, посѣщающее школу, начинаетъ показывать неуваженіе къ религіи, къ родителямъ, или болтаетъ разныя глупости, то повѣрьте, что прежде всего самъ-же крестьянинъ вооружится противъ такой школы и такого учителя. Въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія... Въ данномъ случаѣ надеженъ только тотъ хранитель, который имѣетъ свой собственный интересъ въ охраненіи, и вотъ почему мы полагаемъ наилучшимъ ввѣрить охраненіе народныхъ школъ отъ всякихъ противорелигіозныхъ, противонравственныхъ или противогосударственныхъ пропагандъ, во-первыхъ, *самому народу*, изъ котораго исходятъ всѣ основные принципы нашего государственнаго и религіознаго быта и дѣти котораго учатся въ этихъ школахъ; во-вторыхъ, духовенству, которое самымъ положеніемъ своимъ поставлено охранителемъ религіозныхъ принциповъ народа, и въ-третьихъ, *земству*, все благоденствіе котораго основано на охраненіи спокойствія и порядка»...

Столь-же тепло относится Ушинскій къ появленію у насъ воскресныхъ школъ, говоря, что «воскресныя школы—замѣчательное и отрадное явленіе, изъ котораго мы мо-

жемъ заключить разомъ, съ одной стороны, о томъ, что народъ нашъ дозрѣлъ, наконецъ, до той степени, когда ученіе его сдѣлалось неизбѣжнымъ, жизненнымъ вопросомъ, а съ другой стороны, что церковь наша, правительство и образованный классъ, удовлетворяя, сколь возможно, этой потребности, открываютъ предъ глазами нашими успокоительную и свѣтлую будущность...»

Его непритворная любовь къ русскому народу съ особенною яркостью вылилась въ слѣдующихъ строкахъ его небольшой, но горячо написанной статьи по поводу 1-го марта 1861 года:

... «Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови съ нами благословеніе Божіе на твой *свободный* трудъ»...

«Тогда по церкви будто пробѣжала широкая, звучная волна; тысяча рукъ сотворили знаменіе освобожденнаго креста, и крѣпостныя узы спали на вѣки. Великая, святая, истинно христіанская минута въ жизни русскаго народа!»

«Наконецъ, діаконъ окончилъ чтеніе и заключительное слово «*Александръ*» громко раздалось подъ сводами храма».

«Сильно отдалось это слово въ сердцахъ слушателей: въ немъ, въ этомъ благословенномъ имени,—свобода 23-хъ милліоновъ людей. Оно однимъ разомъ потопило во мракъ невозвратимаго прошедшаго крѣпость со всѣми ея дикими спутниками; оно открыло врата свободной жизни будущимъ поколѣніямъ милліоновъ; оно раздѣлило исторію Россіи на двѣ половины! Что долженъ былъ чувствовать Государь, подписывая это все завершающее и все утверждающее имя?!»

Ушинскій былъ изъ первыхъ русскихъ мелкопомѣстныхъ помѣщиковъ, освободившихъ своихъ крестьянъ, мирно подѣлившись съ ними землею изъ своего и безъ того небольшого имѣнія.

Таковъ былъ К. Д. Ушинскій, какъ педагогъ-публицистъ, какъ проповѣдникъ новыхъ педагогическихъ идей въ Россіи второй половины доживаемаго нами XIX вѣка.

Но самою капитальною статьею Ушинскаго въ «Собраніи» его сочиненій является «Трудъ въ его психическомъ и воспитательномъ значеніи», составляющій какъ-бы profession de foi нашего педагога. Выходя изъ основныхъ положеній, что «трудъ есть такая согласная съ христіанскою нравственностью дѣятельность человѣка, на которую онъ рѣшается по безусловной необходимости ея для достиженія той или другой истинно-человѣческой цѣли въ жизни, что матеріальные плоды трудовъ, хотя и составляютъ человѣческое достояніе, но только *внутренняя, духовная, животворная сила труда служитъ источникомъ человѣческаго достоинства* и вмѣстѣ съ тѣмъ и *нравственности и счастія*, ибо, по слову Божію, не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ; что безъ личнаго труда человѣкъ не можетъ идти впередъ, не можетъ оставаться на одномъ мѣстѣ, а долженъ идти назадъ; что даже экономическое развитіе общества идетъ путемъ труда, *отражающагося на духовномъ и нравственномъ развитіи* его содержанія и формы»,—Ушинскій приходитъ къ заключенію, что самой *основной задачей воспитанія* должно считаться *приготовленіе юношей* къ такому *разумному, удовлетворяющему душу труду*. Воспитаніе должно развить въ человѣкѣ привычку и любовь къ труду, должно дать ему возможность и

средства отыскать для себя трудъ въ жизни. Поэтому и школа, имѣя въ виду развить человѣка и дать ему извѣстный объемъ свѣдѣній, должна *непремѣнно и зажечь въ юношѣ жажду сознательнаго труда, безъ которой жизнь его не можетъ быть ни достойной, ни счастливой...*

Самъ К. Д. Ушинскій, собственною жизнью, полной неустаннаго духовнаго труда и служенія человѣчеству, показалъ намъ высокій образецъ человѣка, который, благодаря такому труду, могъ принести такъ много пользы своей родинѣ, даже въ столь короткое сравнительно время, въ какія-нибудь 15 лѣтъ его собственно литературно-педагогической дѣятельности. Самое яркое воплощеніе идеи духовнаго труда Ушинскаго представляетъ собою его послѣднее и предсмертное сочиненіе: «Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія», по справедливости составляющее гордость всей нашей педагогической литературы.

IV.

«Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія» по истинѣ можетъ считаться вѣнцомъ всѣхъ произведеній Ушинскаго, завершеніемъ всей протекшей педагогической дѣятельности безвременно сошедшаго въ могилу славнаго русскаго педагога. Въ этомъ капитальномъ двухъ-томномъ сочиненіи Ушинскій является уже педагогомъ-философомъ, педагогомъ-мыслителемъ. Получивъ командировку за границу съ

цѣлью составленія на свободѣ курса педагогики для женскихъ учебныхъ заведеній и относясь всегда серьезно ко всякому дѣлу, за какое-бы онъ ни брался, Ушинскій не сразу принялся за исполненіе возложеннаго на него порученія. Чѣмъ болѣе онъ вдумывался, углублялся въ предстоящій ему трудъ, тѣмъ болѣе приходилъ къ убѣжденію, что если нельзя сдѣлаться хорошимъ медикомъ, изучивъ только хотя бы и самые полные лечебники, но не изучивъ анатоміи и физіологіи; точно такъ же нельзя быть и искуснымъ педагогомъ, не имѣя основательныхъ познаній антропологическихъ. И вотъ Ушинскій задумываетъ, прежде чѣмъ составить педагогику, которую онъ притомъ считалъ *не наукою*, а лишь *искусствомъ*, дать въ руки нашихъ учителей и учительницъ такую философско-эклектическую книгу, написанную возможно понятнымъ языкомъ, изъ которой-бы начинающій педагогъ могъ почерпнуть ясное понятіе о физической и духовной природѣ человѣка, какъ ихъ понимаетъ современная европейская наука. Въ теченіе 5 лѣтъ пребыванія за границею Ушинскій перечитываетъ сочиненія выдающихся древнихъ и новыхъ мыслителей— философовъ, психологовъ, физіологовъ и собственно педагоговъ, — перечитываетъ, подвергаетъ строгой критикѣ, дѣлаетъ собственные выводы. Съ карандашомъ въ рукѣ, испещряя поля и страницы своими замѣчаніями, Ушинскій переходитъ отъ Св. Евангелія къ посланіямъ апостольскимъ, отъ Аристотеля къ Спинозѣ, отъ Канта, Локка и Гегеля къ Миллю, Бэну, Дарвину, Шопенгауеру, Бенеке и т. д., и т. д. Весною 1867 года, Ушинскій явился въ Петербургъ съ цѣлымъ ворохомъ исписанныхъ отдѣльныхъ листковъ бумаги, а къ концу того-же

года вышелъ и первый томъ книги «Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія,—опытъ педагогической антропологіи», а въ 1869 году—и второй томъ; третій-же,—уже вполнѣ самостоятельный, собственно руководство къ педагогикѣ, гдѣ предполагались приложенія выработанной въ двухъ первыхъ томахъ теоріи къ практикѣ,—къ сожалѣнію, остался только въ однихъ черновыхъ рукописныхъ наброскахъ.

Оба тома представляютъ собою критическій сводъ мнѣній величайшихъ мыслителей и ученыхъ по вопросамъ тѣлесной и духовной природы человѣка. Сочиненіе это, помимо глубокой учености и необычайной начитанности, простотѣ и ясности изложенія, имѣетъ еще одно весьма важное достоинство: въ немъ различныя теоріи на каждомъ шагу опровергаются или, напротивъ, подкрѣпляются мѣрами изъ жизни, вынесенными изъ субъективныхъ тонкихъ наблюденій автора надъ самимъ собою, надъ собственною духовною дѣятельностью, надъ жизнью и дѣятельностью другихъ людей, а это придаетъ сочиненію Ушинскаго огромный интересъ и живость: нѣкоторыя страницы можно назвать просто увлекательными. Кромѣ того, книга К. Д. Ушинскаго для каждаго преподавателя важна еще тѣмъ, что, изслѣдуя психологическіе вопросы, авторъ постоянно остается педагогомъ, не вдается въ метафизическія или слишкомъ подробныя историческія разсужденія, а напротивъ—при всякомъ удобномъ случаѣ обращается къ своей главной цѣли, т.-е. къ изслѣдованію душевной дѣятельности человѣка, какъ предмету воспитанія. Въ другихъ мѣстахъ внимательный читатель долженъ еще самостоятельно сдѣлать выводъ изъ разсужденій автора и соединить въ

*

одно цѣлое мысли, высказанныя въ нѣсколькихъ статьяхъ; а такой способъ изложенія очень полезенъ въ томъ отношеніи, что заставляетъ читателя посерьезнѣе заняться книгой и извлечь изъ изученія ея не только выводы и факты, но и пріобрѣсти привычку самостоятельно мыслить о психологическихъ вопросахъ. В. П. Острогорскій совершенно правъ, говоря, что и «этихъ двухъ томовъ, представляющихъ обширную и единственную у насъ популярную философскую энциклопедію, полезную не только для педагога, но и для всякаго образованнаго человѣка,—вполнѣ было-бы достаточно, чтобы навсегда сдѣлать безсмертнымъ въ Россіи имя Ушинскаго, если-бы его заслуги ограничивались даже однимъ этимъ великимъ трудомъ».

Въ заключеніе два слова о *духѣ* и *направленіи* книги. Еще раньше (въ статьѣ «О нравст. элем. въ рус. восп.») Ушинскій высказалъ мысль, что «современная педагогика выросла на *христіанской почвѣ*, и для насъ нехристіанская педагогика вещь немыслимая». Этой высокой идеѣ онъ остается вѣренъ и въ своемъ предсмертномъ сочиненіи. Во многихъ мѣстахъ педагогической антропологіи Ушинскій очень часто, для подтвержденія своихъ мыслей, ссылается на ученіе Божественнаго Учителя. Объясняя отношеніе психологіи къ религіознымъ системамъ, онъ указываетъ на то, что религія всегда распространяла въ народѣ психологическія знанія, что психологическія истины, скрывающіяся въ Евангеліи, распространялись вмѣстѣ съ евангельскимъ ученіемъ. «Какая книга въ мірѣ,—вдохновенно восклицаетъ Ушинскій въ одномъ мѣстѣ (стр. 417),—представляетъ болѣе глубокую психологію, болѣе

вѣрное знаніе людей, и какая книга въ мірѣ болѣе читалась, слушалась и обдумывалась? Если-же евангельская психологія, болѣе или менѣе глубоко понятая, сдѣлалась общимъ достояніемъ всего христіанскаго міра, то какимъ-же образомъ психологъ можетъ не знать этой психологіи, можетъ обойти ее, ограничивъ свои познанія теоріями Гербарта, Бенеке или какого-нибудь другого кабинетнаго ученаго?»

К. Д. Ушинскій родился въ Тулѣ, въ началѣ 1824 г., умеръ въ Одессѣ 21-го декабря 1870 г.—отъ воспаленія легкихъ, всего 47-хъ лѣтъ отъ роду. Онъ принадлежалъ къ дворянской малороссійской семьѣ. Молодость его протекла безъ печали, безъ лишеній, среди любившихъ талантливаго мальчика отца и матери. Оттого онъ такъ любилъ русскую семью. На долю недолгой жизни К. Д. Ушинскаго досталось не болѣе 15 лѣтъ непрерывной педагогической дѣятельности.

Какъ мало времени и какъ много сдѣлано! Общественное значеніе этой дѣятельности громадно. К. Д. Ушинскій вмѣстѣ съ Пироговымъ создалъ у насъ собственную педагогическую литературу, былъ проповѣдникомъ новыхъ педагогическихъ идей по обученію и воспитанію; оба они подняли въ глазахъ общества значеніе педагогической профессіи; вмѣстѣ съ Вышнеградскимъ Ушинскій является реформаторомъ женскаго образованія въ Россіи на началахъ гуманныхъ и широкихъ, опередившихъ даже Западъ; вмѣстѣ съ барономъ Корфомъ Ушинскій былъ просвѣтителемъ русской народной школы. Исторія оцѣ-

нить по достоинству выдающуюся дѣятельность этого педагога-мыслителя и педагога-энтузіаста. Но если весь славянскій міръ гордится своимъ Коменскимъ, Швейцарія—своимъ Песталоцци, Германія—Дистервегомъ, то мы, русскіе, не забудемъ, что среди насъ жилъ и училъ К. Д. Ушинскій!..

Д. Семеновъ.

Приложеніе

Къ статьѣ Д. Д. Семенова: «Дѣятельность К. Д. Ушинскаго въ Смольномъ институтѣ».

Какъ извѣстно уже читателямъ, преждевременная смерть К. Д. Ушинскаго помѣшала ему окончить начатое имъ сочиненіе по педагогикѣ; но у г. Д. Д. Семенова сохранилась программа курса, которой Ушинскій держался на своихъ лекціяхъ, и которую поэтому умѣстно привести здѣсь, въ томъ видѣ, какъ она вышла изъ подъ пера самого автора. Вотъ полный текстъ этой «Программы педагогики для спеціальныхъ классовъ женскихъ учебныхъ заведеній», составленной К. Д. Ушинскимъ.

Цѣль преподаванія педагогики.

Предметъ педагогики, какъ по цѣли своей, такъ и по множеству входящихъ въ него предметовъ, а равно и по сходству своему съ обширными науками, изъ которыхъ онъ черпаетъ свое содержаніе, такъ громаденъ, что преподаваніе его въ спеціальныхъ классахъ женскихъ учебныхъ заведеній должно необходимо ограничиться осмотрительнымъ выборомъ педагогическаго матеріала. При этомъ выборѣ

должно руководствоваться, во-первыхъ, ближайшими практическими цѣлями, для которыхъ преподаваніе педагогики введено въ женскія учебныя заведенія, и, во-вторыхъ, тѣмъ запасомъ подготовительныхъ свѣдѣній, необходимыхъ для яснаго пониманія педагогики, который можно предположить въ слушательницахъ.

Практическая цѣль преподаванія педагогики въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ заключается, во-первыхъ, въ томъ, чтобы развить въ воспитанницахъ желаніе сознательно заниматься воспитательной дѣятельностью, открыть имъ возможность понимать педагогическія сочиненія и тѣмъ вести далѣе свое педагогическое образованіе, для котораго въ учебномъ заведеніи могутъ быть положены самыя первыя основы, и, во-вторыхъ, въ томъ, чтобы дать слушательницамъ возможность, по выходѣ-же изъ заведенія, съ успѣхомъ, безъ тяжелыхъ пробъ и грубыхъ ошибокъ, заняться воспитаніемъ и первоначальнымъ обученіемъ дѣтей.

Что касается до подготовительныхъ свѣдѣній, необходимыхъ для пониманія педагогики, то должно имѣть въ виду, что воспитанницы спеціальныхъ классовъ неодинаково относятся къ двумъ основнымъ для педагогики наукамъ: къ физіологіи и психологіи. Съ физіологическими фактами слушательницы спеціальныхъ классовъ болѣе или менѣе ознакомились уже прежде, а потому преподавателю педагогики остается только примѣнить эти свѣдѣнія къ педагогическимъ выводамъ. Но такъ какъ психологія не проходится въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, то преподаватель педагогики по необходимости долженъ взять на себя обязанность ознакомить своихъ слушательницъ съ психологическими понятіями, служащими основаніемъ для

педагогическихъ правилъ, при чемъ преподаватель, конечно, никогда не долженъ терять изъ виду, что это ознакомленіе съ психологіей необходимо здѣсь только для спеціальной педагогической цѣли. Вотъ почему, излагая педагогическія понятія, преподаватель педагогики не долженъ вдаваться въ разборъ различныхъ психологическихъ теорій, а брать только то, что уже окончательно добыто и разъяснено наукой, и всякій разъ показать педагогическую приложимость той или другой психологической истины.

Принимая въ соображеніе всѣ эти обстоятельства, можно предложить въ руководство для спеціальныхъ классовъ женскихъ учебныхъ заведеній слѣдующую программу педагогики.

Предварительныя понятія и раздѣленіе предмета.

Воспитательная дѣятельность, какъ и всякая другая разумная человѣческая дѣятельность, имѣетъ: 1) свой предметъ, 2) цѣль и 3) средства.

1) Предметъ воспитательной дѣятельности. Понятіе воспитанія. Приложимость воспитанія только къ организмамъ. Необходимость познакомиться съ организмомъ и его дѣятельностью. Общія понятія объ организмѣ. Развитіе—какъ отличительный признакъ организма. Что такое развитіе. Развивающее воспитаніе должно быть также органическимъ, потому что имѣетъ дѣло съ организмомъ. Два главные рода организмовъ. Организмы индивидуальные и общественные. Воспитаніе также можетъ быть индивидуальное и общественное. Вопросы общественнаго воспитанія не будутъ входить въ курсъ, который, главнымъ образомъ, имѣетъ

своею цѣлью воспитаніе отдѣльныхъ личностей. Три рода индивидуальныхъ организмовъ: растеніе, животное и человѣкъ. Вся природа растенія выражается въ процессѣ роста.

Въ животномъ къ растительной природѣ присоединяется чисто животная: чувство и произвольное движеніе, какъ выраженіе чувства. Къ пищевому или растительному процессу и его органамъ присоединяются органы чувства и произвольнаго движенія: органы внѣшнихъ чувствъ, мускулы и нервная система. Въ человѣкѣ къ органамъ и процессамъ растительнымъ и животнымъ присоединяются чисто человѣческія особенности: самосознаніе, или разумъ, и свободная воля. Отношеніе педагогики ко всей этой сложности человѣческаго организма. Предметомъ педагогики является правильное развитіе человѣческаго организма во всей его сложности, въ его растительныхъ, животныхъ и чисто человѣческихъ процессахъ. Всякое развитіе совершается во времени и имѣетъ свои періоды. Отличительные признаки періодовъ человѣческаго развитія: младенчества, дѣтства, отрочества, юности и возмужалости.

2) Цѣли воспитательной дѣятельности. Два вида этой цѣли. Воспитаніе индивида для него-же самого и воспитаніе въ индивидѣ члена общественнаго организма. Взаимная связь этихъ обѣихъ цѣлей.

3) Средства воспитательной дѣятельности. Матеріалъ развитія, предлагаемый воспитаніемъ, какъ пища тѣлесная и душевная. Уходъ или руководство къ воспріятію и переработкѣ этой пищи.

Ученье, какъ одно изъ самыхъ сильныхъ воспитательныхъ средствъ, какъ по своей важности, такъ и по обширности и разнообразію своихъ правилъ, излагается обыкно-

венно отдѣльно въ *дидактикѣ* или наукѣ обученія. Дидактика бываетъ *общая*, излагающая правила ученья вообще, и *частная*, излагающая правила обученія отдѣльныхъ предметовъ.

Отсюда выходитъ раздѣленіе курса педагогики на двѣ части: на педагогику и дидактику. Педагогика подраздѣляется также на двѣ части: въ первой излагаются основанія и правила физическаго воспитанія, во второй — основанія и правила умственно-нравственнаго воспитанія.

Педагогика.

Часть первая: *воспитаніе физическое.* Общее понятіе о физическомъ воспитаніи. Важное его значеніе. Необходимость изученія физическихъ и физіологическихъ явленій въ организмѣ человѣка. Органы и процессы жизни растительной, т.-е., имѣя въ виду преподаваніе въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, исключительно одинъ пищевой процессъ. Органы и процессы жизни животной: мускулы, органы чувствъ, нервная система.

1. *Пищевой процессъ.* Его органы. Дѣятельность органовъ. Матеріалъ пищевого процесса. Условія правильнаго совершенія: воздухъ, температура, свѣтъ.

а) *Пища.* Различные виды пищи. Пища растительная и животная. Различные виды той и другой. Значеніе различныхъ пищевыхъ матеріаловъ для организма. Количество пищи. Своевременность питанія. Различіе пищи по возрастамъ, по климату, по образу жизни, по особенностямъ физическаго организма. Слѣдствія недостатка пищи и дурного ея качества. Слѣдствія излишества пищи, слѣдствія одно-

образія, слѣдствія слишкомъ большого разнообразія. Педагогическія правила относительно количества и качества пищи, а равно и времени питанія.

b) *Воздухъ.* Составъ воздуха. Значеніе его въ пищевомъ процессѣ. Отчего портится воздухъ. Средства его возобновленія.

c) *Температура.* Значеніе температуры въ пищевомъ процессѣ. Вліяніе на организмъ слишкомъ высокой и слишкомъ низкой температуры. Пріученіе къ выносливости въ этомъ отношеніи и его разумные предѣлы. Вліяніе на организмъ быстрыхъ перемѣнъ температуръ. Вліяніе вѣтра, сухости и влажности воздуха. Разнообразіе климатическихъ условій въ Россіи и необходимость сообразоваться съ ними. Жилье и одежда, какъ средства противодѣйствія вреднымъ вліяніемъ крайностей температуръ и различнымъ климатическимъ вліяніямъ.

d) *Свѣтъ.* Его вліяніе на химическіе и физическіе процессы въ жизненныхъ явленіяхъ. Его вліяніе на растенія и въ особенности на дѣтей.

2) *Мускульный процессъ.* Значеніе мускульной системы въ организмѣ. Устройство мускуловъ и ихъ дѣятельность. Необходимость мускульной дѣятельности для нормальнаго развитія человѣка. Отношеніе этой дѣятельности къ пищевому процессу. Условія препятствующія и условія благопріятствующія правильному развитію мускуловъ. Развитіе въ этомъ отношеніи образа жизни дѣтей и дѣтскихъ игръ. Гимнастика, преимущественная дѣтская, и ея педагогическое значеніе. Мускульныя движенія, какъ источникъ мускульныхъ ощущеній. Важное значеніе этихъ ощущеній въ душевномъ развитіи человѣка.

3) *Дѣятельность органовъ внѣшнихъ чувствъ.* Устройство органовъ внѣшнихъ чувствъ, преимущественно зрѣнія и слуха. Дѣятельность ихъ. Условія препятствующія и условія благопріятствующія правильному развитію органовъ внѣшнихъ чувствъ. Педагогическія правила для правильнаго развитія органовъ зрѣнія, слуха и осязанія.

4) *Нервная система.* Устройство ея центральныхъ органовъ и развѣтвленій. Дѣятельность нервной системы. Отношеніе этой дѣятельности къ растительнымъ и мускульнымъ процессамъ. Различныя особенности нервной дѣятельности: вялость ея, возбужденность, нервное раздраженіе, нервное истощеніе. Опасныя слѣдствія нервнаго раздраженія и нервной бездѣятельности въ дѣтскомъ возрастѣ. Дурное вліяніе на нервную дѣятельность нѣкоторыхъ пищевыхъ матеріаловъ. Вліяніе свѣжаго воздуха, купаній, гимнастики, различнаго образа жизни дѣтей; вліяніе умственной и вліяніе физической работы на нервную систему. Необходимость общаго отдыха въ нервной дѣятельности. Сонъ. Его физіологическое значеніе. Его продолжительность въ разные возрасты. Необходимость частнаго отдыха нервной системы, или необходимость разнообразія въ нервной дѣятельности. Нервныя и мускульныя привычки или навыки. Ихъ пріобрѣтаемость въ жизни и ихъ наслѣдственность. Врожденное настроеніе нервной системы, какъ врожденная основа человѣческаго характера. Раздѣленіе въ этомъ отношеніи людей по темпераментамъ. Признаки различныхъ темпераментовъ. Значеніе различія темпераментовъ въ воспитательной дѣятельности.

Часть вторая. *Воспитаніе умственно-нравственное.* Отличіе психическихъ явленій отъ физическихъ. Сознатель-

ность, какъ отличительный признакъ психическаго явленія. Взаимодѣйствіе души и тѣла. Два вида психическихъ явленій въ человѣкѣ: А) психическія явленія низшаго разряда, общія человѣку и животнымъ, которыя слѣдуетъ назвать *душевными* въ отличіе отъ тѣлесныхъ; Б) психическія явленія высшаго разряда, составляющія исключительную принадлежность человѣческой души и которымъ слѣдуетъ усвоить названіе *духовныхъ*.

А. Душевныя явленія.

Три вида душевныхъ явленій: I Явленія познаванія. II. Явленія внутренняго чувства, или *чувствованія*. III. Явленія воли.

I. *Познавательный процессъ*: 1) воспріятіе, 2) память, 3) воображеніе и 4) разсудочный процессъ.

1. *Воспріятіе.* Психическая сторона въ актѣ дѣятельности внѣшнихъ чувствъ. Вниманіе, какъ необходимое условіе воспріятія. Два вида вниманія: произвольное и пассивное. Переходъ произвольнаго вниманія въ пассивное, и наоборотъ. Важное значеніе вниманія въ воспитательной дѣятельности. Условія, развивающія силу и постоянство вниманія, и условія, ослабляющія его. Оцѣнка въ этомъ отношеніи различныхъ дидактическихъ пріемовъ. Важное значеніе первыхъ воспріятій въ душевной исторіи человѣка вообще и въ частности значеніе ихъ въ умственномъ развитіи и въ ученіи. Что такое наглядность въ обученіи? Ея необходимость при первоначальномъ обученіи.

2. *Память.* Объясненіе акта припоминанія и забвенія. Припоминаніе непроизвольное и произвольное. Какъ со-

ставляются представленія изъ первыхъ воспріятій и какъ сочетаются между собою. Различные виды сочетанія (ассоціаціи) представленій и преимущественное значеніе того и другого изъ этихъ видовъ въ различныхъ предметахъ ученія. Постепенное осложненіе ассоціацій. Память въ младенчествѣ, въ дѣтствѣ, въ отрочествѣ, въ юности и въ зрѣломъ возрастѣ. Важное значеніе памяти вообще въ жизни и въ частности въ ученіи. Условія, способствующія развитію и укрѣпленію памяти, и условія, тому противодѣйствующія. Разумная организація предметовъ ученія, какъ средство прочнаго усвоенія. Необходимость постепенности, послѣдовательности и постоянства въ ученіи. Необходимость повтореній, ихъ психическое значеніе.

3. *Воображеніе.* Объясненіе процесса воображенія. Вліяніе на него нервной системы. Вліяніе матеріаловъ, усвоенныхъ памятью. Вліяніе воли. Особенности воображенія у дѣтей и отроковъ. Вліяніе воображенія на нравственную сторону человѣка. Условія, способствующія и противодѣйствующія правильному развитію воображенія. Педагогическая оцѣнка въ этомъ отношеніи образа жизни дѣтей, различнаго рода дѣтскихъ игръ и занятій, а также сказокъ, романовъ, театральныхъ зрѣлищъ. Вліяніе учебной дѣятельности на воображеніе.

4. *Разсудочный процессъ.* Въ этомъ отдѣлѣ преподаватель долженъ познакомить своихъ слушательницъ не только съ ходомъ разсудочнаго процесса вообще, но и съ основными логическими понятіями, какъ потому, что безъ знакомства съ этими понятіями не можетъ быть понятъ самъ разсудочный процессъ, такъ и потому, что знаніе законовъ логическаго мышленія необходимо для тѣхъ, кто хочетъ

развивать въ дѣтяхъ способность къ логическому, т.-е. правильному мышленію. Но такъ какъ логика у насъ не преподается въ женскихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, то въ этомъ отношеніи должно быть изложено:

Образованіе представленій изъ первыхъ воспріятій, или признаковъ. Значеніе признаковъ существенныхъ и несущественныхъ. Образованіе понятій изъ представленій. Сужденіе, какъ процессъ образованія понятій. Разсужденіе, какъ процессъ анализа или разложенія понятій. Значеніе умозаключеній и различные ихъ виды. Различныя отношенія человѣческаго пониманія къ предметамъ пониманія: къ предметамъ и явленіямъ природы, къ понятіямъ математическимъ, къ явленіямъ душевнымъ. Три источника человѣческихъ знаній: природа, душа и произвольныя движенія человѣка. Въ частности должно быть объяснено понятіе предмета и явленія, причины, условія и слѣдствія, закона и правила, цѣли, случая и назначенія. Процессъ индуктивнаго и дедуктивнаго мышленія, въ частности ихъ значеніе въ учебной дѣятельности. Исторія постепеннаго образованія разсудка и различныя вліянія на эту «исторію». Значеніе слова въ разсудочномъ процессѣ. Условія, способствующія правильному развитію разсудка. Оцѣнка различныхъ вліяній въ этомъ отношеніи и въ частности вліяніе первоначальнаго обученія: обученіе механическое и развивающее.

II. *Внутреннія чувства, или чувствованія.* Отличительные признаки этого психическаго явленія. Различное происхожденіе чувствованій: изъ органическихъ причинъ, изъ хода сознательныхъ представленій. Воплощеніе чувствованій.

Нервное сочувствіе, нервная подражательность, значеніе ихъ въ воспитательной дѣятельности. Переходъ чувствованій въ чувственныя настроенія души. Какъ дѣйствуетъ на чувство возбужденіе и бездѣятельность. Условія, усиливающія данное чувственное настроеніе души, и условія, ослабляющія его. Оцѣнка въ этомъ отношеніи обращенія съ дѣтьми взрослыхъ людей: кормилицы, няньки, прислуги, посторонних лицъ, воспитателей. Раздѣленіе душевныхъ чувствованій на 1) сердечныя, 2) умственно-сердечныя и 3) умственныя.

1. *Виды сердечныхъ чувствованій:* а) удовольствіе и неудовольствіе, б) влеченіе и отвращеніе, в) гнѣвъ и чувство доброты, г) страхъ и чувство смѣлости, д) чувство стыда и чувство самодовольствія.

2. *Умственно-сердечныя чувства:* отсутствіе дѣятельности въ различныхъ его степеняхъ: скука, тоска, апатія.

3. *Виды душевно-умственныхъ чувствованій:* а) чувство различія и сходства, б) чувство умственнаго напряженія, в) чувство ожиданія, г) чувство неожиданности въ двухъ своихъ видахъ: чувство обмана и чувство удивленія, д) чувство сомнѣнія и увѣренности, е) чувство контраста, и ж) чувство успѣха.

При изложеніи каждаго рода чувствованій, должно быть оцѣнено: его значеніе въ жизни вообще и въ дѣтской въ особенности; условія, усиливающія или ослабляющія данное чувство, и затѣмъ изложены педагогическія мѣры въ этомъ отношеніи.

III. *Явленія воли.* Возникновеніе желаній и различные источники ихъ. Процессъ постепенной выработки желаній въ убѣжденія и убѣжденій въ рѣшенія. Переходъ желаній

въ склонности, наклонности и страсти. Исторія образованія человѣческаго характера. Значеніе идеи счастья, значеніе цѣли въ жизни. Важнѣйшія условія человѣческой воли: слабости воли и заблужденія воли. При этомъ спеціально должны быть разсмотрѣны склонность къ лѣни, къ привычкѣ, къ подражанію, къ развлеченію. Зарожденіе и укорененіе этихъ привычекъ въ дѣтяхъ. Здѣсь должны быть изложены и средства противъ лѣности, непослушанія, каприза, а вмѣстѣ съ тѣмъ оцѣнено значеніе педагогическихъ поощреній и взысканій, какъ средствъ противодѣйствія слабой или заблуждающейся волѣ дитяти. Изъ разсмотрѣнія исторіи воли и ея уклоненій сама собою откроется вся важность дѣятельности въ дѣтской жизни, а потому здѣсь у мѣста будетъ изложить всѣ педагогическія мѣры, дающія пищу дѣтскому стремленію къ дѣятельности.

Б. Психическія явленія высшаго разряда, порядка, или явленія духовныя.

Общее понятіе объ этихъ явленіяхъ, и самосознаніе, какъ отличительный ихъ признакъ. Отношеніе самосознанія къ сознанію. Самосознаніе, какъ источникъ разума. Самосознаніе или разумность, какъ общій корень всѣхъ духовныхъ, чисто человѣческихъ явленій. Виды этихъ явленій. I. Даръ слова. II. Чувство художественное. III. Чувство нравственное. IV. Чувство религіозное.

I. *Даръ слова.* Физіологическія и психическія основанія дара слова. Важное значеніе языка въ умственномъ развитіи человѣка и дитяти въ особенности. Развитіе языка въ человѣчествѣ. Логическая и историческая связь языковъ.

Отношеніе языка къ логикѣ. Развитіе языка въ индивидѣ и въ особенности у дѣтей. Значеніе языка для индивида и въ особенности для дитяти. Условія благопріятствующія и условія противодѣйствующія развитію языка въ дѣтяхъ. Оцѣнка въ этомъ отношеніи различныхъ вліяній. Педагогическія мѣры, способствующія правильному и обширному развитію дара слова въ дѣтяхъ. Вліяніе изученія иностранныхъ языковъ на знаніе своего собственнаго.

II. *Чувство художественное.* Его психическія и физіологическія основы. Его проявленія въ музыкѣ, живописи, ваяніи, поэзіи, любви къ природѣ и человѣку. Условія способствующія и условія противодѣйствующія развитію художественнаго чувства. Поэтическій элементъ въ воспитаніи. Оцѣнка различныхъ поэтическихъ произведеній въ ихъ вліяніи на душу дитяти. Вліяніе занятій искусствами и въ особенности музыкой и живописью на общее развитіе и душевное настроеніе дѣтей.

III. *Чувство нравственное.* Психическія основы нравственнаго чувства и двѣ формы его: 1) индивидуальное нравственное чувство, или чувство правды и справедливости; 2) общественное нравственное чувство, или чувство нравственное въ тѣсномъ смыслѣ.

1. *Чувство права и справедливости.* Его психическія основы въ чувствѣ личности и въ чувствѣ равенства личностей передъ закономъ совѣсти.

Исторія чувства права и справедливости въ дѣтской душѣ. Оцѣнка въ этомъ отношеніи вліяній окружающей среды и обращенія взрослыхъ съ ребенкомъ. Вліяніе обращенія дѣтей между собою. Воспитательныя мѣры для укорененія въ ребенкѣ чувства права и справедливости.

*

2. *Нравственное чувство въ тѣсномъ смыслѣ.* Его психическія основы въ сознаніи свободы воли, слѣдовательно смѣняемости поступковъ, въ стремленіи къ самоусовершенствованію. Совѣсть, какъ мѣрило собственнаго совершенства. Исторія развитія нравственнаго чувства въ дѣтяхъ. Жизненныя условія и воспитательныя мѣры въ ихъ вліяніи на развитіе и подавленіе нравственнаго чувства. Важное значеніе этого чувства въ жизни человѣка. Педагогическія мѣры для правильнаго его развитія. Мѣры, возбуждающія подавленное нравственное чувство.

IV. *Чувство религіозное.* Психическія основы стремленія къ Божеству. Стремленіе это врождено каждой человѣческой душѣ. Исторія развитія этого чувства въ душѣ человѣка. Условія, способствующія и противодѣйствующія развитію религіознаго чувства. Его уклоненія съ нормальнаго пути; вредныя послѣдствія такихъ уклоненій. Педагогическія мѣры для правильнаго развитія религіознаго чувства.

Преподаваніе Закона Божія предоставлено въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ духовнымъ лицамъ, а потому преподаватель общей педагогики долженъ ограничиться только изложеніемъ мѣръ правильнаго развитія вообще религіознаго чувства.

Дидактика.

Понятіе о дидактикѣ. Ея психологическія основанія. Ея важное значеніе. Раздѣленіе дидактики на общую и частную.

I. *Общая дидактика.* Общее понятіе объ обученіи. Ученіе, какъ средство воспитанія. Практическія цѣли уче-

нія. Два различные вида ученія: а) ученіе пассивное посредствомъ преподаванія; б) ученіе активное посредствомъ собственнаго опыта. Относительное значеніе каждаго, ихъ необходимая связь въ каждомъ ученіи. Преподаваніе въ тѣсномъ смыслѣ слова. Необходимыя условія каждаго преподаванія: 1) Своевременность, 2) Постепенность, 3) Органичность, 4) Постоянство, 5) Твердость усвоенія, 6) Ясность, 7) Самодѣятельность учащагося, 8) Отсутствіе чрезмѣрной напряженности и чрезмѣрной легкости, 9) Нравственность, 10) Полезность.

Общая организація ученья. Необходимость плана. Его правильность и практичность. Два главные метода преподаванія и ученья: 1) методъ синтетическій, 2) методъ аналитическій. Особенная приложимость того или другого метода къ разнымъ предметамъ изученія. Необходимость ихъ соединенія во всѣхъ предметахъ. Правильная организація знаній, какъ результатъ соединенія обоихъ методовъ.

Пріемы преподаванія: 1) пріемъ *догматическій*, или предлагающій. Предложеніе предметное и предложеніе словесное. Необходимыя условія того и другого. 2) Пріемъ *сократическій*, или спрашивающій. 3) Пріемъ *эвристическій*, или дающій задачи. Правила задачъ. 4) Пріемъ *акроаматическій*, или излагающій. Правила изложенія. Особенная приложимость этихъ пріемовъ по возрастамъ и пріемамъ ученья. Необходимость ихъ соединенія въ каждомъ преподаваніи.

II. *Частная дидактика.* Предметъ частной дидактики. Ея значеніе. Измѣненіе правилъ общей дидактики различными предметами преподаванія.

1) Занятія, предшествующія каждому ученію. Подробное изложеніе Фребелевской методы и педагогическая оцѣнка ея значенія. 2) Обученіе грамотѣ. Различные способы. Педагогическая ихъ оцѣнка. 3) Обученіе родному языку и его грамматикѣ. 4) Обученіе первоначальной ариѳметикѣ и геометріи. 5) Обученіе первоначальному естествознанію. 6) Обученіе географіи. 7) Обученіе исторіи. 8) Первоначальное обученіе искусствамъ: чистописанію, рисованію, музыкѣ и пѣнію.

При изложеніи дидактики каждаго отдѣльнаго предмета слѣдуетъ знакомить слушательницъ съ лучшими руководствами по этому предмету.

Въ заключеніе преподаватель могъ-бы изложить исторію замѣчательнѣйшихъ педагогическихъ системъ и дать критическій разборъ наиболѣе полезныхъ педагогическихъ сочиненій.

VIII.

О народности въ воспитаніи по Ушинскому.

Основателемъ научной педагогики въ Россіи, К. Д. Ушинскимъ, еще въ 60-хъ годахъ была не только затронута, но и ярко освѣщена одна изъ главнѣйшихъ сторонъ всякаго воспитанія—его *народность*, безъ которой оно всегда будетъ неполно и даже превратно. Обладая глубокимъ философскимъ образованіемъ, онъ обосновывалъ свой взглядъ по этому вопросу на томъ извѣстномъ и несомнѣнно вѣрномъ философско-историческомъ ученіи, по которому каждому народу, а особенно народу историческому, такъ-же свойственна и присуща его собственная народность, какъ каждому отдѣльному человѣку—его собственная личность. Какъ въ стройномъ сочетаніи всѣхъ разнообразныхъ дарованій отдѣльныхъ личностей—въ общемъ выигрываетъ весь народъ, точно такъ-же выигрываетъ и все человѣчество отъ тѣхъ особенностей и дарованій, которыя привноситъ въ него каждый отдѣльный великій народъ. Связь и единство всему этому великому разнообразію сообщаютъ два не менѣе великихъ дѣятеля: *христіанство* и *наука*, которыя имѣютъ

общечеловѣческое значеніе и ведутъ все человѣчество къ конечному совершенству и къ общему счастію, когда міръ Божій водворится на землѣ и когда, въ концѣ концовъ, будетъ «едино стадо и единъ пастырь».

Примѣняя это высокое ученіе къ жизни и воспитанію, Ушинскій совершенно послѣдовательно требуетъ уваженія ко всякой народности и горячо ратуетъ за самостоятельность и народность нашего русскаго воспитанія, которое въ преобразовательную пору 60-хъ годовъ особенно круто ломали и передѣлывали по разнымъ западнымъ образцамъ. Точнаго опредѣленія чисто русскихъ народныхъ началъ и особенностей въ нашей семейной и общественной жизни, въ нашихъ нравахъ и обычаяхъ и т. д. у Ушинскаго нѣтъ; но у него есть указаніе, гдѣ именно надо искать этихъ, въ значительной степени уже затерянныхъ, русскихъ особенностей—для примѣненія ихъ къ воспитанію. Ихъ надо искать въ *языкѣ*, въ *словесныхъ произведеніяхъ*, въ русскихъ *законахъ* и въ *исторіи*. Это указаніе особенно важно вспомнить именно теперь, когда въ нашемъ обществѣ замѣчается особенный подъёмъ духа, особенное одушевленіе на пользу нашей *сельской* школы; когда и въ ученыхъ собраніяхъ, и въ печати, и въ земствахъ, и въ правительственныхъ учрежденіяхъ ведутся оживленные споры о томъ, чѣмъ именно должна быть русская сельская и вообще начальная школа, отъ правильной постановки которой такъ много зависитъ будущность и всего русскаго народа въ совокупности.

Становясь на точку зрѣнія Ушинскаго, наша начальная школа должна быть прежде всего *народна*, т.-е. вѣрна языку народа, его кореннымъ законамъ и его исторіи, чтобы народъ не считалъ ея чуждою, навязанною; чтобы она

удовлетворяла его міросозерцанію, его бытовымъ и жизненнымъ потребностямъ, его преданіямъ изъ прошлаго и его надеждамъ въ будущемъ. Но таковою-же, по мнѣнію Ушинскаго, должна быть и всякая другая русская школа, таковымъ-же и все русское воспитаніе,—иначе оно, лишенное народныхъ началъ, всегда будетъ пагубно, даже не смотря на самыя благія цѣли, положенныя въ его основаніе.

Какъ высоко ставитъ Ушинскій народность, какъ единственное и незамѣнимое жизненное начало въ развитіи народа въ обширномъ смыслѣ этого слова, а не однихъ «лапотниковъ», видно изъ слѣдующихъ выдержекъ изъ его блестящей статьи по занимающему насъ вопросу: «Чувство народности,—говоритъ онъ,—такъ сильно въ каждомъ, что, при гибели всего святого и благороднаго, оно гибнетъ послѣднее. Взяточникъ, подтачивающій какъ червь силы своей родины, сочувствуетъ ея славѣ и ея горю. Въ злодѣѣ, въ которомъ потухли всѣ благородныя человѣческія чувства, можно еще доискаться любви къ отечеству: поля родины, ея языкъ, ея преданія и жизнь никогда не теряютъ непостижимой власти надъ сердцемъ человѣка!». И однако,—добавимъ мы,—какъ у многихъ въ нашемъ обществѣ эта священная искра уже почти потухла подъ гнетомъ чужой, иногда совершенно внѣшней и ложной образованности,—потухла настолько, что народный языкъ, народныя преданія и вѣрованія представляютъ нѣчто настолько грубое и пошлое, что передъ передѣлкой и даже уничтоженіемъ ихъ не стоитъ стѣсняться!.. *)

---

*) Какъ строго относился Ушинскій къ порчѣ языка иностранщиной, можно видѣть изъ его замѣтокъ на нашу собственную статью, приведенныхъ ниже въ «Приложеніи первомъ».

«Удивительно-ли послѣ этого,—продолжаетъ Ушинскій,—что воспитаніе, созданное *самимъ народомъ* и основанное на *народныхъ началахъ*, имѣетъ ту воспитательную силу, которыхъ нѣтъ въ самыхъ лучшихъ началахъ, заимствованныхъ у другого народа?» «Народность является единственнымъ источникомъ жизни народа въ исторіи. Только въ силу особенностей *своей идеи*, вносимой въ исторію, народъ и является въ ней историческою личностью. Каждому народу (особенно-же великому,—добавимъ мы) суждено играть въ исторіи свою особую роль, и если онъ забылъ эту роль, то долженъ удалиться со сцены: онъ болѣе не нуженъ. Народъ безъ народности—тѣло безъ души, которому только и остается подвергнуться закону разложенія и уничтожиться въ другихъ тѣлахъ, сохранившихъ свою самобытность».

«Если народность,—продолжаетъ Ушинскій,—является единственнымъ источникомъ жизни государства, то, само собою разумѣется, что и отдѣльные члены его могутъ почерпать силы для своей общественной дѣятельности только въ этомъ источникѣ. *Какимъ-же образомъ общественное воспитаніе*, одно изъ важнѣйшихъ отправленій общественной жизни, посредствомъ котораго новыя поколѣнія связываются общею духовною жизнью съ поколѣніями отживающими, *можетъ отказаться отъ народности?*» На этотъ столь прямо и рѣшительно поставленный Ушинскимъ вопросъ мы только и должны отвѣтить: «Не можетъ!» и при этомъ откровенно сознаться, что у насъ и до сихъ поръ нѣтъ той истинной *народной* школы, которой онъ такъ убѣдительно и такъ горячо требовалъ. У насъ нѣтъ русской школы, выработанной собственнымъ опытомъ, приноровлен-

ной къ собственнымъ народнымъ нуждамъ и потребностямъ, удовлетворяющей наклонностямъ и дарованіямъ именно русскаго юношества, однимъ словомъ – нѣтъ той школы и того воспитанія, какихъ требовали наши собственные русскіе педагоги: Пироговъ, Ушинскій, Стоюнинъ, Корфъ и др. У насъ «народною» школою называется только «мужицкая» школа, которую можно было-бы гораздо точнѣе назвать «*начальной*» — по примѣру французской école primaire; у насъ нѣтъ «народныхъ» учителей, кромѣ деревенскихъ бѣдняковъ-тружениковъ, и самое названіе «народный» унижено до того, что иной учитель гимназіи обидится, если это названіе примѣнятъ къ нему или къ его школѣ. Намъ, или многимъ изъ насъ, хочется быть только европейцами, и по языку, и по нравамъ и обычаямъ, и по взглядамъ и понятіямъ, и по облику, и по устройству общественнаго и семейнаго воспитанія, отчасти французскаго, отчасти нѣмецкаго, отчасти англійскаго и меньше всего—русскаго. Народность для многихъ изъ насъ не нужна и даже противна: мы предоставляемъ ее—«мужикамъ и бабамъ».

Говоря о требованіяхъ Ушинскаго, признающаго народность единственнымъ жизненнымъ условіемъ *всякой* школы и *всякаго* воспитанія, а слѣдовательно и нашего русскаго, нельзя не вспомнить другого, и притомъ совершенно самостоятельнаго русскаго педагогическаго писателя—*В. Я. Стоюнина*, возстававшаго противъ внѣшней подражательности и противъ обезличиванія русскаго юношества какъ во времена Екатерины Великой, такъ и до послѣдняго времени. «Формы перенесть намъ было легко,—говоритъ онъ по поводу подражательныхъ опытовъ Бецкаго,—но какія-же силы могли перенести духъ, одушевляющій эти формы?

Онъ принадлежитъ народу и обществу и составляетъ ихъ народность; безъ него же формы быстро мертвѣютъ и обращаются въ утомительную, пустую формальность. Въ воспитаніи, при всемъ его *общечеловѣческомъ* направленіи (по Ушинскому, это—христіанство и наука,—напомнимъ мы), непремѣнно должна быть частица своей народности, *которая и составляетъ всеоживляющій духъ*». По поводу нашихъ гимназій, уставы которыхъ посылали на провѣрку европейскимъ ученымъ педагогамъ при министерѣ Головнинѣ, Стоюнинъ въ своей прекрасной статьѣ «*Чего не досказали намъ нѣмецкіе педагоги*», объясняетъ, что эти народные дѣятели, столь почтенные среди собственнаго народа, не договорили намъ, что переносить можно только внѣшнее устройство, а не духъ школы и не одушевленіе ея дѣятелей, знавшихъ нужды и потребности своего народа, и потому умѣвшихъ удовлетворить имъ. Полагаясь на совѣты другихъ, мы сами не можемъ, не желаемъ, не умѣемъ или даже не догадываемся приспособить наши среднія школы къ нашимъ собственнымъ народнымъ потребностямъ, вовсе неизвѣстнымъ самымъ умнѣйшимъ и честнѣйшимъ иностранцамъ. «До сихъ поръ,—заключаетъ Стоюнинъ,—наше воспитаніе только отрывало насъ отъ народа, а не сближало съ нимъ, и *онъ уже давно пересталъ понимать насъ, а мы—его*».

Но, можетъ быть, эти отчизнолюбивыя воззрѣнія на значеніе народности въ школѣ и въ воспитаніи принадлежатъ только нашимъ «народникамъ», которымъ эта честная и самоотверженная проповѣдь причиняла одни горести и страданія? Не даромъ-же ихъ произведенія, которыми мы такъ гордимся здѣсь сегодня, и которыя, по нашему убѣж-

денію, составляютъ залогъ величія и нашей будущей школы, и нашего отечества, не всюду и не у всѣхъ находили одобреніе. Можетъ быть, народность вовсе и не нужна великому русскому народу и его школамъ всѣхъ видовъ и разрядовъ? Но вотъ что говоритъ одинъ образованный французъ—*Жюль Лёгра* въ недавно изданной имъ книгѣ «Pays russe». Онъ говоритъ, что въ русскомъ обществѣ, имѣющемъ притязаніе на образованность, онъ замѣтилъ пренебреженіе ко всему русскому и даже къ русскому языку, которому ему такъ хотѣлось выучиться. Одинъ, даже весьма извѣстный, нашъ писатель никакъ не хотѣлъ говорить съ нимъ по-русски и, къ величайшей досадѣ француза, постоянно переходилъ на плохой французскій языкъ, разсказывая ему не о Россіи, которую ему желательно было изучить, а о парижскихъ «бульварахъ». Объѣздивъ всю тогда голодную часть Россіи, близко познакомясь и съ «господами», и съ низшими сословіями, почтенный французъ пришелъ къ выводу, что нашъ такъ-называемый образованный классъ, называющій себя сочиненнымъ словомъ «интеллигентовъ» (т.-е. умниковъ?), совершенно выродился и духовно, и имущественно, и что вся будущность Россіи — въ простомъ народѣ, богато одаренномъ природой и еще не утратившимъ своей самобытности. Впрочемъ, добавляетъ Лёгра,—славянская природа вообще болѣе способна къ подражанію, чѣмъ къ дѣйствительному усвоенію (Les natures slaves sont plus capables d'imitations, que d'assimilations réeles). Какой грустный выводъ, но едва-ли справедливый относительно такихъ убѣжденныхъ проповѣдниковъ, какимъ былъ Ушинскій!..

Въ противоположность французу, столь желающему

возрожденія самобытной, своеобразной русской народности, сѣмена которой еще таятся въ низшихъ народныхъ слояхъ, не затронутыхъ такъ-называемыми «прогрессомъ и цивилизаціей», далеко не соотвѣтствующими тому, что понимается подъ ними на Западѣ, съ его крѣпкими и сильными народностями, нельзя не вспомнить одного извѣстнаго нѣмецкаго педагога Бона-Майера, который, желая сказать что-либо пріятное намъ, русскимъ представителямъ на Лейпцигскомъ педагогическомъ съѣздѣ въ 1865 году, высказалъ горячее пожеланіе и поднялъ стаканъ «за процвѣтаніе нѣмецкой педагогики въ Россіи!» Очевидно, что самостоятельной *русской* школы, о водвореніи которой уже взывалъ Ушинскій, этотъ почтенный нѣмецъ даже и въ мысли не допускалъ...

Итакъ, по Ушинскому школа должна быть народной всюду, гдѣ воспитывается или учится русское юношество, какого-бы то ни было пола, возраста, сословія и состоянія; народными по природѣ и воззрѣніямъ, по духу и языку должны быть всѣ учителя и воспитатели русскаго молодого поколѣнія. Внѣ народности—смерть для школы и для народа, котораго такая школа убиваетъ, а не развиваетъ,—та смерть, которая, съ народной точки зрѣнія, уже коснулась нашего верхняго, отравленнаго ложнымъ воспитаніемъ, слоя общества. Этотъ пока еще тонкій слой, при неразумномъ рвеніи, можетъ отравить и тотъ народъ, трудами, потомъ и кровью котораго онъ вскормленъ и воспитанъ по чуждымъ, а потому и гибельнымъ образцамъ.

Правда, въ простомъ народѣ мы всегда можемъ и рады подмѣтить множество недостатковъ, отъ которыхъ мы, въ своемъ самодовольствѣ, считаемъ себя свободными. Но

Ушинскій и въ этомъ отношеніи даетъ намъ полезный, отрезвляющій насъ урокъ: «Но развѣ народность не нуждается въ исправленіи? — спрашиваетъ онъ,—развѣ нѣтъ народныхъ *недостатковъ*, какъ и народныхъ достоинствъ? Неужели воспитаніе должно укоренять упорство въ англичанинѣ, тщеславіе въ французѣ и т. д. Судить о достоинствахъ и недостаткахъ народа,—отвѣчаетъ онъ самъ,—по нашимъ *личнымъ* понятіямъ о качествахъ человѣка, никто не имѣетъ права. *Какъ-бы высоко ни былъ развитъ отдѣльный человѣкъ, онъ всегда будетъ стоять ниже народа* (подъ народомъ, напомнимъ, онъ понимаетъ то-же, что французы называютъ «nation»). Исторія убѣждаетъ насъ на каждомъ шагу, что понятія наши о достоинствахъ и недостаткахъ неприложимы къ цѣлымъ народностямъ, и часто именно то, что̀ намъ кажется недостаткомъ въ народѣ, является оборотною и необходимою стороною его достоинствъ, условіемъ его дѣятельности въ исторіи».

Такъ неумолимо послѣдователенъ въ своемъ ученіи о народности нашъ незабвенный учитель, самъ глубоко-русскій человѣкъ по крови и убѣжденіямъ, по вкусамъ и привычкамъ, по дарованіямъ и слабостямъ! Въ самомъ дѣлѣ: достоинствами или недостатками мы назовемъ тѣ чисто русскія черты нашего народнаго права, которыя набросалъ графъ А. Толстой въ своемъ извѣстномъ стихотвореніи:

Коль любить—такъ безъ разсудку,
Коль грозить—такъ не на шутку,
Коль ругнуть—такъ сгоряча,
Коль рубнуть—такъ ужъ сплеча!

Коли спорить—такъ ужъ смѣло,
Коль карать—такъ ужъ за дѣло,
Коль простить—такъ всей душой,
Коли пиръ—такъ пиръ горой!

Большинство изъ этихъ чертъ были свойственны и самому нашему учителю—Константину Дмитріевичу.

Почему-же, мм. гг., при всемъ равнодушіи извѣстнаго слоя нашего яко-бы образованнаго общества къ народнымъ началамъ въ школѣ и воспитаніи, книги Ушинскаго, не смотря на всѣ неблагопріятныя условія, разошлись въ такомъ небываломъ у насъ количествѣ? Почему его Антропологія, которая многими учеными даже и прежде не признавалась научной, такъ какъ она не подходила ни подъ одну иностранную систему, тѣмъ не менѣе такъ пришлась по душѣ русскимъ читателямъ? Почему его «Дѣтскій Міръ» и «Родное Слово», выдержавшее болѣе сотни изданій, все глубже и глубже укореняются въ нашей школѣ и въ нашей семьѣ, откуда ихъ и не выкуришь? Тайна этого успѣха заключается не въ однихъ глубокихъ познаніяхъ и блестящихъ дарованіяхъ составителя этихъ книжекъ, но и въ томъ, что онѣ запечатлѣны народнымъ духомъ, что онѣ вылились изъ души чисто русскаго человѣка, беззавѣтно любящаго свой народъ и его молодое поколѣніе. «Тайна сія велика есть», и ее не сразу разгадали наши мудрецы!.. Будучи самъ вполнѣ самостоятельнымъ, изучая все, относящееся къ воспитанію у чужихъ народовъ, и ничему и никому не подражая слѣпо или изъ тщеславія, Ушинскій требовалъ такой-же самостоятельности и отъ нашихъ педагоговъ и отъ ихъ трудовъ на пользу русской школы и русскаго воспитанія. Вотъ его главнѣйшія положенія по занимающему насъ вопросу:

1) Общей системы народнаго воспитанія для всѣхъ народовъ не существуетъ не только на практикѣ, но и въ теоріи, и германская педагогика не болѣе, какъ теорія нѣмецкаго воспитанія.

2) У каждаго народа своя особенная національная система воспитанія, а потому заимствованіе однимъ народомъ у другого воспитательныхъ системъ является невозможнымъ.

3) Опытъ другихъ народовъ въ дѣлѣ воспитанія есть драгоцѣнное наслѣдіе для всѣхъ, но точно въ томъ-же смыслѣ, въ которомъ опыты всемірной исторіи принадлежатъ всѣмъ народамъ. Какъ нельзя жить по образцу другого народа, какъ-бы заманчивъ ни былъ этотъ образецъ, точно такъ-же нельзя воспитываться по чужой педагогической системѣ, какъ-бы ни была она стройна и хорошо обдумана. Каждый народъ въ этомъ отношеніи долженъ пытать собственныя силы.

4) Наука не должна быть смѣшиваема съ воспитаніемъ. Она обща для всѣхъ народовъ; но не для всѣхъ народовъ и не для всѣхъ людей составляетъ цѣль и результатъ жизни.

5) Общественное воспитаніе не рѣшаетъ само вопросовъ жизни и не ведетъ за собою исторіи, но слѣдуетъ за нею. Не педагогика и не педагоги, но самъ народъ и его великіе люди прокладываютъ дорогу въ будущее: воспитаніе только идетъ по этой дорогѣ и, дѣйствуя заодно съ другими общественными силами, помогаетъ идти по ней отдѣльнымъ личностямъ и новымъ поколѣніямъ.

Остальныя положенія Ушинскаго о значеніи народности въ общественномъ воспитаніи уже приведены въ прекрасной рѣчи П. Ф. Каптерева.

Пожелаемъ-же отъ души, чтобы эти завѣты нашего родного писателя-педагога чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе переходили изъ книги въ убѣжденіе, а изъ убѣжденія — въ жизнь

нашей семьи и школы. Пойдемъ-же дружно по пути, указанному намъ дорогимъ учителемъ,—дорогимъ для насъ нисколько не менѣе, чѣмъ Коменскій для чеховъ, Ж. Ж. Руссо для французовъ, Песталоцци и Дистервегъ для нѣмцевъ, Локкъ или Спенсеръ для англичанъ. Ушинскій—это нашъ, дѣйствительно, *народный* педагогъ *) точно такъ-же, какъ Ломоносовъ—нашъ народный ученый, Суворовъ—нашъ народный полководецъ, Пушкинъ—нашъ народный поэтъ, Глинка—нашъ народный композиторъ; къ сонму ихъ исторія сопричтетъ и нашего незабвеннаго учителя и создателя истинно *русской* школы и истинно *русскаго* воспитанія въ ихъ уже близкомъ и—Богъ дастъ!—блестящемъ будущемъ!..

Л. Модзалевскій.

---

*) Почти то-же самое было высказано нами болѣе 30-ти лѣтъ тому назадъ, въ прощальной рѣчи Ушинскому, который въ 1864 году пріѣзжалъ въ Петербургъ ради перваго изданія своего «Родного Слова». Рѣчь приведена въ «Приложеніи второмъ». *Л. М.*

Приложеніе первое.

Замѣтки К. Д. Ушинскаго, относящіяся къ чистотѣ русскаго языка.

Въ «Педагогическомъ Сборникѣ» за 1865 годъ была напечатана статья Л. Н. Модзалевскаго «Введеніе въ изученіе педагогики». К. Д. Ушинскій прислалъ эту статью ея составителю съ слѣдующими поправками и замѣчаніями, направленными противъ мудреныхъ иностранныхъ словъ, щегольство которыми тогда только еще входило въ моду, въ ущербъ чистотѣ и общедоступности русскаго языка:

	исправлено:
1) *гарантируя* дѣтей	предохраняя
2) намъ слѣдуетъ *оріентироваться* въ этой наукѣ	разсмотрѣть, на сколько эта наука
3) нѣтъ *эквивалента*	противовѣса
4) *регулировать* мысль	направлять
5) для педагога важны не столько *quod* и *quantum* знанія, сколько *quomodo* его усвоенія	ту же мысль можно передать чисто по русски
6) психологія отдѣлилась отъ умозрительной *трансцендентальной* философіи	выпустить (иностр. слово)
7) потворствовало всякому *обскурантизму* и *рутинерству*	Это выраженіе надо измѣнить такъ, чтобы не встрѣтилось необходимости прибѣгать къ ино-

	странному« діалекту»; употребляю иностранное слово, чтобы сдѣлать вамъ удовольствіе
8) христіанство *санктировало* ихъ	утвердило (?)
9) онъ излагаетъ *sine ira et studio*	не всѣ читатели знаютъ по латыни
10) прочный *базисъ*	прочное основаніе
11) не *рефлексируя* о собственномъ дѣтствѣ	не размышляя, не думая, забывая
12) *интернатъ*	закрытое заведеніе
13) *tabula rasa... комбинируетъ*	сказать по-русски
14) *микрокосмъ*, какъ вѣрный отпечатокъ макрокосма	объяснить по-русски
15) *аффектировать* на одну изъ душевныхъ способностей	Это нѣсколько затемняетъ самую мысль; надо подобрать равнозначущее русское слово, напр.: воздѣйствовать, или др.
16) школа есть *суррогатъ* семьи	по-русски
17) *ходегетика*	ученіе о нравственности
18) школа *формируетъ* понятіе о долгѣ	образуетъ, развиваетъ
19) психологія сумѣла *мотивировать*	выяснить
20) *традиція...эксплуатація*	по-русски

Общее замѣчаніе К. Д. Ушинскаго въ концѣ статьи: «Вообще мнѣ кажется, что употреблять иностранныя слова можно только какъ *необходимое зло*, и что если русскіе писатели будутъ часто прибѣгать къ нимъ, не давая себѣ труда подумать надъ оборотомъ чистой русской рѣчи, то нашъ *русскій* языкъ *нескоро еще выработается*».

К. У.

Приложеніе второе.

Прощальная рѣчь Л. Н. Модзалевскаго, сказанная имъ на товарищескомъ обѣдѣ въ честь К. Д. Ушинскаго въ сентябрѣ 1864 года.

Глубокоуважаемый

Константинъ Дмитріевичъ!

Позвольте мнѣ въ нѣсколькихъ словахъ, но отъ души, выразить Вамъ тѣ мысли и чувства, которыя просятся наружу и которыя, конечно, раздѣлитъ со мною каждый изъ присутствующихъ. Я буду говорить особенно свободно. Между Вами и нами въ настоящее время нѣтъ никакихъ служебныхъ отношеній, и мнѣ нечего бояться, чтобы въ моей рѣчи могъ послышаться хотя малѣйшій принужденный звукъ: въ ней будетъ одна голая правда.

Скоро Вы покидаете насъ, нашъ дорогой, нашъ уважаемый Константинъ Дмитріевичъ, и поспѣшите къ Вашей милой семьѣ, заботамъ о которой посвящена теперь Ваша жизнь. Скоро прекратятся между нами непосредственныя отношенія, порвется внѣшняя связь, но—не связь внутренняя, которая прочна и не зависитъ ни отъ времени, ни отъ пространства. Она прочна, потому что

основана на началахъ чисто нравственныхъ: на уваженіи къ Вамъ, какъ къ человѣку, гражданину и педагогу, на сочувствіи къ одушевляющимъ Васъ идеямъ, столь настойчиво проводимымъ Вами въ жизни.

Въ просвѣщенной Вашей дѣятельности, которую мы близко знаемъ, Вы всегда служили высочайшимъ общечеловѣческимъ идеямъ — идеѣ *свободы*, въ предѣлахъ того идеала, который Вы выработали съ помощію науки и опыта, идеѣ *истины* и идеѣ *добра*, — служили безъ страха и упрека, — и Ваше слово не расходилось съ дѣломъ. Будучи рѣдкимъ *семьяниномъ* и нѣжно заботясь о благѣ своихъ близкихъ, Вы сумѣли остаться и рѣдкимъ *гражданиномъ*, не стремясь ни къ почестямъ, ни къ внѣшнимъ отличіямъ. Вы не смѣшали идеала семейнаго съ идеаломъ гражданскимъ, и разныя приманки, столь опасныя для тщеславія, не заглушили въ Васъ желанія служить прежде всего своимъ завѣтнымъ цѣлямъ — наукѣ и обществу, служить честно, до самоотверженія. Святое чувство человѣческаго достоинства, сознаніе собственной личности не заглохли въ Васъ среди житейскихъ бурь; напротивъ: они еще болѣе развились въ Васъ до высшей степени, до полной самостоятельности. Эту самостоятельность не убила въ Васъ даже всеподавляющая, всесильная у насъ, на Руси, нѣмецкая наука. Будучи основательно знакомы съ нею и безпрерывно продолжая ея изученіе, Вы остались, прежде всего, Русскимъ человѣкомъ и, по отношенію къ общей нашей школьной дѣятельности — чисто *русскимъ педагогомъ*; сказалъ-бы: *первымъ* чисторусскимъ педагогомъ, если-бы не боялся задѣть Вашу скромность.

Еще недавно непонятый и оскорбляемый на родинѣ разными завистниками и каверзниками, зараженными однимъ своекорыстіемъ, а потомъ — проведя мирно два года на чужбинѣ, Вы, тѣмъ не менѣе, пребыли вѣрны себѣ и своему гражданскому долгу. Вы не только не отчуждались отъ родины, но еще крѣпче, еще сознательнѣе полюбили ее; Вы не сдѣлались ни «космополитомъ», ни порицателемъ и хулителемъ, какихъ у насъ не мало и дома, не впали въ безнадежное отчаяніе, — ибо Вы черпали силу и вѣру не извнѣ, а изнутри, изъ глубины собственной души. Въ послѣдніе два года Вы честно работали на пользу нашего юношества, и въ своей литературной дѣятельности спустились до азбуки, или вѣрнѣе — *поднялись* на самую высоту педагогической науки и педагогическаго творчества. Послѣ всего этого мы еще болѣе узнали Васъ и, разставаясь нынѣ съ Вами, смѣло можемъ высказать увѣренность, что Вы и впредь будете продолжать служить дѣлу русскаго воспитанія, при свѣтѣ науки и опыта. Мы впередъ знаемъ, что, заѣхавъ въ чужую даль, Вы часто будете съ любовью обращаться къ родинѣ, гдѣ есть горсть людей, которые вполнѣ понимаютъ Васъ и зорко, съ любовію слѣдятъ за Вашей просвѣщенной дѣятельностію. Вашу русскую душу конечно обласкаетъ, но едвали удовлетворитъ та чужая, хотя и прекрасная страна, куда Вы спѣшите по одной печальной необходимости:

Хоть и тепло чужое море,
Хоть и красна чужая даль, —
Не имъ развѣять наше горе,
Размыкать русскую печаль!

Поѣзжайте-же съ Богомъ, нашъ дорогой и уважаемый К. Д., коли ужъ такъ нужно, но возвращайтесь къ намъ скорѣе, какъ только позволитъ Вамъ здоровье. Мы опять встрѣтимся съ Вами такъ-же задушевно, какъ теперь разстаемся,—только грустное чувство смѣнится радостью... И такъ, до радостнаго свиданія, и—чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше!...

IX.

Мысли К. Д. Ушинскаго

о воспитательно-образовательномъ значеніи

родной природы и рóднаго слова.

Милостивыя государыни и милостивые государи!

Въ предшествующихъ рѣчахъ выяснены взгляды К. Д. Ушинскаго на воспитательное значеніе того или другого воздѣйствія человѣка на ребенка, воздѣйствія на дѣтей со стороны родителей, воспитателей, товарищей и школы. Несомнѣнно, воздѣйствіе воспитывающей среды на воспитываемое дитя имѣетъ существенное значеніе; тѣмъ не менѣе оно—не исключительно. Есть еще факторы, могучія силы, безконечно-глубоко всегда и во всякія эпохи вліявшія на воспитаніе молодыхъ поколѣній. Это — родная природа, среди которой растетъ и мужаетъ дитя, и родной языкъ, на которомъ оно учится мыслить, подъ вліяніемъ котораго слагается весь внутренній міръ человѣка, и на которомъ онъ привыкаетъ выражать этотъ міръ. Это—исконные наши воспитатели. Впечатлѣнія родной семьи, родной среды и родной природы, нашедшія полное выраженіе въ родномъ словѣ,

вотъ тѣ воспитывающія силы, которыя такъ могуче дѣйствовали на юные дѣтскіе умы и сердца во всѣ эпохи человѣческаго существованія. Школа со всей ея внушительною обстановкою—порожденіе эпохи, уже вполнѣ культурной; но та школа, та дисциплина ума, которую представляетъ наша родная рѣчь, неизмѣнно существовала всегда, во всѣ вѣка. Мать-природа давала дѣтскому уму безконечный рядъ впечатлѣній самыхъ разнообразныхъ, свѣтлыхъ и темныхъ, радостныхъ и тяжелыхъ, плѣнительныхъ и ужасающихъ, и, отражаясь въ умѣ человѣка, они сохранялись въ безконечно богатой сокровищницѣ нашего духа—въ родномъ словѣ, и оно являлось могучимъ воспитателемъ дѣтскаго ума, помимо воли дитяти, даже помимо во́ли воспитателя, сказалъ бы я: такъ-же стихійно, какъ сама природа.

Воспитательное значеніе природы какъ въ развитіи отдѣльной личности, такъ и цѣлаго народа—общепризнанный нынѣ фактъ какъ психологіей, такъ и исторіей. Египтяне, вавилоняне, фаникіяне, арабы, греки въ древности, и въ наше время—англичане, голландцы, скандинавы, наконецъ, мы, русскіе,—развѣ всѣ эти народы не представляютъ разительнаго свидѣтельства, какіе глубокіе слѣды налагаетъ окружающая человѣка природа на весь складъ народной жизни? Такія же яркія иллюстраціи можно было бы привести и изъ жизни отдѣльныхъ личностей, отличающихся мощнымъ характеромъ, душу которыхъ воспитали мощныя впечатлѣнія природы. Классическая древность мало сознавала эту истину, хотя чѣмъ древнѣе эпоха, тѣмъ глубже зависимость человѣка отъ природы. Новѣйшее время говоритъ о значеніи природы съ особенной настойчивостью: Руссо въ Европѣ, а у насъ Левъ Толстой

особенно глубоко запечатлѣли эту мысль въ нашемъ сознаніи.

Какъ разительный примѣръ, мнѣ приходитъ на мысль личность нашего Ломоносова, этого титана въ исторіи русскаго просвѣщенія, пытливый умъ и несокрушимый характеръ котораго всецѣло воспитался подъ разительными впечатлѣніями природы нашего крайняго сѣвера.

К. Д. Ушинскій въ своемъ дѣтствѣ тоже много былъ обязанъ впечатлѣніямъ окружавшей его счастливой природы Малороссіи, о чемъ онъ такъ поэтически самъ говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ. Выросъ К. Д. въ Новгородъ-Сѣверскѣ. Родная его усадьба, съ большимъ тѣнистымъ садомъ, была расположена на концѣ города, на высокомъ берегу р. Десны, живописно изрытомъ оврагами. Уединеніе въ саду, прогулки по берегу рѣки, жизнь на лонѣ природы— съ какимъ увлеченіемъ вспоминаетъ обо всемъ этомъ К. Д. уже въ поздніе годы своей жизни. Я позволю себѣ привести здѣсь слѣдующую поэтическую страницу изъ его писемъ:

«Боже мой! Сколько перемечталось на этомъ прекрасномъ берегу Десны — восклицаетъ онъ—на этихъ кручахъ, нависшихъ надъ рѣкой! какъ оживлялась и наполнялась впечатлѣніями жизнь моя, когда приближалась весна! Я слѣдилъ за каждымъ ея шагомъ, за каждой малѣйшей перемѣной въ борьбѣ зимы и лѣта. Тающій снѣгъ, чернѣющій ледъ рѣки, расширяющіяся полыньи у берега, проталины въ саду, земля, проглядывавшая тамъ и сямъ изъ-подъ снѣга, прилетъ птицъ, оживающій лѣсъ, шумно бѣгущіе съ горъ ручьи — все было предметомъ моего страстнаго, недремлющаго вниманія, и впечатлѣнія бытія переполняли душу мою! Но вотъ и снѣгу болѣе нѣтъ, и непріятная нагота деревьевъ

въ саду замѣнилась со всѣхъ сторонъ манящими таинственными зелеными глубинами, вотъ и вишни брызнули молокомъ цвѣтовъ, зарозовѣли яблони, каштанъ поднялъ и распустилъ свои красивые султаны, и я бѣжалъ каждый разъ изъ гимназіи домой, какъ будто меня ждало тамъ и Богъ невѣсть какое сокровище. И въ самомъ дѣлѣ, развѣ я не былъ страшнымъ богачемъ, милліонеромъ въ сравненіи съ дѣтьми, запертыми въ душныхъ стѣнахъ столичнаго пансіона. Какія впечатлѣнія могутъ быть даны въ замѣнъ этихъ живыхъ, сильныхъ, воспитывающихъ душу впечатлѣній природы? Послѣ уже будетъ поздно пользоваться ими, когда сердце утратитъ свою дѣтскую мягкость, а разсудокъ станетъ между человѣкомъ и природой».

Такъ говорилъ о воспитательномъ значеніи природы авторъ «Дѣтскаго Міра», книги, по которой, какъ уже было разъяснено сегодня, воспитывались милліоны русскихъ дѣтей, и по этой книгѣ учились понимать и любить окружающій насъ Божій міръ.

«Зовите меня варваромъ въ педагогикѣ,—продолжаетъ Ушинскій,—но я вынесъ изъ впечатлѣній моей жизни глубокое убѣжденіе, что прекрасный ландшафтъ имѣетъ такое огромное воспитательное вліяніе на развитіе души дитяти, съ которымъ трудно соперничать вліянію педагога; что день, проведенный ребенкомъ среди рощъ и полей, когда его головой овладѣваетъ какой-то упоительный туманъ, въ теплой влагѣ котораго раскрывается все молодое сердце для того, чтобы беззаботно и безсознательно впитывать въ себя мысли и зародыши мыслей, потокомъ льющіеся изъ природы, что такой день стоитъ многихъ недѣль, проведенныхъ на учебной скамьѣ».

Мы не имѣемъ отдѣльной работы К. Д. Ушинскаго, спеціально посвященной разработкѣ этой темы; но вся педагогическая дѣятельность Ушинскаго, литературная и практическая, свидѣтельствуетъ, какъ глубоко онъ понималъ и цѣнилъ значеніе природы въ дѣлѣ воспитанія молодыхъ поколѣній.

Какъ инспекторъ Смольнаго института, онъ стремился (на сколько возможно было для того времени) пріотворить для дѣтей двери этого закрытаго заведенія, дать дѣтямъ больше свободы хоть изрѣдка подышать роднымъ воздухомъ, погрѣться на родномъ солнышкѣ, воспринять впечатлѣнія родныхъ полей, лѣсовъ и холмовъ. Какъ организаторъ учебнаго плана преподаваемыхъ въ школѣ предметовъ, онъ выдвигалъ на подобающее мѣсто природовѣдѣніе и землевѣдѣніе, чуждыя дотолѣ школѣ или стоявшія совсѣмъ на послѣднемъ планѣ.

Какъ авторъ «Дѣтскаго Міра», книги для дѣтскаго чтенія, онъ половину книги наполнилъ прекраснымъ содержаніемъ, относящимся къ этимъ именно предметамъ знанія. Какъ человѣкъ науки, онъ въ лучшіе годы жизни съ особеннымъ увлеченіемъ изучалъ труды Карла Риттера, послужившіе цѣннымъ вкладомъ для его міросозерцанія.

Словомъ, педагогъ-философъ Ушинскій глубже очень многихъ другихъ спеціалистовъ понималъ значеніе природы въ дѣлѣ воспитанія и ратовалъ за то, чтобы поставить питомца лицомъ къ лицу съ родной природой, дать широкій доступъ ея благотворному вліянію на душу дитяти.

Впечатлѣнія внѣшней природы всецѣло отражаются на духовной природѣ человѣка, общества, народа; а духовная природа человѣка находитъ самое полное выраженіе для себя въ родномъ словѣ, въ произведеніяхъ родной словесности. Создается эта богатая сокровищница народнаго духа вѣками, цѣлыми рядами поколѣній. Изъ нея черпаютъ въ свою очередь грядущія поколѣнія неисчислимыя богатства для своего развитія, черпаютъ безъ тяжелаго труда, пользуясь ими, какъ даромъ свыше.

Ушинскій, какъ талантливый антропологъ, прекрасно понималъ это высоко-образовательное значеніе родного языка, и онъ блестяще развилъ свои мысли въ статьѣ подъ заглавіемъ «Родное слово», помѣщенной въ «Журналѣ Министерства Народнаго просвѣщенія». Подъ вліяніемъ тѣхъ же мыслей, которыя были выражены въ этой статьѣ, К. Д. принялся впослѣдствіи за изданіе книги для дѣтей «Родное Слово», въ которой такъ блестяще выполнилъ свою задачу. К. Д. Ушинскій съ такимъ глубокимъ пониманіемъ вопроса, съ такимъ талантомъ и поэтическимъ увлеченіемъ излагаетъ свои мысли въ указанной статьѣ о значеніи родного языка, и мысли эти имѣли такое рѣшительное значеніе въ его педагогической дѣятельности, что здѣсь даже вовсе неумѣстно было бы передавать вдохновенную рѣчь Ушинскаго своими словами,— и мы выслушаемъ его самого. Вотъ его слова:

«Языкъ народа—лучшій, не увядающій и вновь распускающійся цвѣтъ всей его духовной жизни, начинающейся далеко за границами исторіи. Въ языкѣ одухотворяется весь народъ и вся его родина, въ немъ претворяется творческою силою народнаго духа въ мысль, въ картину и звукъ небо отчизны, ея воздухъ, ея физическія явленія, ея кли-

мать, ея поля, горы и долины, ея лѣса и рѣки, ея бури и грозы,—весь тотъ глубокій, полный мысли и чувства голосъ родной природы, который говоритъ такъ громко въ любви человѣка къ его иногда суровой родинѣ, который иногда высказывается такъ ясно въ родной пѣснѣ, въ родныхъ напѣвахъ, въ устахъ народныхъ поэтовъ. Но въ свѣтлыхъ прозрачныхъ глубинахъ народнаго языка отражается не одна природа родной страны, но и вся исторія духовной жизни народа. Поколѣнія народа проходятъ одно за другимъ, но результаты жизни каждаго поколѣнія остаются въ языкѣ,—въ наслѣдіе потомкамъ. Въ сокровищницѣ родного слова складываетъ одно поколѣніе за другимъ плоды глубокихъ сердечныхъ движеній, плоды историческихъ событій, вѣрованія, воззрѣнія, слѣды прожитого горя и прожитой радости,—словомъ, весь слѣдъ своей духовной жизни на родъ бережно сохраняетъ въ народномъ словѣ. Языкъ есть самая живая, самая обильная и прочная связь, соединяющая отжившія, живущія и будущія поколѣнія народа въ одно великое, историческое живое цѣлое. Онъ не только выражаетъ собою жизненность народа, но есть именно самая эта жизнь. Когда исчезнетъ народный языкъ—народа нѣтъ болѣе!—И нѣтъ насилія болѣе тяжелаго, какъ то, которое желаетъ отнять у народа наслѣдство, созданное безчисленными поколѣніями его отжившихъ предковъ. Отнимите у народа все—и онъ все можетъ воротить; но отнимите языкъ—и онъ никогда болѣе уже не создастъ его; новую родину даже можетъ создать народъ, но языка—никогда; вымеръ языкъ въ устахъ народа—вымеръ и народъ».

«Являясь, такимъ образомъ, полнѣйшею и вѣрнѣйшею лѣтописью всей духовной, многовѣковой жизни народа,

языкъ въ то же время является величайшимъ народнымъ наставникомъ, учившимъ народъ тогда, когда не было еще ни книгъ, ни школъ, и продолжающимъ его учить до конца народной исторіи. Усваивая родной языкъ, легко и безъ труда, каждое новое поколѣніе усваиваетъ въ то-же время плоды мысли и чувства тысячи предшествовавшихъ ему поколѣній, давно истлѣвшихъ въ родной землѣ. Все—что видали, все—что испытали, все— что перечувствовали и передумали эти безчисленныя поколѣнія предковъ, передается легко и безъ труда ребенку, только что открывающему глаза на міръ Божій, и дитя, выучившись родному языку, вступаетъ уже въ жизнь съ необъятными силами. Не условнымъ звукамъ только учится ребенокъ, изучая родной языкъ, но пьетъ духовную жизнь и силу изъ родимой груди родного слова. Оно объясняетъ ему природу, какъ не могъ бы объяснить ее ни одинъ естествоиспытатель; оно знакомитъ его съ характеромъ окружающихъ его людей, съ обществомъ, среди котораго онъ живетъ, съ его исторіей и его стремленіями; оно вводитъ его въ народныя вѣрованія, въ народную поэзію; оно, наконецъ, даетъ такія логическія понятія и философскія воззрѣнія, которыхъ, конечно, не могъ бы сообщить ребенку ни одинъ философъ».

«Ребенокъ, развитіе котораго не было извращено насильственно, въ пять или шесть лѣтъ, по большей части, говоритъ уже очень бойко и правильно на своемъ родномъ языкѣ. Но подумайте, сколько нужно знаній, чувствъ, мыслей, логики и даже философіи, чтобы говорить такъ на какомъ-нибудь языкѣ, какъ говоритъ неглупое дитя лѣтъ шести или семи на своемъ родномъ. Тѣ очень ошибаются, кто думаетъ, что въ этомъ усвоеніи ребенкомъ родного

языка дѣйствуетъ только память: никакой памяти недостало бы для того, чтобы затвердить не только всѣ слова какого-нибудь языка, но даже всѣ возможныя сочетанія этихъ словъ и всѣ ихъ видоизмѣненія;—нѣтъ, если бы изучали языкъ одною памятью, то никогда бы вполнѣ не изучили ни одного языка. Языкъ, созданный народомъ, развиваетъ въ духѣ ребенка способность, которая создаетъ въ человѣкѣ слово и которая отличаетъ человѣка отъ животнаго—развиваетъ его духъ. Вы замѣчаете, что ребенокъ, желая выразить свою мысль, въ одномъ случаѣ употребляетъ одно выраженіе, въ другомъ другое, и невольно удивляетесь чутью, съ которымъ онъ подмѣтилъ необычайно тонкое различіе между двумя словами, повидимому очень сходными. Могло-ли бы это быть, если бы ребенокъ, усваивая родной языкъ, не усваивалъ частицы той творческой силы, которая дала возможность народу создать языкъ?»

«Но этотъ удивительный педагогъ—родной языкъ, не только учитъ многому, но и учитъ удивительно легко, по какому-то недосягаемо-облегчающему методу.—Мы успокаиваемъ себя обыкновенно фразою, что ребенокъ говоритъ на родномъ языкѣ, такъ себѣ, безсознательно; но эта фраза ровно ничего не объясняетъ. Усваивая родной языкъ, ребенокъ усваиваетъ не одни только слова, ихъ сложенія и видоизмѣненія, но безконечное множество понятій, возрѣній на предметы, множество мыслей, чувствъ, художественныхъ образовъ, логику и философію языка, — и усваиваетъ легко и скоро, въ два-три года столько, что̀ и половины того мы не можемъ усвоить въ двадцать лѣтъ прилежнаго и методическаго ученія. Таковъ этотъ великій народный педагогъ—родное слово».

Въ приведенномъ здѣсь отрывкѣ съ такою полнотою и силою выраженъ взглядъ Ушинскаго на воспитательно-образовательное значеніе родного слова, что трудно прибавить къ сказанному что-либо въ разъясненіе.

Понятно, что только авторъ, способный такъ глубоко понимать и такъ вдохновенно говорить о великомъ значеніи родного слова, только онъ могъ быть безсмертнымъ авторомъ и тѣхъ книжекъ «Родного Слова», милліоны экземпляровъ котораго, не смотря на всѣ невзгоды, сослужили лестную службу въ дѣлѣ толковаго насажденія грамотности въ средѣ русскаго народа, скажу искренно—тѣхъ книжекъ «Родного Слова», что̀ и понынѣ составляютъ гордость и славу нашей русской учебной литературы.

Я исчерпалъ свою тему, но къ сказанному здѣсь до меня другими о «Родномъ Словѣ» Ушинскаго я позволю себѣ все-таки прибавить еще нѣсколько словъ, именно—о 3-емъ годѣ «Родного Слова», представляющемъ руководство для занятій грамматикой родного языка.

Преподаваніе русской грамматики въ нашей школѣ и до сихъ поръ составляетъ тяжелую злобу дня. Одни преподаватели готовы вовсе пренебрегать ею, другіе способны безпощадно угнетать этимъ предметомъ юныя головы своихъ учениковъ; послѣдніе же обыкновенно смущаются духомъ при одномъ имени грамматики и, вышедши изъ школы, стараются поскорѣе освободиться отъ всего того грамматическаго хлама, которымъ завалены были ихъ головы въ школѣ. Происходитъ это, главнымъ образомъ, отъ неправильной постановки предмета въ школѣ: отъ неправильно поставленныхъ задачъ и методовъ преподаванія. Господа

грамотеи и до сихъ поръ еще не рѣшаются разстаться съ старыми школьными фантазіями, будто грамматика родного языка въ школѣ служитъ средствомъ, чтобы научить дѣтей правильно говорить и писать на родномъ языкѣ. Ясно, что ходячія понятія подобныхъ грамотеевъ о родномъ словѣ не совсѣмъ сходятся съ высказанными выше взглядами на этотъ предметъ Ушинскаго. Ушинскій понималъ занятія грамматикой родного языка, какъ средство, прежде всего, довести ученика *до сознательнаго отношенія* къ строю родной рѣчи, а затѣмъ уже—и къ вопросамъ правописанія. Усвоеніе же правильной родной рѣчи, развитіе дара слова и навыки къ правильному письму—вовсе не дѣло грамматики, и напрасно къ ея урокамъ пріобщаютъ господа грамотеи упражненія въ склоненіи и спряженіи разныхъ именъ и глаголовъ родного языка, заставляютъ перечислять безчисленные суффиксы или заучивать наизусть предлоги, управляющіе тѣмъ или другимъ, однимъ или двумя падежами, и наполняютъ цѣлые вороха ученическихъ тетрадокъ безсодержательными примѣрами, которые, однако, далеко не способствуютъ закрѣпленію въ памяти учащихся правилъ нашего, надо признаться, довольно путаннаго правописанія. Все это, дѣйствительно, способно очень мало говорить дѣтскому уму и сердцу, способно подчасъ поселить въ немъ даже отвращеніе къ предмету; между тѣмъ Ушинскій говоритъ, что грамматика должна быть первою изъ преподаваемыхъ дитяти наукъ, *очеловѣчивающихъ человѣка*, и должна составлять какъ-бы элементарное введеніе для дальнѣйшихъ его занятій филологіей и психологіей.

«Многія науки — говоритъ онъ—обогащаютъ только сознаніе дитяти; грамматика, разумно преподаваемая, начи-

наетъ развивать самосознаніе человѣка, т. е. именно ту способность, вслѣдствіе которой человѣкъ является человѣкомъ между животными». Очевидно поэтому, что занятія грамматикою не могутъ состоять въ усвоеніи разныхъ схоластическихъ опредѣленій, правилъ и исключеній изъ этихъ правилъ, часто не имѣющихъ ничего общаго съ положительнымъ знаніемъ, что они должны состоять въ осмысленномъ наблюденіи ученика надъ строемъ своей родной рѣчи, а слѣдовательно—можно сказать—въ осмысленномъ самонаблюденіи. Какой же пріемъ для этого избираетъ Ушинскій въ своемъ руководствѣ?

Въ основу занятій съ учащимися онъ ставитъ анализъ рѣчи классической сказки Пушкина «О рыбакѣ и рыбкѣ», отличающейся замѣчательной простотой и изяществомъ. Вниманіе ученика подъ руководствомъ учителя останавливается, при послѣдовательномъ разборѣ каждой фразы, сперва на простѣйшихъ явленіяхъ, и постепенно совершается переходъ къ болѣе сложнымъ. Явленія, подмѣченныя въ строѣ рѣчи Пушкина, учащійся сопоставляетъ съ явленіями обыденной своей разговорной рѣчи, наблюденія сводитъ къ обобщеніямъ, а изъ цѣлаго ряда обобщеній слагается постепенно самимъ же ученикомъ система знаній. Сумма обобщеній постепенно расширяется концентрическими кругами и, начиная съ простѣйшихъ положеній, касающихся синтаксиса и этимологіи, строя устной рѣчи и вопросовъ правописанія, постепенно переходитъ въ полную систему грамматическихъ знаній, приличныхъ элементарному курсу.

Какъ въ подробностяхъ все это должно происходить въ классѣ—здѣсь не мѣсто объ этомъ говорить. Я только еще разъ повторяю, что при такихъ занятіяхъ грамматикой род-

ного языка учащіеся не заучиваютъ по учебнику весь ея матеріалъ и не усваиваютъ даже изъ объясненій учителя, а какъ бы сами строятъ ее, постоянно упражняясь въ анализѣ, сравненіи, обобщеніи и группировкѣ явленій, наблюдаемыхъ въ строѣ рѣчи образцоваго литературнаго произведенія. Кромѣ Пушкина, для дополнительныхъ наблюденій приведено въ книгѣ Ушинскаго еще нѣсколько образцовыхъ басенъ Крылова.

Вотъ на такомъ-то матеріалѣ, на такихъ пріемахъ предлагаетъ Ушинскій упражнять мысль и развивать самосознаніе въ учащихся, и его пріемы для того, кто понимаетъ ихъ, такъ просты, такъ доступны дѣтскому возрасту, а результаты—такъ прекрасны! Ученикъ, прошедшій курсъ грамматики, слѣдуя руководству Ушинскаго, не станетъ похваляться, что онъ забылъ ее на другой же день послѣ окончанія школы: зане она пришла къ нему не извнѣ, не изъ чужихъ словъ, а создана и построена была имъ же самимъ и притомъ съ полнымъ его удовольствіемъ.

Къ сожалѣнію, эта 3-я часть «Родного Слова» оцѣнена нашею школою меньше, чѣмъ первыя двѣ. Успѣшное примѣненіе ея въ школѣ требуетъ отъ преподавателя усвоенія идей Ушинскаго о языкѣ, требуетъ, чтобы учитель, руководящій занятіями учениковъ, стоялъ на высотѣ своего положенія, и самъ смыслилъ бы въ строѣ родной ему рѣчи немножко больше того, что даютъ наши банальные учебники грамматики. Я не хочу этимъ сказать, чтобы багажъ его знаній былъ переполненъ бо́льшимъ количествомъ всякихъ грамматическихъ опредѣленій, правилъ и исключеній, чѣмъ то, которое находится въ этихъ учебникахъ. Надо прежде всего, чтобы учитель трезво понималъ, что цѣль его за-

нятій съ учащимися по изученію грамматики родного языка состоитъ въ развитіи сознательнаго отношенія къ строю родной рѣчи, а не въ изученіи того или другого учебника, не въ исполненіи той или другой казенной программы. Учитель, правильно понимающій руководство Ушинскаго, будетъ преподавать, *слѣдуя* руководству Ушинскаго, а не станетъ *разучивать* книгу Ушинскаго, какъ разучиваютъ нерѣдко другіе учебники.

Надо такимъ образомъ пожелать, чтобы школа наша доросла до правильнаго пониманія преподаванія грамматики родного языка, хотя бы въ той мѣрѣ, какъ это указываетъ 3-й годъ «Родного Слова».

Произведенія истиннаго таланта не бояться ни критики, ни времени. Таковъ трудъ К. Д. Ушинскаго, и намъ подобаетъ чтить его и чувствовать признательность къ человѣку, посвятившему свой крупный талантъ, свой трудъ и свою жизнь на то, чтобы внести побольше свѣта въ вопросы самаго элементарнаго обученія дѣтей. Зато даже грядущія наши молодыя поколѣнія долго будутъ еще помнить имя Константина Дмитріевича Ушинскаго и будутъ поминать его добрымъ русскимъ «спасибо» за его «Родное Слово».

Ю. Цвѣтковскій.

X.

Значеніе К. Д. Ушинскаго

ДЛЯ НАРОДНЫХЪ УЧИТЕЛЕЙ И ШКОЛЪ.

Покойный К. Д. Ушинскій такъ много сдѣлалъ для русской новой народной школы, что было-бы странно, если бы здѣсь сегодня, въ день чествованія его памяти, никто отъ лица народныхъ учителей не выразилъ ему глубокой признательности, а отъ лица учившагося по его книгамъ русскаго народа — сердечнаго спасибо. Чтобы оцѣнить значеніе покойнаго К. Д. Ушинскаго для земской народной школы, — надо знать, чѣмъ была народная школа въ Россіи до освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

Школъ среди крѣпостныхъ крестьянъ, за рѣдкимъ исключеніемъ, совсѣмъ не было; только у крестьянъ государственныхъ имуществъ и удѣловъ кое гдѣ, какъ оазисы среди пустыни, были школы для однихъ мальчиковъ, да и тѣ задавались цѣлью приготовленія грамотныхъ писарей, конторщиковъ, старостъ, сотскихъ и т. п., но вовсе не

имѣли въ виду насажденія грамотности и знанія вообще среди всего населенія, такъ какъ совсѣмъ и не умственное и нравственное развитіе учащихся было цѣлью и заботой тогдашней школы. Дѣвочки въ этихъ школахъ не обучались, и такимъ образомъ крестьянская женщина была обречена на безграмотность.

На бумагѣ, правда, значились тысячами еще церковно-приходскія школы, но въ дѣйствительности число ихъ едва-ли превышало нѣсколько сотенъ.

Грамотность среди крестьянскаго населенія насаждалась главнымъ образомъ случайными захожими грамотеями изъ отставныхъ солдатъ, пьяницами-писарями, выгнанными со службы, а также — черничками и начетчиками у сектантовъ, среди которыхъ преобладала церковная грамотность.

Чтобы охарактеризовать старую, дореформенную школу, я позволю себѣ привести слова покойнаго К. Д. Ушинскаго изъ его «Руководства къ преподаванію по Родному Слову» (часть I).

«Представьте себѣ дитя въ какой-нибудь деревенской трущобѣ, которое играло и рѣзвилось цѣлый день подъ вліяніемъ всеразвивающей природы, безпрестанно двигалось, ощущало, думало, по-дѣтски конечно, изобрѣтало то то, то другое, плакало или смѣялось, словомъ, жило всѣмъ своимъ духовнымъ и тѣлеснымъ организмомъ. И вдругъ, вы схватываете это дитя, кидаете его въ душную, мрачную школу стариннаго закала, гдѣ оно прежде всего должно сидѣть смирно, не шевеля ни однимъ членомъ, не думать, не чувствовать, не соображать, не придумывать что-нибудь, не плакать и не смѣяться, даже не глядѣть по сторонамъ;

а пристально, уставившись на букварь, вдалбливать букву за буквой и одинъ безсмысленный слогъ за другимъ. Представьте себѣ, что это дитя чуть свѣтъ отправляется въ школу, выходитъ оттуда ночью и проводитъ такъ, день-за днемъ, два, три, четыре года, въ періодъ сильнѣйшаго развитія организма, не имѣя другихъ ощущеній, кромѣ страха получить побои и получая дѣйствительно колотушки въ голову,—и вы поймете, почему наши грамотники-крестьяне, по большей части, показываютъ менѣе природнаго ума и развитія, чѣмъ тѣ, которые развивались свободно, внѣ стѣнъ школы, подъ вліяніемъ природы и жизни; поймете, почему между нашими простонародными грамотниками и писарями такъ часто встрѣчаются люди страшно тупые и въ то же время безнравственные. Но одно ли это вы поймете? Вы поймете также, чего желаютъ тѣ люди, которые, съ высоты своего журнальнаго величія, совѣтуютъ оставить нашъ народъ учиться въ такихъ школахъ, у такихъ учителей и по такимъ методамъ».

Вотъ художественно переданная намъ картина старой дореформенной школы. Съ ея названіемъ возникаетъ такое представленіе: пьяница-звѣрь учитель; пришибленныя дѣти, по нѣсколько лѣтъ долбящія безсмысленные склады, ежедневно битыя и еженедѣльно сѣкомыя; плачъ наказываемыхъ; пытка, придуманная въ видѣ мѣшка съ горохомъ, при стояніи на колѣняхъ; смрадное, темное и угарное помѣщеніе, въ которомъ царилъ страхъ и отсутствовало какое-бы то ни было проявленіе любви и уваженія къ личности ребенка.

Малочисленное интеллигентное общество того времени не возмущалось строемъ старой школы, предназначенной

для дѣтей крестьянъ, такъ какъ одинаковые нравы и учебно-воспитательные пріемы царили и въ школахъ для дѣтей духовенства, и въ гимназіяхъ, предназначавшихся для дѣтей купцовъ, личныхъ и потомственныхъ дворянъ.

Наступилъ, наконецъ, великій для Россіи день—19 февраля 1861 года. Крѣпостное право пало. Въ сердцахъ лучшихъ людей тогдашняго общества заговорила совѣсть, сталъ мучить стыдъ за невѣжество и поголовную безграмотность родного народа. И вотъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, нерѣдко на барскомъ дворѣ, во флигелѣ, стали открывать народныя школы новаго типа, впервые совмѣстныя для мальчиковъ и дѣвочекъ. Образованныя дѣвушки шли въ учительницы, оставляя родную семью, иногда порывая съ нею даже родственныя связи. Образованная молодежь несла народу свою любовь, свои знанія и способности, нравственно побуждаемая къ тому сознаніемъ долга. Городская же интеллигентная молодежь учила во вновь открывшихся тогда воскресныхъ школахъ. Безкорыстною дѣятельностью этой молодежи, отдававшейся всею душою школѣ, была вызвана общественная симпатія къ послѣдней; одно названіе—«школа» стало чѣмъ-то священнымъ, дорогимъ и находило откликъ въ чуткомъ, честномъ сердцѣ. Такъ какъ въ началѣ 60-хъ годовъ учительскихъ семинарій въ Россіи вовсе не было, то именно эти піонеры и положили начало новой народной школѣ. Будущій безпристрастный историкъ народнаго образованія въ Россіи оцѣнитъ ихъ святой порывъ и отведетъ имъ подобающее мѣсто въ дѣлѣ развитія нашей народной школы.

Крестьянинъ, сдѣлавшись свободнымъ человѣкомъ, пожелалъ хотя-бы дѣтей своихъ сдѣлать грамотными, и, при

помощи школы, проложить имъ путь къ свѣту и знанію. Поэтому, типъ вновь создаваемой школы сталъ болѣе и болѣе привлекать народныя симпатіи. Съ учрежденіемъ же земства, «новая народная школа» стала предметомъ особенной его заботы, общественною обязанностью по отношенію всѣхъ сословій и обоихъ половъ населенія.

Съ возникновеніемъ новой народной школы, естественно предсталъ вопросъ: чему и какъ учить крестьянскихъ дѣтей въ этой школѣ?

Если и теперь, спустя 35 лѣтъ по возникновеніи школы, этотъ вопросъ вызываетъ разногласіе въ интеллигенціи, прессѣ и земствѣ, то тогда, когда только еще вырабатывался типъ русской народной школы, дать на него положительный отвѣтъ было даже невозможно. Забракованная старая школа, временъ крѣпостничества, съ ея суровымъ и грубымъ строемъ, не могла помочь разрѣшенію поставленнаго вопроса.

Огромное большинство лицъ, заинтересованныхъ судьбою новой школы, обратилось за разъясненіемъ всѣхъ недоразумѣній къ сосѣднему культурному народу, издавна славящемуся организаціей своей народной школы. И вотъ наша молодая, еще не сформировавшаяся, народная школа вынуждена была переживать на первыхъ порахъ нѣмецкія заимствованія, часто не отвѣчающія духу русскаго народа, не сообразованныя съ возрастомъ учащихся, вообще не согласованныя съ условіями и потребностями нашей жизни. Позаимствованія эти, вдобавокъ еще неправильно истолкованныя, не только бывали смѣшны, но иногда и положительно вредны, когда методы и пріемы обученія, практиковавшіеся въ дѣтскихъ садахъ въ Германіи, цѣликомъ пере-

посились въ наши школы на дѣтей другого возраста и развитія. Но многое изъ позаимствованнаго у нѣмцевъ было и цѣнно, какъ, напримѣръ: звуковой методъ; наглядность въ обученіи; изученіе не только дѣйствій надъ числами, но и самого состава чиселъ; одновременное занятіе одного учащаго съ нѣсколькими отдѣленіями и т. п. Такого рода позаимствованія были полезнымъ пріобрѣтеніемъ нашей новой школы, хотя и здѣсь возможны увлеченія и утрировки. Таковы: занятія съ 6-8 отдѣленіями; изученіе состава отвлеченнаго числа въ ущербъ изученію дѣйствій надъ числами; излишества въ наглядности обученія и т. п. Нѣкоторые изъ дѣятелей по народному образованію пытались рѣшить этотъ вопросъ самостоятельно. Таковы попытки графа Л. Н. Толстого въ его Ясной Полянѣ, Рачинскаго и др. Главнымъ же бѣдствіемъ новой школы было отсутствіе подходящей дѣтской книги для класснаго чтенія.

Словомъ, наша новая школа на первыхъ порахъ послѣ своего возникновенія шла ощупью, неувѣренно, пока въ первой половинѣ 60-хъ годовъ не появилось «Родного Слова» К. Д. Ушинскаго и его же «Руководства къ преподаванію по Родному Слову». Послѣдняя книга была какъ-бы педагогическимъ *откровеніемъ* для народныхъ учителей, которые не выработали еще опредѣленнаго взгляда на задачи народной школы.

Посмотримъ, что это за книга? Какіе новые учебно-воспитательные завѣты внесла она въ жизнь новой народной школы, и почему до сихъ поръ остается дорогою книгою для народнаго учителя?—Въ этомъ небольшомъ трудѣ покойнаго К. Д. Ушинскаго, сдѣлавшемъ его имя незабвеннымъ для русской народной школы, содержатся слѣдующія

основныя положенія правильно организованной начальной школы:

«Школа для малолѣтнихъ дѣтей тогда только хороша, когда она вполнѣ проникнута семейнымъ характеромъ и болѣе похожа на семью, чѣмъ на школу».

«Первоначальное обученіе открывается не однимъ, но нѣсколькими предметами: наглядное обученіе, письмо, рисованіе, дѣтскія работы, чтеніе, счетъ, библейскіе разсказы, пѣніе и гимнастика—смѣняютъ другъ друга и поддерживаютъ въ ребенкѣ тѣлесную и душевную бодрость и свойственную этому возрасту веселость».

«Задача первоначальнаго обученія—сдѣлать для ребенка серьезное занятіе занимательнымъ. Но надо помнить, что не все можетъ быть занимательнымъ въ ученьи, а непремѣнно есть скучныя вещи, и должны быть. Пріучите же ребенка дѣлать не только то, что его занимаетъ, но и то, что не занимаетъ,—дѣлать ради удовольствія исполнить свою обязанность. Съ первыхъ же уроковъ пріучайте дитя полюбить свои обязанности и находить удовольствіе въ ихъ исполненіи».

«Дѣти въ школѣ должны по возможности трудиться самостоятельно, а учитель долженъ руководить этимъ самостоятельнымъ трудомъ и давать для него матеріалъ».

«Дѣти должны любить, но не бояться учителя. Если дѣти полюбятъ учителя, то классная дисциплина въ его рукахъ».

«Страхъ принуждаетъ дѣтей не только къ несвойственному, но и вредному для нихъ положенію: къ неподвижности, классной скукѣ и лицемѣрію».

«Въ школьной скукѣ скрывается источникъ множества

дѣтскихъ проступковъ: шалостей, лѣни, капризовъ, отвращенія отъ ученья, хитрости, лицемѣрія, обмановъ и тайныхъ грѣховъ. Уничтожьте школьную скуку — и вся эта смрадная туча, приводящая въ отчаянье педагога, отравляющая свѣтлый потокъ дѣтской жизни, исчезнетъ сама собою».

«Школа должна быть организована такъ, чтобы награды и наказанія въ ней сдѣлались-бы ненужными».

«Все школьное ученье и вся школьная жизнь должны быть проникнуты разумнымъ, религіознымъ и нравственнымъ элементомъ. Въ школѣ должна царствовать серьезность, допускающая шутку, ласковость, справедливость, доброта, порядокъ и, главное, постоянная разумная дѣятельность. Тогда добрыя чувства и стремленія сами собою разовьются въ дѣтяхъ».

Ограничиваясь перечисленіемъ этихъ основныхъ положеній изъ «Руководства» К. Д. Ушинскаго, сожалѣю, что не могу въ данномъ случаѣ остановиться на этой замѣчательной книгѣ, каждая строка которой оставляетъ неизгладимый слѣдъ въ сердцѣ и совѣсти учащаго.

Таковы завѣты, положенные покойнымъ К. Д. Ушинскимъ въ основу новой школы. Каждое его слово согрѣто горячею любовью къ ребенку и свидѣтельствуетъ о признаніи за нимъ его человѣческаго достоинства. Перечисленныя основныя положенія начальной школы отвѣчаютъ на вопросы: «чему и какъ учить ребенка?» Каково-бы ни было соціальное положеніе ребенка, онъ прежде всего — человѣкъ, и, слѣдовательно, прежде всего надо развивать въ немъ заложенныя природою способности, удовлетворять его любознательность и воспитывать его волю и чувство въ смыслѣ человѣчности. Этой цѣли вполнѣ удовлетворяютъ соста-

вленныя К. Д. Ушинскимъ книги для класснаго чтенія: «Родное Слово» въ трехъ частяхъ и «Дѣтскій Міръ» въ двухъ частяхъ.

Позволю себѣ привести еще одну выдержку изъ «Руководства къ Родному Слову» К. Д. Ушинскаго, въ которой его любовь и гуманное отношеніе къ ребенку выразились съ особенною очаровательностью:

«Задавать дѣтямъ внѣклассные уроки—говоритъ, напримѣръ, Ушинскій—въ этотъ возрастѣ (7-10 лѣтъ) положительно вредно. Припомнимъ только себѣ, сколькихъ слезъ и мученій стоили каждому изъ насъ эти заданные внѣклассные уроки и какую ничтожную пользу они принесли. Нѣтъ ничего легче для учащихъ, какъ отмѣтить ногтемъ или карандашемъ страницу въ книгѣ и задать ребенку выучить ее къ слѣдующему разу. Но посмотри те, какъ ребенокъ, предоставленный слишкомъ рано самому себѣ, бьется надъ этой мучительной страницей, какъ зубритъ ее безтолково, удесятеряя свой трудъ неумѣньемъ за него взяться, какъ пачкаетъ и тетрадь, и руки, и лицо чернилами, какими горькими слезами обольетъ иную неудающуюся букву, – и вы поймете, откуда иногда берется въ дѣтяхъ отвращеніе къ ученію. Помните, что вы заданнымъ урокомъ испортили ребенку не только то время, когда онъ сидѣлъ за нимъ, но испортили ему цѣлый вечеръ, а можетъ быть — и цѣлый день, и что играя онъ блѣднѣетъ и вздрагиваетъ, вспоминая залитую чернилами страницу или невыученныя строки».

Я ограничусь здѣсь общимъ замѣчаніемъ, что перечисленныя мною начала, завѣщанныя покойнымъ К. Д.

Ушинскимъ, были чужды старой дореформенной школѣ. Они вошли только въ строй новой школы, стали ея душею и, что всего важнѣе, проникли въ сердца учащихъ, такъ что дѣйствительное проведеніе ихъ въ повседневную школьную жизнь стало уже для послѣднихъ нравственно обязательнымъ. Если въ дореформенной школѣ царили страхъ, безсмысленное долбленіе и пассивность, то характерными чертами новой школы должно признать: *любовь*, *сознательность и самодѣятельность*.

Значитъ современная наша народная школа лучшими своими сторонами обязана покойному К. Д. Ушинскому, а слѣдовательно — ему-же обязано и народное образованіе у насъ въ Россіи. То обстоятельство, что покойный К. Д. Ушинскій заимствовалъ главныя общія правила первоначальнаго обученія у нѣмцевъ, преимущественно же — у швейцарцевъ, нисколько не умаляетъ его значенія и заслугъ для русской народной школы. Эти главныя начала *общечеловѣчны*, такъ что вовсе даже не могутъ носить на себѣ слѣдовъ какой-бы ни было національности. Для нашей народной школы было важно то, что К. Д. Ушинскій привилъ ей эти начала, вдохнулъ въ нее жизнь, заставилъ проникнуться ими учебно-административныя сферы и сдѣлалъ невозможнымъ возвратъ къ дореформенной старой школѣ. Что же касается его книгъ «Родного Слова» и «Дѣтскаго Міра», предназначенныхъ для класснаго чтенія, то онѣ вполнѣ *родныя* намъ книги, знакомящія ребенка съ разнообразіемъ русской природы, съ условіями быта русскаго крестьянства, съ обстановкою и духовными интересами русской интеллигентной семьи, съ русскою исторіей и географіей Россіи. Если бы К. Д. Ушинскій ничего болѣе не написалъ, кромѣ «Родного Слова»

и «Дѣтскаго Міра», то и тогда имя его было бы священно для русской народной школы и увѣковѣчено въ исторіи русской педагогіи.

Если бы отъ меня потребовали категорическаго, безпристрастнаго отвѣта на вопросъ: представляетъ-ли современная земская школа осуществленіе всѣхъ завѣтовъ, преподанныхъ намъ К. Д. Ушинскимъ,—я отвѣтилъ-бы: *нѣтъ*. Но это отнюдь не доказываетъ ихъ безжизненности, теоретичности и недостижимой идеальности.

Я не свалю всю вину за это только на внѣшнія обстоятельства, хотя они немаловажны и немалочисленны. Укажу, для примѣра, на недостаточность довѣрія къ учащимъ, на узкость учебной программы, на скудость каталога класснаго чтенія, на затрудненія въ открытіи повторительныхъ и воскресныхъ школъ, на крайне плохой подборъ чтеній съ фонаремъ, на недостаточность подготовки, даваемой учительскими семинаріями, наконецъ—на переполненіе школъ учащимися, на убожество и нищенское существованіе нашихъ народныхъ школъ. Всѣ эти условія, препятствующія правильному росту школъ, существовали и существуютъ до сихъ поръ; но не ими одними слѣдуетъ объяснить сравнительную малоуспѣшность нашихъ школъ, или точнѣе—то именно, что онѣ до сихъ поръ еще далеки отъ идеала школы, завѣщаннаго намъ покойнымъ К. Д. Ушинскимъ. Большая доля отвѣтственности лежитъ на насъ, учащихъ. Воспринять идею и осуществить ее въ жизни—не одно и то-же. Если для перваго нужно умственное развитіе, то для второго, кромѣ того, нужна и нравственная выдержка, образцовъ которой мы, учащіе, не видимъ вокругъ себя. Не надо при этомъ упускать изъ виду, что на должности учащихъ

поступаютъ въ огромномъ большинствѣ лица съ цензомъ, не превышающимъ средняго образованія, а то и еще менѣе. Но при всемъ томъ успѣхъ земской школы не подлежитъ сомнѣнію, и начала, завѣщанныя намъ К. Д. Ушинскимъ, все болѣе и болѣе проникаютъ въ школьный строй, дѣлая народныя школы дорогими для учащихся дѣтей, желанными—для населенія и симпатичными—высшимъ интеллигентнымъ общественнымъ слоямъ. Такое завоеваніе общей симпатіи достигнуто только дѣйствительнымъ проникновеніемъ учащихъ тѣмъ идеаломъ школы, который завѣщалъ намъ К. Д. Ушинскій.

Общественныя симпатіи къ земской школѣ проявляются въ ежегодно увеличивающемся числѣ школъ и въ ежегодно возрастающемъ бюджетѣ земствъ на народное образованіе. Въ доказательство завоеванія народной симпатіи, приведу фактъ переполненія земскихъ школъ учащимися. Вовсе не рѣдкость встрѣтить земскую школу съ 100 учащимися, при одномъ учащемъ, причемъ число учащихся дѣвочекъ съ каждымъ годомъ возрастаетъ болѣе и болѣе. А чтобы составить себѣ представленіе, чѣмъ стала новая земская школа въ глазахъ самихъ дѣтей, стоитъ только зайти въ любую школу въ день пріема учащихся. Еще издали, подходя къ школѣ, услышишь громкій плачъ дѣтей, а иногда видишь и утирающихъ слезы матерей. Это плачутъ дѣти, непринятыя въ школу за недостаткомъ мѣстъ. Что-же заставляетъ ихъ плакать? Вѣдь, имъ дана свобода; обезпечены бѣганье и игры на поляхъ и по улицамъ въ воскресные и будніе дни; у нихъ не будетъ заботъ, сопряженныхъ съ хожденіемъ въ школу; при нихъ не будетъ учителя, удерживающаго ихъ отъ шалостей, съ

его призывнымъ голосомъ къ порядку; а между тѣмъ они горько плачутъ, просятъ принять ихъ, бросаются въ ноги и своимъ плачемъ надрываютъ сердце учащаго, не привыкающаго къ такимъ картинамъ, несмотря на многіе годы своего учительства.

Не вѣрно было бы объясненіе, что дѣтей влечетъ въ школу ожидаемая выгода отъ грамотности въ будущемъ: семи-восьмилѣтнему ребенку чуждо представленіе о будущей выгодѣ. Льготными же свидѣтельствами при отбываніи воинской повинности не объяснить наплыва дѣвочекъ, да и для мальчиковъ пользованіе этою льготой слишкомъ отдаленно и вовсе не является побудительною причиной. Что же тогда влечетъ дѣтей въ школу? Дѣтей привлекаетъ весь учебный строй школы, ея нравственная атмосфера, ея любовь къ дѣтямъ и забота о духовномъ и физическомъ ростѣ ребенка, разсказы о школѣ учащихся или когда-то учившихся въ ней братьевъ и сестеръ, интересъ школьныхъ занятій, удовлетвореніе умственной любознательности, школьныя игры, прогулки, показываемыя туманныя картины, чтеніе занимательныхъ разсказовъ и проч. Словомъ, ихъ привлекаетъ все большее и большее проникновеніе школы тѣми завѣтами, которые оставилъ намъ въ наслѣдіе К. Д. Ушинскій. Дѣти проводятъ въ школѣ не только учебные утренніе часы, но и вечера, слушая чтеніе разсказовъ, заполняя собою крошечную комнатку учащаго.

Нося въ глубинѣ своего сердца завѣты покойнаго К. Д. Ушинскаго, народный учитель не будетъ одинокимъ, въ какой бы медвѣжій уголъ ни кинула его судьба, въ какой бы отвратительной обстановкѣ ни пришлось ему учить и любить крестьянскаго ребенка. Эти завѣты дадутъ ему силы

работать и переносить матеріальныя лишенія, отсутствіе книгъ и средствъ къ дальнѣйшему самообразованію, несправедливое, а иногда и жестокое отношеніе лицъ, завѣдующихъ школою, удержать его при школѣ, хотя бы ему открывалась и болѣе выгодная профессія. На вопросъ:—«да много-ли такихъ учащихъ?»—я отвѣчу: немало, и чаще ихъ можно встрѣтить въ глухихъ провинціяхъ, удаленныхъ отъ культурныхъ центровъ. Но не будемъ заниматься подсчетомъ героевъ; обратимся къ массѣ учащихъ, къ той арміи просвѣтителей, которая вноситъ хотя слабый свѣтъ въ непроглядную тьму народнаго невѣжества. Что прельщаетъ человѣка съ среднимъ образованіемъ поступить въ учители и что удерживаетъ его въ теченіе многихъ лѣтъ на учительскомъ мѣстѣ? Неужели ежемѣсячное жалованье въ 10—15—20 рублей, да и то часто не выплачиваемое по полугодію? А много-ли земствъ и помѣщиковъ, т. е. хозяевъ школъ, платящихъ больше? Или-же сырая, угарная холодная школа, съ каморкою для учителя? Или то презрительное и, самое большее, снисходительное отношеніе со стороны мѣстной помѣщичьей и служебной среды? А то, быть можетъ, нервное разстройство и потеря голоса, связанныя съ долгимъ учительствомъ, и перспектива голодной смерти въ будущемъ?.. А между тѣмъ контингентъ учащихъ болѣе и болѣе пополняется интеллигентными тружениками, даже съ дипломами высшихъ учебныхъ заведеній. Что же ихъ привлекаетъ въ народную школу? Прежде всего, конечно, сознанный долгъ передъ роднымъ народомъ, затѣмъ увѣренность, что ихъ работа въ школѣ не бумажная, не безплодная работа во имя хорошо оплачиваемаго жалованья, а работа безусловно необходимая для народнаго

блага, проливающая свѣтъ и расчищающая путь къ народному счастью; наконецъ, вѣра, что самъ учащій будетъ нравственно совершенствоваться, работая въ школѣ. Но эта увѣренность можетъ явиться только при такомъ строѣ школы, когда найдутъ себѣ мѣсто завѣты, данные намъ покойнымъ К. Д. Ушинскимъ. И дѣйствительно не мало интеллигентныхъ учителей и учительницъ обрѣли нравственное удовлетвореніе, проводя, по мѣрѣ силъ, эти завѣты въ повседневную жизнь школы, бодро и весело работая въ настоящемъ, не страшась будущаго. Чѣмъ болѣе начала, завѣщанныя намъ К. Д. Ушинскимъ, будутъ проникать въ школу и составлять ея душу, тѣмъ вѣроятнѣе для учащаго приливы нравственнаго подъема духа, едва-ли даже возможные, напримѣръ, при условіи канцелярской дѣятельности.

Для блага народной школы потрудился не одинъ покойный К. Д. Ушинскій. Не мало пролили свѣта, также теперь уже покойные, баронъ Н. А. Корфъ, Резенеръ, Водовозовъ и др. Не умаляя ихъ заслугъ, все-таки первенствующее значеніе въ созданіи нашей народной школы останется за покойнымъ К. Д. Ушинскимъ. Имя К. Д. Ушинскаго не затмится въ памяти народнаго учителя и не вытравится изъ его сердца. Неотъемлемое право на вѣчную память, на народную признательность пріобрѣтено имъ не только составленными книгами для класснаго чтенія, но созданіемъ того типа народной школы, который жилъ, живетъ и будетъ жить въ сердцахъ народныхъ учителей, благодаря тѣмъ великимъ завѣтамъ, которые онъ начерталъ на знамени русской народной школы.

Позволь же выразить тебѣ, великій учитель Русской земли, искреннюю признательность и благодарность отъ лица учащихъ въ народныхъ школахъ и сердечное спасибо отъ учившагося и продолжающаго учиться по твоимъ книгамъ русскаго народа.

В. Я. Аврамовъ.

XI.

К. Д. УШИНСКІЙ

КАКЪ РЕДАКТОРЪ

„Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія“.

Вы выслушали уже, мм. г—ни и г—ри, сегодня цѣлый рядъ докладовъ о жизни и литературно-педагогической дѣятельности незабвеннаго К. Д. Ушинскаго, и ваше вниманіе должно быть уже значительно утомлено всѣмъ тѣмъ, что читалось здѣсь въ теченіе слишкомъ трехъ часовъ. Но несомнѣнно, что всѣми прочитанными здѣсь докладами далеко не исчерпана вся педагогическая и литературно-педагогическая дѣятельность К. Д. Восполнить всѣ пробѣлы въ характеристикѣ чисто-педагогической и литературно-педагогической дѣятельности К. Д. сегодня-же не представляется уже никакой возможности. На мою долю выпала не совсѣмъ благодарная, по своей второстепенности, задача—охарактеризовать К. Д., какъ редактора «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія», которымъ онъ состоялъ въ 1860 и 1861 годахъ.

«Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія», издающійся съ 1834 г. *), непосредственно передъ назначеніемъ редакторомъ его К. Д. Ушинскаго (въ маѣ 1860 г.), редактировался извѣстнымъ профессоромъ и ученымъ А. В. Никитенко и носилъ по преимуществу научный характеръ, которымъ отличался этотъ журналъ и за всѣ послѣдующіе годы, особенно съ тѣхъ поръ, какъ въ 1891 г. редакторомъ его назначенъ былъ нашъ знаменитый ученый и академикъ В. Г. Васильевскій.

Программа «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія» до Ушинскаго была такова. Отдѣлъ I-й, какъ при Ушинскомъ, такъ и послѣ него, былъ посвященъ правительственнымъ распоряженіямъ по учебному вѣдомству и носилъ заглавіе—«Дѣйствія Правительства». Отдѣлъ II-й.—Словесность, науки и художества. Отдѣлъ III-й.—Извѣстія объ отечественныхъ ученыхъ и учебныхъ заведеніяхъ. Отдѣлъ IV-й. –Извѣстія объ иностранныхъ ученыхъ и учебныхъ заведеніяхъ. Отдѣлъ V-й.—Исторія просвѣщенія и гражданскаго образованія. Отдѣлъ VI-й. – Обозрѣніе книгъ, газетъ и журналовъ. Отдѣлъ VII-й.—Новости и смѣсь.

Со времени-же назначенія Ушинскаго редакторомъ «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія», характеръ этого изданія рѣзко измѣнился: главное мѣсто въ немъ занялъ отдѣлъ «Педагогика и дидактика», за ко-

*) «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія» началъ издаваться еще гораздо раньше, именно съ 1803 г., подъ названіемъ «Періодическое сочиненіе объ успѣхахъ народнаго просвѣщенія», и первымъ редакторомъ его былъ Н. Я. Озарецковскій. Такъ велось дѣло по 1817 г. Съ 1821 по 1823 годъ журналъ издавался подъ заглавіемъ: «Журналъ Департамента Народнаго Просвѣщенія», а съ 1825 по 1828 годъ подъ названіемъ: «Записки, издаваемыя отъ Департамента Народнаго Просвѣщенія». Только съ 1834 г. журналъ сталъ издаваться подъ названіемъ: «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія».

торымъ слѣдовалъ отдѣлъ—«Вспомогательныя науки», т. е. вспомогательныя по отношенію къ педагогикѣ и дидактикѣ. Въ этомъ второмъ отдѣлѣ печатались статьи, имѣвшія цѣлью знакомить читателей, конечно, преимущественно лицъ, посвятившихъ себя дѣлу преподаванія и воспитанія, съ различными моментами въ исторіи философіи и съ различными вопросами изъ области физіологіи и психологіи. Третій отдѣлъ, отдѣлъ критики и библіографіи, былъ посвященъ разбору сочиненій по педагогикѣ, дидактикѣ, а также учебной литературѣ и обозрѣнію русскихъ журналовъ и газетъ, насколько они касались вопросовъ воспитанія и обученія. Наконецъ, послѣдній IV-ый отдѣлъ, подъ заглавіемъ «Извѣстія и смѣсь», носилъ характеръ интересно и живо составленной педагогической хроники.

Наибольшій интересъ представляли статьи, отнесенныя къ отдѣлу «Педагогика и дидактика». Перечитывая эти статьи, убѣждаешься, что намѣченныя Ушинскимъ темы для разработки отличались такимъ интересомъ и жизненностью, что очень многія статьи, напечатанныя въ 1860 и 1861 гг., до сихъ поръ сохранили живой интересъ и прелесть новизны. Таковы, напримѣръ, статьи: проф. Юркевича—«Матеріализмъ и задачи философіи»; В. Водовозова—«Древніе языки въ гимназіи»; Ф. Толля—«Нѣчто о воспитаніи воображенія у дѣтей»; его-же—«Нѣчто о воспитаніи въ дѣтяхъ чувства»; Н. Лавровскаго—«О педагогическихъ бесѣдахъ въ уѣздныхъ училищахъ».

Большое вниманіе удѣлено было Ушинскимъ ознакомленію своихъ читателей съ состояніемъ и историческимъ развитіемъ народной школы въ Западной Европѣ и въ Америкѣ. Вообще вопросамъ начальнаго обученія въ семьѣ и школѣ было удѣлено весьма значительное вниманіе.

Редактированіе педагогическаго журнала въ то время, когда К. Д. Ушинскій взялся за это дѣло въ качествѣ редактора «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія», представляло особенныя трудности, и нужны были большія редакторскія способности, большое умѣнье и глубокое пониманіе дѣла, чтобы направить его должнымъ образомъ. Организація какъ высшаго, такъ и средняго образованія выдвигала множество еще незатронутыхъ раньше вопросовъ, а начальное народное образованіе было еще въ зачаточномъ состояніи и должно было быть организовано вновь. Поэтому сосредоточиться на одной какой-либо группѣ вопросовъ педагогическому журналу было невозможно. По необходимости приходилось разбрасываться, вмѣсто того, чтобы сосредоточиться на какой-либо одной группѣ вопросовъ.

Затѣмъ, не легко было найти и достаточное число опытныхъ литературныхъ работниковъ по педагогическимъ вопросамъ. Редактору приходилось самому намѣчать всѣ темы для своихъ сотрудниковъ. Несмотря на всѣ эти трудности, Ушинскій сумѣлъ отлично справиться съ своей задачей и поставилъ редактируемый имъ «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія» такъ, что онъ могъ по справедливости считаться въ то время лучшимъ педагогическимъ журналомъ.

Главными сотрудниками Ушинскаго по «Журналу Министерства Народнаго Просвѣщенія» были: Ю. Рехневскій, Ф. Толль, О. Ѳ. Миллеръ, В. И. Водовозовъ, А. Г. Филоновъ, Л. Н. Модзалевскій*), В. В. Игнатовичъ и Д. Д. Семеновъ.

Нѣкоторыя изъ наиболѣе капитальныхъ сочиненій Песталоцци, Дистервега, Карла Шмидта напечатаны были

*) *Левъ Николаевичъ Модзалевскій*, принимавшій столь дѣятельное участіе въ чествованіи 20 и 22-го декабря, скоропостижно скончался въ ночь на 12-ое мая.

Ушинскимъ въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» и притомъ въ совершенно удовлетворительномъ переводѣ. Таковы: сочиненіе Песталоцци «Лингардъ и Гертруда»; «Письма къ матери о физическомъ и духовномъ воспитаніи ея дѣтей», сочиненіе Карла Шмидта и т. п. Даны также въ переводѣ нѣсколько лекцій Куно Фишера объ отношеніи философіи къ исторіи.

Въ приложеніи къ «Журналу Министерства Народнаго Просвѣщенія» давались сочиненія общедоступнаго педагогическаго или-же дидактическаго характера. Таковы: 1) сочиненіе Оскара Гейфельдера—«Дѣтство человѣка», въ переводѣ Свентицкаго; 2) «Начатки дѣтскаго школьнаго обученія», Адольфа Дистервега; 3) «Уроки географіи для младшаго возраста. Приготовительный курсъ. Выпускъ I, Море и воздухъ», Д. Д. Семенова; 4) «Уроки физики. Популярное объясненіе вседневныхъ явленій природы. Выпускъ I», А. Игнатовича.

Но лучшее украшеніе «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія» въ кратковременный періодъ редакторской дѣятельности К. Д. Ушинскаго составляли статьи, принадлежавшія его собственному талантливому перу. Статьи эти слѣдующія: 1) Трудъ въ его психическомъ и воспитательномъ значеніи; 2) О нравственномъ элементѣ въ русскомъ воспитаніи; 3) Воскресныя школы; 4) Проектъ учительской семинаріи; 5) Пятое марта 1861 года; 6) Родное слово; 7) Отвѣтъ на рецензію Толя, появившуюся въ 19-мъ нумерѣ журнала «Учитель» по поводу «Дѣтскаго міра и Хрестоматіи» Ушинскаго. 8) Въ отдѣлѣ «Критика и библіографія» — большая критическая статья: «Психологическія монографіи».

Всѣ поименованныя статьи К. Д. Ушинскаго прежде всего поражаютъ простотою, кристалическою чистотою, ясностью и изяществомъ изложенія. Вамъ бросается въ глаза, уже съ перваго момента по прочтеніи любой статьи его, почти полное отсутствіе иностранныхъ словъ и выраженій, которыми такъ пестритъ современная намъ литературная рѣчь, особенно въ статьяхъ педагогическаго содержанія. Но еще болѣе, чѣмъ мастерское, возвышающееся иногда до художественности изложеніе, васъ подкупаетъ богатое мыслями содержаніе статей Ушинскаго, затрогивающаго въ своихъ статьяхъ самые коренные и захватывающіе душу вопросы воспитанія—нравственнаго, религіознаго, національнаго. Въ каждой статьѣ Ушинскаго, въ каждой страницѣ, вышедшей изъ подъ талантливаго его пера, сквозитъ глубокая мысль и, такъ сказать, сердечная убѣжденность, такъ какъ каждая мысль не только продумана имъ, но и прочувствована.

Говоритъ-ли Ушинскій о воспитательномъ, нравственномъ значеніи труда въ жизни народовъ, отдѣльныхъ сословій и, главнымъ образомъ, отдѣльныхъ личностей, доказывая, что только внутренняя, духовная, животворящая сила труда служитъ источникомъ человѣческаго достоинства, а вмѣстѣ съ тѣмъ—нравственности и счастья; говоритъ-ли онъ о нравственномъ элементѣ въ русскомъ воспитаніи, семейномъ и школьномъ, подчеркивая въ характерѣ нашего простого народа не одинъ лишь патріархальный оттѣнокъ, но и существованіе въ немъ могучихъ задатковъ честной гражданственности и доказывая, что нравственное воспитаніе нашего народа должно быть основано на началахъ народности и народной религіи; ратуетъ-ли Ушинскій за родное слово, вооружаясь всѣми силами про-

тивъ преждевременнаго изученія нашими дѣтьми иностранныхъ языковъ, доказывая, что родное слово—это великій народный педагогъ, научающій ребенка въ два-три года столькому, что и половины того не можетъ онъ усвоить въ 20 лѣтъ прилежнаго и методическаго ученія, доказывая далѣе, что родной языкъ – первый истолкователь и природы, и жизни, и отношеній къ людямъ, та тонкая обнимающая душу атмосфера, черезъ которую ребенокъ все видитъ, понимаетъ и чувствуетъ; и о чемъ-бы другомъ ни говорилъ Ушинскій, вы постоянно чувствуете себя охваченнымъ теченіемъ его идей, вы проникаетесь невольно его душевнымъ паѳосомъ, проникаете вмѣстѣ съ нимъ въ глубь вопроса и чувствуете себя нравственно и умственно приподнятымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ вы проникаетесь глубочайшимъ уваженіемъ къ памяти этого выдающагося педагога, для котораго вопросы воспитанія были самыми глубокими и высокими вопросами жизни, и свѣтлая, идеальная личность Ушинскаго, съ его глубокимъ и даровитымъ умомъ и чистою, какъ кристаллъ, душою, встаетъ передъ вами во весь ростъ; вы чувствуете искреннюю потребность преклониться передъ этимъ человѣкомъ, и вамъ больно, что этого человѣка уже нѣтъ, что безжалостная смерть такъ преждевременно похитила его у насъ.

Чѣмъ-же можемъ мы лучше всего почтить память этого дорогого намъ даровитаго русскаго педагога, такъ энергически и плодотворно потрудившагося на пользу разумнаго воспитанія русскаго юношества и вообще для дѣла народнаго образованія? По нашему крайнему разумѣнію, лучшимъ памятникомъ, который мы могли-бы воздвигнуть памяти нашего великаго педагога, было-бы ходатайство передъ высшею администраціею о возстановленіи покой-

наго С.-Петербургскаго Педагогическаго Общества, однимъ изъ учредителей и дѣятельныхъ участниковъ котораго былъ между многими другими и К. Д. Ушинскій, — того «Педагогическаго Общества», въ которомъ неоднократно раздавалась живая убѣдительная рѣчь его и которое, несмотря на нѣкоторыя слабыя его стороны (да ихъ не чуждо ни одно дѣло рукъ человѣческихъ), принесло въ свое время не мало пользы распространенію среди педагоговъ, да и вообще среди интеллигентнаго петербургскаго общества здравыхъ педагогическихъ идей, благодаря постоянному участію въ засѣданіяхъ Педагогическаго Общества такихъ почтенныхъ педагоговъ, какими были, не считая уже Ушинскаго, П. Г. Рѣдкинъ, А. С. Вороновъ, Н. Х. Вессель, І. И. Паульсонъ, Ѳ. Ѳ. Резенеръ, В. Я. Стоюнинъ, А. Я. Гердъ, А. Н. Острогорскій и многіе другіе, также не мало потрудившіеся на педагогическомъ поприщѣ, дѣятели. Если-бы Педагогическое Общество возродилось, то одною изъ существенныхъ задачъ его дѣятельности должна была-бы быть дальнѣйшая разработка намѣченныхъ К. Д. Ушинскимъ многочисленныхъ вопросовъ изъ области педагогики, дидактики и педагогической антропологіи въ томъ именно духѣ, въ какомъ онъ самъ началъ разрабатывать эти вопросы. И дай Богъ, чтобы выраженное нами желаніе не осталось лишь въ области благихъ пожеланій!..

Я. Гуревичъ.

ПРЕМІЯ

въ память К. Д. Ушинскаго,

учрежденная его семьею.

По окончаніи рѣчи Д. Д. Семенова о «Педагогическихъ идеяхъ К. Д. Ушинскаго», предсѣдателемъ собранія, директоромъ Педагогическаго Музея, генералъ-маіоромъ А. Н. Макаровымъ, было прочитано слѣдующее, полученное имъ въ тотъ день, заявленіе:

«Семья покойнаго Константина Дмитріевича Ушинскаго, принося искреннюю благодарность всѣмъ, почтившимъ его память, покорнѣйше просить принять отъ нея скромную лепту въ *шесть тысячъ рублей*, изъ процентовъ съ которыхъ могла бы быть учреждена премія, назначаемая, чрезъ каждые *три* года, за лучшее сочиненіе по дѣлу народнаго образованія въ Россіи.

«Покорнѣйше просимъ Учебно-воспитательный Комитетъ Музея выработать, по соглашенію съ нами, проектъ «положенія», который, вмѣстѣ съ деньгами въ государственныхъ процентныхъ бумагахъ, и будетъ представленъ нами въ Музей для представленія этого дѣла на утвержде-

ніе правительства въ общеустановленномъ закономъ порядкѣ, если только со стороны начальства Музея не встрѣтится препятствій къ исполненію этой нашей просьбы по вышеизложенному предмету».

По прочтеніи этого, директоръ Педагогическаго Музея обратился къ собранію съ разъясненіемъ, что практическое осуществленіе изложеннаго въ «Заявленіи» желанія семьи Ушинскаго требуетъ, прежде всего, выработки *Положенія о преміи*, а потомъ—и утвержденія такого положенія въ установленномъ порядкѣ. Затѣмъ директоромъ Музея была выражена семьѣ Ушинскаго «глубочайшая благодарность отъ имени Учебно-воспитательнаго Комитета за то высокое довѣріе, какое она оказала ему, и за предоставленіе Педагогическому Музею возможности хотя немного поработать для увѣковѣченія памяти достойнаго К. Д. Ушинскаго».

Въ указанныхъ видахъ, была составлена особая коммисія, которая, посвятивъ этому дѣлу рядъ засѣданій, выработала, наконецъ, слѣдующій проектъ «*Положенія о преміи Константина Дмитріевича Ушинскаго*», представленный на утвержденіе:

«1) Изъ процентовъ на капиталъ въ шесть тысячъ рублей, въ Государственныхъ процентныхъ бумагахъ, переданный на вѣчныя времена Педагогическому Музею военно-учебныхъ заведеній семьею Константина Дмитріевича Ушинскаго, учреждается премія его имени за лучшее сочиненіе по народному образованію въ Россіи.

«2) Премія можетъ быть присуждаема за выдающіеся по своимъ достоинствамъ педагогическіе труды слѣдующихъ родовъ:

а) Книги для класснаго чтенія, предназначаѣмыя для народныхъ школъ (сельскихъ, городскихъ, воскресныхъ и т. п.), какъ обще-образовательнаго, такъ равно и литературнаго, историческаго, географическаго или естественно-историческаго содержанія.

б) Сочиненія, обнимающія методику всѣхъ предметовъ начальной народной школы, или группы предметовъ и наконецъ—одного какого либо предмета,

в) Сочиненія обще-педагогическаго характера: по исторіи народнаго образованія въ Россіи, по исторіи движенія педагогическихъ идей въ Россіи, по организаціи русской народной школы, и т. п.; и г) по исторіи и организаціи женскаго образованія въ Россіи.

Примѣчаніе. Усмотрѣнію Учебно-воспитательнаго Комитета Педагогическаго Музея предоставляется, руководясь указаніями опыта, объявлять конкурсъ на сочиненія всѣхъ четырехъ родовъ или только нѣкоторыхъ.

«3) Премія, начиная съ 1898 года, присуждается каждые три года ко дню годовщины смерти К. Д. Ушинскаго, 21 декабря, и составляется изъ процентовъ, накопившихся въ теченіе истекшихъ трехъ лѣтъ, какъ съ основного капитала, такъ и тѣхъ приращеній къ нему, которыя могутъ образоваться изъ новыхъ пожертвованій на эту же премію, и отъ причисленія къ капиталу невыданныхъ очередныхъ премій.

Примѣчаніе 1-е. Лицамъ, разсматривавшимъ представленныя на конкурсъ сочиненія и давшимъ о нихъ мотивированное мнѣніе, могутъ быть выдаваемы медали.

Примѣчаніе 2-е. Рецензіи премированныхъ сочиненій печатаются въ отчетахъ Педагогическаго Музея.

«4) Премія можетъ быть присуждаема лишь въ полномъ размѣрѣ.

Примѣчаніе. Въ случаѣ дальнѣйшаго увеличенія капитала можетъ быть присуждаемо и нѣсколько премій.

«5) Присужденіе преміи и медалей производится въ засѣданіи Учебно-воспитательнаго Комитета Педагогическаго Музея. Комитету этому предоставляется право приглашать для разсмотрѣнія представленныхъ на конкурсъ сочиненій и къ участію въ засѣданіяхъ по присужденію преміи съ правомъ голоса необходимое число лицъ, содѣйствіе которыхъ будетъ признано имъ полезнымъ.

«6) Засѣданіе Комитета по присужденію преміи К. Д. Ушинскаго считается состоявшимся при участіи въ немъ не менѣе 12 лицъ, имѣющихъ право голоса. Рѣшенія принимаются по большинству двухъ третей голосовъ. Протоколъ о присужденіи преміи подписывается всѣми лицами, участвовавшими въ засѣданіи, и включается въ ежегодный отчетъ о дѣятельности Музея.

Примѣчаніе. Учебно-воспитательный Комитетъ Педагогическаго Музея своевременно публикуетъ во всеобщее свѣдѣніе, какъ о программѣ конкурса, такъ и о присуждаемыхъ преміяхъ.

«7) Конкурсу подлежатъ сочиненія, какъ рукописныя, представленныя для этой цѣли въ Педагогическій Музей, такъ и печатныя, вышедшія въ свѣтъ со времени послѣдняго конкурса на данный родъ сочиненій.

Примѣчаніе. Къ первому конкурсу представляются печатныя произведенія, вышедшія въ послѣдніе три года.

«8) Рукописи, представляемыя на конкурсъ, доставляются въ Педагогическій Музей не позже 1-го мая того

года, въ который назначенъ конкурсъ. Онѣ должны быть написаны на русскомъ языкѣ и четкимъ почеркомъ. Въ случаѣ желанія автора скрыть свою фамилію, дозволяется снабжать рукописи девизомъ и прилагать особый запечатанный пакетъ съ тѣмъ же девизомъ и со вложеніемъ въ него записки съ обозначеніемъ фамиліи автора и его мѣстожительства.

Примѣчаніе. Представленныя на конкурсъ рукописи могутъ быть взяты обратно или самыми авторами, или по довѣренности, надлежащимъ образомъ засвидѣтельствованной.

«9) Печатныя сочиненія разсматриваются или по просьбѣ автора, или по указанію какого-либо изъ членовъ Учебно-воспитательнаго Комитета.

Примѣчаніе. Время представленія ихъ авторами то же, что и для рукописей.

«10) Преміи за рукописныя сочиненія выдаются только по напечатаніи ихъ, и въ такомъ случаѣ, до выдачи автору преміи, ему выдается удостовѣреніе о присужденіи преміи. Право на полученіе преміи сохраняется за авторомъ рукописнаго сочиненія въ теченіе 3-хъ лѣтъ. Преміи, не взятыя авторами въ теченіе этого срока, причисляются къ основному капиталу, послѣ чего авторы теряютъ право на полученіе ихъ.

«11) Относительно храненія и отчетности расходованія причисленій на капиталъ имени К. Д. Ушинскаго распространяются общія на сей предметъ правила, установленныя Положеніемъ о Педагогическомъ Музеѣ военныхъ заведеній.

«12) Въ случаѣ закрытія Педагогическаго Музея воен-

но учебныхъ заведеній, капиталъ этотъ передается въ одно изъ правительственныхъ учрежденій: при жизни жертвователей,—по ихъ выбору, а послѣ ихъ смерти—по рѣшенію Учебно-воспитательнаго Комитета Педагогическаго Музея».

Очевидно, такимъ образомъ, что, въ силу «Положенія», учрежденіе преміи, содѣйствуя увѣковѣченію памяти К. Д. Ушинскаго, вмѣстѣ съ тѣмъ обусловливаетъ собою также естественное продолженіе и развитіе педагогической дѣятельности во всѣхъ тѣхъ видахъ и направленіяхъ, которые были избраны самимъ же покойнымъ К. Д. Ушинскимъ.

Въ заключеніе необходимо еще добавить, что въ виду имѣется подобное-же учрежденіе преміи имени К. Д. Ушинскаго и при Академіи наукъ, за научно-педагогическія сочиненія такого-же примѣрно характера и направленія, какъ столь извѣстная «Антропологія» покойнаго К. Д. Ушинскаго.

Цѣна **50** коп.